

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER

HN DXC2 E

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Cover
1879

МАРКО ПРОКЛЯТЫЙ.

ПОЭМА

НА МАЛОРОССИЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ

ИЗЪ

ПРЕДАНИЙ И ПОВЪРИЙ

ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНЫ

А. П. Стороженка.

Alexyey Petrovich Storozhenka

(Съ портретомъ автора).

(Реданіе)

ОДЕССА.

Типографія Л. Нитче, Полицейская, 30.

1879.

THE AMERICAN

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Нужно читать :</i>
3	7 снизу	орель	орэль
21	3 сверху	Згадаючи	Згадуючи
22	7 "	пролиння	проминня
27	12 "	Такъ-жь то зъ сїен дивчынны	Такъ зъ сїен-жь то дивчынны
41	5 "	розпытувавъ	розпытувавъ
81	8 снизу	" затрищала	" затрищало
82	*13 сверху	пересклькючусь	переклькяючись
111	7 "	Каторжны	Катаржны
154	" 13	Якъ чортъ улизевъ очереть	Якъ чортъ улизе въ очереть
155	4 снизу	трясаючи	трясючи
162	2 "	кухмику	бухлику
170	въ концѣ по	писанію	по писанію

©

МАРКО ПРОКЛЯТЫЙ.

ПОЭМА

НА МАЛОРОССИЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ

ИЗЪ

ПРЕДАНИЙ И ПОВЪРІЙ

ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНЫ

А. П. Стороженка.

Алексеѣ Петровичъ Стороженко.

(Съ портретомъ автора).

ОДЕССА.

Типографія Л. Ниче, Полицейская, 30.

1879.

Slaw 5078.1.20

~~Slaw 5078.1~~

Harvard College Library
Gift of
Archibald Gray College, Ph. D.
July 1, 1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 1-го марта 1878 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящая поэма извѣстнаго писателя, покойнаго Алексѣя Петровича Стороженка „Марко проклятый“, составлена по изустнымъ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ, и поэтому представляетъ, въ своемъ родѣ, историческую эпопею, въ которой рассказывается жизнь, похождения и приключенія Марка, и съ тѣмъ вмѣстѣ отражаетъ въ себѣ, по тѣмъ же преданіямъ, древній, почти первоначальный бытъ Запорожья, его характеръ и міросозерцаніе.

Вотъ подлинныя слова (въ письмахъ къ издателю) Алексѣя Петровича объ его поэмѣ *Марко проклятый*:

„Это отверженный скиталець, котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: *Товчеця, якъ Марко по пеклу*. Стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о походахъ Марка. И вотъ болѣе 30 лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ многое собрать. По народнымъ преданіямъ похождения Марка относятся до

далекихъ временъ Запорожской сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 г., бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельницкаго. Каждый народъ имѣетъ своего скитальца: древніе греки Одиссея, французы Вѣчнаго Жида, Сантенера, испанцы Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечесть; у русскихъ Коцей безсмертный, а у малороссіянъ *Марко проклятый*; но, какъ жетса, малороссійскій Марко затѣне за поясъ всихъ скитальцивъ“.

„Эпизоды о Кривоносѣ, Вовхурянцяхъ *), Павлюгѣ и Немировской рѣзнѣ, какъ и интересныя продѣлки героевъ-запорожцевъ 1648 г., основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которые и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа. Изъ этихъ преданій рассказъ о Немировѣ переданъ мнѣ еще въ 1825 году, во время стоянки нашего полка въ Неми-

*) По историческимъ свѣдѣніямъ Вовгуревцами называлась особенная большая дружина Украинскихъ ратниковъ, которая составила во время войны Украины съ Польшею. Это названіе она получила отъ главнаго своего вождя Вовгура Лисенка. Онъ съ своими козаками ратовалъ болѣе всего около Канева, драгся отчаянно и не щадилъ поляковъ и жидовъ, какъ ненавистныхъ враговъ украинны. Князь Іер. Вишневецкій успѣлъ захватить Лисенка въ свои руки, и его полунагого, покрытаго безчисленными ранами, бросилъ въ тюрьму въ Немировѣ; но это не усмирило его дружины. Буйства и нападенія ея продолжались, а когда Лисенко былъ ею освобожденъ изъ заключенія, онъ повелъ своихъ козаковъ еще безстрашнѣе противъ враговъ.

ровѣ, слѣпымъ 98 лѣтнимъ священникомъ, который на 9-мъ году своего возраста былъ *поводатарема* у своего прадѣда, также слѣпаго столѣтняго дидугана, само-видца Немировской рѣзни и возацаго бенкета въ замкѣ князя Четвертинскаго, и распѣвавшаго *Исаія лкуй*, когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ княгинею Четвертинскою“.

„Поэма моя выношена подѣ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя особенности, касающіяся быта Запорожья очень важны, это, въ своемъ родѣ, похоже на вновь открытый островъ среди океана. Началь же я свою поэму въ то время, когда писалось мнѣ такъ легко.... Старый батько, П. П. Гулак-Артемовскій, прочитавши Марка, своею рукою написавъ: „Зѣ роду лучшого не читавъ, и до смерти вже не прочитаю“. Може старый и шутковавъ, а може й правду казавъ, не мині се діло ршати“.

За 17-ть дней до своей смерти, а именно въ письмѣ отъ 21 октября 1874 года, А. П. написалъ: „по-сылаю вамъ всего Марка, какъ получилъ отъ васъ, робить що сами знаете, нехай вамъ Господь поможе“.

Въ виду трудовъ и такой добросердечной откровенности покойнаго А. П. объ его по смертномъ произведеніи, считаемъ долгомъ объяснить, что изъ шестнадцати главъ этой поэмы, двѣнадцать окончательны

написаны собственною рукою покойнаго А. П., а остальные четыре главы сгруппированы, по крайнему разумѣнію, сообразно письмамъ автора, его плану и взглядамъ на цѣль и значеніе этого произведенія.

Алексѣй Петровичъ, какъ полезный русскій гражданинъ и общественный дѣятель, какъ писатель, и какъ художникъ, въ высшемъ и обширномъ смыслѣ этого слова, ожидаетъ достойной біографіи. Съ свѣтлымъ умомъ и чистымъ теплымъ сердцемъ, онъ былъ талантливый музыкантъ на віолончель, скульпторъ и рисовальщикъ: за работы по скульптурѣ получилъ отъ Академіи Художествъ медаль, а за проектъ памятника Нестору лѣтописцу званіе художника. При томъ, какъ большой любитель природы, онъ усердно занимался садоводствомъ при своей усадьбѣ, возлѣ г. Бреста. Послѣдніе годы своей жизни, всегда дѣятельной, онъ страдалъ отъ аневризма въ сердцѣ, вслѣдствіе контузии, полученной во время его военной службы, въ турецкую войну, 2 мая 1829 года, въ битвѣ подъ Журжей, гдѣ заслужилъ и Георгія. Умеръ 7-го ноября 1874 года, состоя въ должности Брестскаго предводителя дворянства и предсѣдателя мирового съѣзда.

Слѣдующія немногія слова изъ писемъ А. П. достаточно характеризуютъ его.

„И доси хирію; трохи поправлюся, а тамъ знова нахиліае въ могилку; не довго вже мині и вештацця

VII

по свиту. Не думайте, чтобы я былъ мнителенъ; я никогда о себѣ не хлопоталъ и умереть готовъ хоть сію минуту. Такова, видите, козачья натура. — Здоровье мое по *тромах* поправляется, но еще не выѣзжаю. Не обвиняйте меня въ напрасныхъ жалобахъ на нездоровье, я страдаю болѣзнию сердца, которое отъ продолжительнаго употребленія (68 л.) износилось порядочно. Если еще маюсь на свѣтѣ, то силою, данною мнѣ при рожденіи. Не такъ давно еще я сгибалъ двугривенные и носилъ на гору 10 пудовъ. Короче, былъ когда-то козаемъ, а теперь казна-що. Противъ аневризма въ Парижѣ медики сказали мнѣ: „старайтесь съ этимъ недугомъ жить“. Вотъ я и стараюсь, хоть иногда и плохо приходится“.

Затѣмъ остается еще сказать: издатель пользовался особеннымъ вниманіемъ и добрымъ расположеніемъ Алексѣя Петровича, и съ своей стороны питалъ къ нему самое глубокое и сыновнее уваженіе, сохраняя какъ дорогую святыню, сколько важныхъ, столько же и задушевныхъ писемъ его, нѣкоторыя статьи и замѣтки, а также замѣчательную Байку: „Кури та собака“, написанную въ 1860 году и посвященную издателю. Въ глубокой признательности къ дорогой памяти покойнаго Алексѣя Петровича, издатель прилагаетъ при этомъ портретъ А. П., снятый въ 1864 г. и подаренный издателю.

МАРКО ПРОКЛЯТЫЙ.

Товчеця, якъ Марко по пеклу.

(Украински приказка).

I.

Було въ Петривку. Зелена по поясъ трава вкрывала степы, выхрылась, слалась и якъ море грала; набижить витерець, покотыця хвылею, нахылить, розибье ии и вона зажовтіе, заголубіе и зачервоніе квітамы. На сынёму неби ни хмары; сонце зверху накрыва тепломъ и шырокомъ проминнямъ, якъ золотымъ дощемъ, кропыть коженъ листочокъ, кожную былинку, а зъ травы обдае, свижить пахучымъ холодкомъ. Дышешь, не надышесся, якъ буває въ Спасивськи жарóты, писля довгого пути, ни насытышь жадобы, допавшысь до холодной криници. Здаецця тилькы й выдко небо й землю, а скількы ще, на округы тебе, тыеи твари Божои! Куды не глянь, пидъ кожнимъ кущыкомъ, листочкомъ, кишать коныкы, кошаня, якъ розмалёвани метелыки, мыгтять зъ квітти на квітку; а высоко, пидъ яснымъ небомъ, вьюця орлы, хмарою литають дровхы, журавли, хохитва; кобчыкы, неначе гвоздыкомъ прибыти, на однимъ мисци махають крыльцями, выглядуючи добычу. Де-колы залопотыть, розляжеця трава и,

сайгагъ злякавшысь свого-жъ шелесту, летыть якъ на крылахъ, схылывши на спыну довги свои рогы. Кругомъ тебе усе живеть, усе дыше, дзиркотыть, высвыстуете, а оддали, ни вить видкиля выявляющя озера, будимъ чарамы наливающя, мріють, котять хвылю за хвылею и якъ море вкрывають землю. Тилькы де-не-де синіють, неначе острова, оточенни могылы; и зновъ якъ небуло, манья розвіялось, рознеслось, и зновъ зелена трава скрызъ стелеця по степену. Весело глянуть на си стены запорожской украины; усе очи до себе прыгортають, а сердце мліе, смутни думкы летять въ невидомый край, а за ными рвецця й душа, бо нема для неи притыну на земли, якъ нема чоловікови захисту на шырокому степену.

Жаръ починавъ стухать, сонце близьилось до земли, оточившись довгими паростями проминня, неначе підняло сто рукъ, щобъ обняты стены на добра-ничъ. Витерь якъ зъ лису повивавъ холодкомъ и розносывъ квитчани пахоши. У свою чергу озвалысь вечирни пташки: підпідёмкали перепёла, деркотылы деркачи, висвыстувалы овчарыкы, кыгыкалы и квилылы литаючи чайкы. Ажъ ось, въ трави, неначе искра блыснула, и выявивысь, якъ зъ земли вырись, на вороному коню сичовыгъ, въ червоному жупани и въ кабардынци *) на бабирь. Ре-

*) Такъ прозывалысь запорожскы шапки, бо булы обложены хузромъ зъ кабарды. По лывому боку Днипра прозвають ихъ выдрамы, або видныхамы.

минный поясъ вризався въ ёго тонкый станъ, за поясомъ и въ кубурахъ стремилы пистоли, била боку высила шабля въ срибнѣй пихви, а за плечыма мотався буддымокъ *). Сичовыкъ бувъ ще молодой, тилькы вусъ выривнявсь; ясно глядили ёго кари очи, а уста ниби усмихалысь; усякый бы пизнавъ по ёго юнатству и безсумному погляду, що не ввирывся ще ёму свить, не почало й лыхо: Ихавъ винъ тыхою ходою, озыраючись по сторонамъ, ниби гулявъ соби, то закурныка писнею, то нахилыця зъ коня, зирве квитку, втишающя ею и, побачывши кращу, кыне и зрыва другу.

Вже завечерило. Широки тѣни простяглись и мерезыли степь; захидъ сонця занявся поломьямъ и на супроты обдавъ яркимъ свитомъ гребень горы зъ могилами. Сичовыкъ зкинувъ очима у даль, шукаючи, на якій-бы ёму могили заночувать. Дывиця, на самѣй выщѣй могили щось мріе, чорніе: спершу здалось ёму за шульнику, а якъ сблизився, побильшало, неначе орель; ще проихавъ килька гонивъ, роздывився, ажъ то чоловикъ, и сидивъ винъ нерухомо, неначе камьяна баба на могили.

— Отъ и добре, пробубонивъ про себе сичовыкъ, — пославъ мыни Господь на ничь товариша.

Спустывшись въ балку, винъ зупинився била криныци, набравъ въ баклагу воды, напоивъ коня и по-

*) Коротка вышивка.

вивъ ёго въ поводу. Зійшовъ на гору, вже и до могили зблизивсь, а чоловикъ сидить соби, не ворухнеця, неначе залякъ, не оглянеця на сичовыка и не чуе шелесту одъ ёго важкого поступу. Зъ виду винъ и по одежи не геваль, не бурлака, а щось не просте: татарська кучма насунулась ёму на очи, нись закандзюбився, якъ у кѳбця, а довгenni сыви вусы ажъ до грудей доставалы. На плечахъ у ёго бувъ накинутый чорный подолянській кобенякъ и въ верзунахъ *), якъ обуваюцца въ Карпатськихъ горахъ гуцулы. Не видко було при ёму ни якои брони, тилькы въ руци державъ винъ ципокъ и били боку лежала торба.

Зблизывшись до могили, сичовыкъ одпустывъ коневы попруги, прыарганывъ, дывиця, а чоловикъ усе сидить, не оглянеця и не поворухнеця.

— Бачъ, якъ замыслывся, — прошепотывъ сичовыкъ, заходячы зъ боку, — а мене и не бачить; постривай-же, я тебе сполохну, — та скилькы духу й крикнувъ: пугу! — ажъ луна по степу покотылась.

Однакъ отъ сёго покрику чоловикъ не сполохнувся, не притьма озырнувся винъ, и, хижо, зъ пидлобья, глянувъ на сичовыка. Страшно горили вирлооки ёго очи, неначе искры зъ нихъ посыпались. Сичовыкъ хотывъ було ще вдруге пугукнуть, та й припынывся, бо якъ списомъ шпигнуло ёго тымъ поглядомъ, неначе холодна

*) Пестолы зъ шкуратка.

жеретія *) обвилась и здавила ему сердце. И не схаченувся винъ, якъ сичовыкъ знявши кабардынку, нызенько вклонився, будимъ самому кошовому, и зъ повагою промовивъ;

— Добривичиръ, чоловіче!

Чоловикъ змирявъ сичовыка очима и, непромывшы слова, одвернувся. Нахмурывся и сичовыкъ; заграла молада кровь, заискрылысь очи: разсердыла ёго та зневага.

— Слухай, чоловіче, — озався сичовыкъ, — за пожегнанне мусишь оддякувать, а не одвертать пыку и чорты батька — зна куда стромлять свои волови очи, якъ кішка въ каганецъ!

Чоловикъ мовчавъ, усе дывлячись пильно у тужь саму сторону, якъ и спершу дывивсь.

— Чи чуешъ, що я тобі кажу? — зновъ гримнувъ сичовыкъ, пидступаючи.

— Не позакладало, чую... пробубонивъ чоловікъ, не ворохнувшись.

— Чого-жь мовчишь?

— Ничого казать; коли я тобі не подобавсь, иды соби дальшь, степы простори.

— Не я до тебе прійшовъ, а ты забрався въ чужу солому, та ще й шелестишь! Степы наши, запорожськи. Отъ що!

*) Невелычка гадюка, що лазыть по деревьямъ и обмотуеця кругомъ витей.

— Хто се тобі казавъ?

— Я тобі кажу!

— Коли ваши, чомъ же вы ихъ не орете, не засиваете, не користуетесь ними?

— Сичъ не пшеницею степы засива, а крипостямы, паланками, отъ що!

— Поганижъ будуть ваши жнива; не соби дбаєте; правда твоя, менé вигъ, другый, и си степы рыгнуть золотомъ, срибломъ, та не буде вамъ зъ того ни якои корысти. Не подякують тихъ, хто кровью своею ихъ поливавъ и своими кытками огорожувавъ!... Такъ не важн мыни, козаче, що степы ваши, Божн вони и того, кому Винъ дасть ними користоваця!

— Поки хвалько нахвалиця, будько добудецця! уставай же, та йди соби и къ уражій матери, за те, що ты цураєся мого товариства; не хочу зъ тобою на одній могилы почувать, отъ що!...

— Якъ не хочеш на одній, такъ шукай соби иншу...

— Выбачай, чоловиче, — гримнувъ сичовыкъ, — у мене такый звичай, що кудыбъ я не прійшовъ, то вже видти не пиду, покы самъ не схочу.

— Такій саме звичай и въ мене...

— Вставай же, кажу тобі, — скрикнувъ сичовыкъ, — не то я тебе по запорожськи пидведу!

— Чи не схотилось тобі жозаче, тычка подуть? *) спитавъ чоловікъ, зареготовавшись на весь степь, неначе само пекло зареготало.

— Я тебе такъ подму, — гукнувъ сичовыкъ, ще гиришь розсердившись, — що ажъ на тій могилі опинисся.

— Гляди, жозаче, не то мене не зведешъ, та й торби моєї не підіймешъ....

— Брешишъ, підійму, и потылицю ще тобі єю натовчу!

Сичовыкъ справди хотивъ було затопити по гамалику, ухопивсь за торбу, та сюды-туды, и зъ місця ии не зворухнувъ; попрубувавъ обома руками взяти, ажъ заморивсь, видъ натуги, а все таки не зворухнувъ.

— Що тамъ таке въ торби? — бубонивъ сичовыкъ, поглядаючи то на чоловіка, то на торбу, — якый тамъ биць сидить?... Я-жъ таки не аби якый, підєови розгинаю, коня підіймаю, а гємонської торби и зъ місця не зворухнувъ....

— Скажи мени, чоловіче, — спитавъ винъ, — що ты таке на свити: чи якый характерникъ, чи може самъ чортъ?

— Не характерникъ и не чортъ, — одказавъ чоловікъ, схиливши на груди голову. — тилькы чортова у мене доля....

*) Себѣ-то якъ розказують въ казці, зпрубовать сылы хто дужчий.

— Яка-жь у чорта доля?

— Не така якъ у людей!

— Се й не питаючи знавь....

— А ты мыни скажи, якый тамъ бисъ сидыть у твой торби, що вона така важка?

— Подывись....

Сичовыкъ розв'язавъ мутузокъ, засунувъ руку въ торбу и витягъ голову старои бабуси. Ажь звомпивъ винь, глянувши на пей и трохи зъ рукъ не впустивъ. Якъ вчора отрубана: биле волосся було скуёвдано и облыто запеклою кровью, бровы нахмурились, не закрыти очи гризно дывились, рить розкрывся, страшно було глянуть на видъ старои: здавалось, буцимъ вона въ остатній часъ кого проклянала.

— Чья се голова? — спитавъ сичовыкъ, прозоро поглядаючи на чоловіка.

— Матчина....

— Хто-жь ии одчесавъ?

— Я!...

— Ты!... Ридну неньку?!... Мій Боже милый, чомъ же Ты не затримавъ такои гришнои руки?!... Скрыкнувъ сичовыкъ, опускаючи голову въ торбу. — Що-жь тамъ ще у тебе? — спытавъ винь дывлячись на чоловіка.

— Подывись...

Сичовыкъ зновъ полизъ въ торбу, и витягъ другу

голову, молодой дуже гарной дивчыны. Джегерели и друбушки ще не порозплиталысь, тилькы довга коса, чорна якъ гайворонъ, позлипалась запеклою кровью. Очи были трошки прищурени, а устонька, якъ терень сынїи, одкрыти и зѹбки неначе перлы нанизани, билилы и блестилы.

— Мій Боже милый, якажъ гарна! — скрыкнувъ сичовыкѹ, — и на таку пиднялась рука?!...

— Пиднялась, колы одрубана....

— Чыяжъ се голова?

— Сестрина.

— Чи не ты и сю одчесавъ?

— Одгадавъ!

— Знаешъ, чоловиче, — зитхнувши промовывъ сичовыкѹ, — на усѣму свити нема найнещаслывійшой твари якъ ты, — отъ що?

Чоловикѹ швыдко повернувъ голову и пыльно глянувъ на сичовыка, ниби хотивъ роздывыцця, одъ кого почувъ сю ричь.

— Козаче, — сказавъ винъ журлыво, — не тоби першому показувавъ си гѹловы, не тоби одному и прызнавався; вси-жъ одъ розумной головы, казала, що нема на свыти и звиря лютїйшого видъ мене, и не брехала воны; однакъ ты одъ щырого сердца, сказавъ святу правду : на усѣму свити нема нещаслывійшой твари якъ я!... Одъ мене усе одцуралось : и небо, и земля, и само пекло!... Мене проклїяла маты, проклїявъ и батько зъ того

свита, — я Каинъ!... А тоби мене жаль, якъ побиденного, нещастливого?.. Спасыби тоби, козаче, дай руку побратаємось? — Чоловигъ простигнувъ руку якъ лопату, обвинуту товстими жылами, неначе вирёвгамы.

— Выбачай чоловиче, — одривавъ сичовыгъ, — хочь мыни тебе и жаль, а прочвари, Каину руки не подамъ и побратымомъ не буду.

Чоловигъ ажъ зъ мисця вскочывъ, такъ ёго уразыла ся одповидь; хочъ нижшый винъ одъ сичовыга, а якъ роздрочывся, тагъ страшно и глянуть на ёго поstattь: плечи и груды якъ башта, кулаки якъ дви довбешкы, пополотнивъ, очи кровью пональвались. Не звомпивъ-же и сичовыгъ, на пядь не одступывъ, и смилодывицца чоловигови въ очи....

— Якъ! — гримнувъ чоловигъ, заскреготившы зубамы, — ты гребаешъ моею рукою, моимъ товариствомъ?... Чи ты знаешъ, блазень, що колысь и я бувъ сичовыкомъ, колысь за велыку увагу ставылы мое товариство?

— Може колысь, — перехопывъ сичовыгъ, — та не теперычки....

— Такъ выймай-же шаблю и боронысь: за сю уразу, я вызываю тебе на чесный поедынокъ!....

— Не чесный буде поедынокъ, бицца зъ шаблею проти голыхъ рукъ, а давай чымъ здужаемъ! — сичовыгъ згорнувъ кулаки и ставъ на готови.

— Не бійсь, изъ шаблю не поривняесся!

— Боюся тилькы не чесной смерти, Богъ насъ по-
ривня, а разсудить совисть! — одказавъ сичовыгъ
наступаючи.

Якъ одъ воды стухае поломмя, такъ остатня одпо-
видь сичовыка припинула яристь чоловика; не здер-
жавъ винъ и его смилого погляду, понурывся и назадъ
одступывъ....

— Совисть... совисть... глухо прогомонивъ винъ, —
ни, ни, не мыни проклятому брататысь зъ тобою; не
тоби простягать и руку суцзыи! — Чоловикъ прыныгъ
до земли и важко застогнавъ, здавалось и могла зъ
нымъ стогне....

— Не сердся, чоловиче, за мою шпáрку одповідь, —
зъ жалемъ промовывъ сичовыгъ, — якъ будешъ гынуть,
я одъ тебе не одцураюсь и обидвы руки тоби простягну.

Чоловикъ пиднявъ голову и глянувъ на сичовыка.

— Ты зъ сичи? — снытавъ винъ зтыха.

— Эге, — отвитывъ сичовыгъ, сидаючи поручъ зъ
чоловикомъ.

— По воли, чи недоля туды тебе запроторыла?

— Не знаю, якъ тоби и казать. Отъ слухай, не
багацько розказувать. — Закохався я въ дивчыну, въ
нашому такы сели, и хотивъ одружитысь, такъ батько
моеи суженои не згодывсь. |«Дивча», каже, «ще мо-
лоде, та й ты молодой, иды соби у кишь, повецтаеся
тамычки рокивъ зо тры, покоштуй гирькои, и колы Гос-

подъ приведе вернутысь, то мы тогда васъ и одружимъ». Моя ненька, — батька у мене нема, вмеръ. — дуже вбывалась, однакъ неодмовлёвала; «иды, каже, сынку, колы такъ треба, нехай тоби Богъ помогае, бо й батько твій тамъ бувъ; придбаешъ и ты соби козацькой славы». Такъ отто теперички и повертаюсь до дому, придбавъ, якъ кажуть, и тыен славы; дакъ заporожци, матери ихъ ковинька, — нехай здорови будуть, — таке призвище приложили. незнаю якъ и неньци казать *Кобзою* прозвали, отъ що!.. Вже було почалы пидковою звать, бачъ, пидковы розгынаю, а тутъ мыни на лыхо нечыста маты кобзаря принесла, спивавъ собачый сынъ, спивавъ, тай поклавъ кобзу, а я недоглядився де вона, сивъ на ней тай потрощывъ дьявольску лычину; отъ мене и прозвали кобзою. Оттаке, бачъ, прылучилось.

— Не журыся, козаче, не призвище прославляе чоловика, а чоловикъ призвище; не за горами и той часъ, якъ розкынецца шырокий просторъ за для козацького герця.

— Була така чутка и у насъ, въ коши, передъ моимъ выиздомъ; прыбигъ зъ Чигирына войсковый писарь Хмельныцкій, лагодылысь збирать раду... Хотилось и мыни зостаця, такъ дивчына-жь, козацьке слово....

— А дуже ты кохаеся въ своей дивчыни?

— Якъ-бы не дуже, якый-бы его бисъ и покынувъ сичъ.

— А хто тобі поручиця, що вона и доси тобі вирна, и доси тебе кохае?... Вернесся, а вона ще краца стала, выривнялась якъ била тополя, тилькы вже не твоя, а другому досталась... Що ты тогди робытешь?... Кажы?...

— Тогди-жь то й буду казать.

— А бувае що сама-же ненька нараить сужену свого сына одружытысь съ другымъ... Щобъ ты тогди зробывъ, якъ-бы зъ тобою зконлось таке лыхо?... га?...

— Не подобне выгадуешь; дежь ты чувъ, щобъ ридна ненька втопыла долю своеи дытыны, та й дивчына, котра коха свого суженого, скорийшь вмре, якъ зъ кымъ иншимъ одружыцца. Колыжь зъ такою розвела, якъ ты кажешъ, то й добре зробыла; шукай соби иншу, вирну дружину...

— Знайшлась та инша, ридна сестра. — сама-жь кынулась заспоконть побиденного. Се-жь ей й голова въ торби!...

— Ридна сестра! — обизвався Кобза, важко зитхнувши, — тай гарна-жь, навицы гарна!

— А колыбъ ты, козаче, побачывъ сю голову на повнихъ плечахъ, на стройному стану, колыбъ вона глянула на тебе живыми очыма, почувъ-бы ии голосокъ и устонька, якъ макивка червони, стулылысь зъ твоими устами?...

— Ну годи, казна-що выгадуе, та ще й протиночи!...

— Облыла вона пошарпане сердце, — розказувавъ чоловікъ, не слухаючи Кобзи, — дрибною слёзою жывущою и сцилющою воды, и на якый часъ загоила ёго, та загоила на превельке лыхо: загорилось воно зновъ коханнямъ, люто, скажено загорилось, и усёго мене запалыло!... И въ той часъ якъ горышъ тымъ пекельнымъ вогнемъ и жадоба палыть твое нутро, зъ неба, зъ самого раю, брызнула роса; чи вдержавсябъ не напицця тыеи воды?...

— Та ну тебе къ бису, — зкрыкнувъ Кобза, затыкаючи вуха, — страшно тебе й слухать! — Що ты мене на покѹсу пидводишь, чи що? Лучче ты мыни скажи, якый тамъ бисяка сыдыть у твой гемоньскій торби, що вона така дуже важка? Здаецця, дви голови небагацько заважать?

— Що въ мене въ торби? — озвався чоловікъ, пиднявши голову, — нечистая моя совість!...

— Совість?... Оттаке ще выгадай!

— Совість тяжкая, важкая, невсыпущая, що не дае мыни спокою, грезе мене и день и ничь, вже бильшь якъ пивъвика ношуся зъ нею, и до киньця свиту, до страшного суду, буду носыцця, покы не зробыцця вона легенька, що й мала дытына ии пидійме....

— Колыжъ вона полегшае?

— Тогда, якъ добрымы диламы покрыю превелыки и тяжкіи мои грихы, а безъ сёго не прыйме мене ни земля, ни само пекло...

— Шюда, бачу, — пробубонивъ Кобза. Потимъ, зъ перегадомъ, спытавъ: здавалось, казавъ, що й ты бувъ сичовыкомъ?

— Бувъ.

— Якъ же тебе тамъ звалы, чи не чувъ чого про тебе й я?

— Такъ звалы, якъ пипъ охрестывъ, другого призываща мыни не прибралы.

— Якымъ же именнямъ тебе пипъ охрестывъ?

— Маркомъ.

— Те-те-те, чувъ, богато де-чого чувъ! — казавъ Кобза, вытрищившысь на чоловика, — чи не той ты Марко, що товкся по пеклу?

— Той самый....

II.

Пиднялась роса, и якъ серпанкомъ вскрыла степь; небо потемнило, зори выяснылись; ничь тепла, та пахуча простягла чорни крыла и всю землю прыгортала и тулыла, неначе ненька свою дытынку до грудей. Все живѣ затихло, прымовкло, тилькы совы, та пугачи литалы надъ головами Кобзи и Марка, скиглыли, пугикалы, та й ще бильшь додавалы сѹму. На темному неби, чорнымъ обрисомъ, выявлявся зъ богу Маркивъ выдъ, и выдео було, якъ пидймалысь ёго груди, и чутно, якъ важко винъ дыхавъ. Боязко глядивъ на ёго Кобза, въ ёго души зминялысь то жаль, то погорження; здавався винъ ёму и харпакомъ, и побиденнымъ. Задывывшысь на ёго, забувъ винъ и голодъ и свою втому.

— Може-бъ ты, чоловиче, червяка заморывъ, — спитавъ Кобза, — у мене ё важни чабаки?

— Мого червяка ничымъ не заморышь, — озвався Марко.

— Чи не хочешъ глытнуть горилки, и горилка у мене ё.

— Напоила вже мене лыха доля, буде зъ мене!...

— Чого-жь такъ важко дыхашь, занедужавъ, чи що?.. Засны, спочынь, воно й полегшае!

— Засны, спочынь, — обизвався Марко, — неби усмихаючысь, — нема для мене на симъ свити не сну, не спочынку; я вже забувъ, колы й спавъ....

— Хиба-жь такъ давно?

— И батька твого ще не було тогди на свити...

— Якъ же ты на свити Божому оце живешь, не сплючи?

— На мисць сну, я що суботы вмираю й оживаю, щобъ зновъ вмираты!

— Сёгодня, здаецця, субота, — усмихаючысь сказавъ Кобза, — побачымо, якъ же ты вмиратымень?

— Бодай недовелось тобі бачыць....

— Де-жь твоя душа витае, якъ ты вмрешь, колы, якъ й самъ кажешь — що й пекло їи не прыйма?

— Моя душа, тымъ часомъ, литае по свиту, та збирае мои тяжкыи грихы и зносыть у сю торбу, и Марко озырнувся на свою торбу.

— Нивить - що и выгадуе, — бубонивъ соби пидъ нисъ Кобза, а самого якъ морозомъ окотыло, неначе за комирь хто хапавъ... Здавалось ёму, буцимъ и одрубани головы ворущылись въ торби и шепотылы мижъ собою... Однакъ, щобъ не выявыть свою сѹму, винь ще, по запорожьскому звычайу, и жартувать ставъ.

— Отъ бачъ, — каже, розв'язуючи свою сунку, — щобъ твоя торба полегшала, тобі треба каятысь, та спасатысь, а мыни такъ добре исты, та запываты.—

Та се кажучи и почавъ чабака трошчыть; уклавъ и другого, и третёго, а дали глытнувъ зъ пляшкы на поту-ху горилкы, та, выкрысавшы вогню, запалывъ люльку. Марко не промовывъ до Кобзы слова й не озыр-нувся. Чимъ дальшь заходыла ничъ, тимъ важче винъ дыхавъ, тимъ гирше грызла ёго нудьга; бидолашний не знаходывъ соби мисця: гедзався, буцимъ пидпалю-валы ёго вогнемъ, и трыпотивъ неначе тряця ёго тря-сло. Кобза налагодывся було цилисиньку ничъ не спаты; щобъ, про всякъ случай, буты на готовы; а не всливъ добре смыкнуть люльки, якъ вона выпала зъ рота, го-лова схилылась на сунку и втома, неначе лещетами, стулыла ёго тило....

— Ненько.... Зинько!.. — пробубонивъ винъ, потя-гуючысь и захрипъ, та не надовго.

Опивночи заколыхалась и затурготила пидъ нимъ земля, гугъ и галасъ розбуркали ёго. Схопывшысь винъ, озырнувся на округі и одъ жаху окамянивъ. Передъ Маркомъ стояла старенька бабуса и дуже гарна молодыця зъ дытынкою на рукахъ. Стара гризно дывы-лася на Марка; ии очи, якъ вогнемъ палалы, скуёвдане и распатлане волосся, биле, якъ молоко, розвивалось витрицемъ, пидіймалось, ворущылось, неначе купа га-

дюжъ; а дивчына высона, сановыта, схылывши голову на груди, тулыла до себе дытынку. — Кобза тилькы скинуувъ на ихъ окомъ, заразъ низнавъ Маркову матирь и сестру. Невелычка скыбка мисяця похмуро освищала выходцивъ зъ того свиту. Марко ледви державсь на нѣгахъ; волѣся пиднялось до горы, пина была зъ рота, у грудяхъ и ревило, и стогнало....

— Зныкнить, одкасниця видь мене! хрыпивъ винь, одмахуючись руками, — доки вы будете карать мене?

— Поты, — заголосыла маты й сестра, — покы не спасешъ своеи души и нашихъ душъ, загубленнихъ тобою!

— Щожъ мыни робыть на свити?.. Хиба не бачете моеи праци, хиба вамъ ще мало моихъ лютыхъ мукъ?... Ридна ненько, сестро, змылуйтесь, дайте мыни бидолажному спочынку хочъ на одну тилькы часынку!

— Нема намъ спочынку, не буде й тоби! Ратуй себе, ратуй й насъ!

— Тату, тату! — запыщала дытынка, простягаючи до Марка рученята, — ратуй, ратуй!...

— Ратуй себе и насъ! — загомонило по степену, и изъ земли пиднялысь купы мертвецивъ, простягаючи до Марка кистляви руки, и вси зблызылысь до ёго....

— Зныкнить! одкасниця!! — заревивъ Марко, якъ выль на ревищи, и, выхопывши зъ пидъ кобыняка черкеськый кинжалъ, замахаувъ передъ собою.

— Ратуй себе й насъ! — заверещала и застогнала ватага мертвецивъ и прожогомъ кынулась на Марка....

Блыснувъ кинжалъ разъ, въ друге, и обезголовлени маты й сестра гепнулысь объ землю. Заколыхалась и затурготила могыла, розступылась земля и зъ глыбокои ямы, якъ зъ воды, вырнувъ дидизный старецъ. Биле волосся розкынулось по плечахъ, борода доходыла до пояса, и самъ билый якъ крейда, тилькы очи тлилы сынёватымъ вогнемъ, ягъ горыть сёрка. Въ рукахъ державъ винъ одсичени головы.

— Батьгу, змылуйся! — скрыкнувъ Марко, ударивши себе въ груди.

— Проклынаю тебе, сыну, — застогнавъ дидъ, — проклынаю на симъ и на тимъ свити!

— Проклятый! проклятый! — почулось кругомъ Марка, и кupy мертвякивъ высунулысь зъ земли и замахалы руками. Одъ сёго покрыгу покотылась луна и кóжна могыла одклыкнулась: «Проклятый!... проклятый!»...

Дидъ кынувъ Маркови одсичени головы, и одъ змаху ёго рукъ повіяло холоднымъ чадомъ. Марко заскреготивъ зубамы, скрыкнувъ, скорчило ёго судоргами и винъ бебехнувся объ землю....

У Кобзи, дывлючись на все оце, здавило сердце, у грудяхъ сперся духъ, вся кровь захолола, и винъ тежъ, якъ не живой, простягся на могыли....

Вже свитало, якъ опам'ятовався Кобза. Важко зитхнувъ винъ, одерываючи очи, на грудяхъ неначе каминюка гнитыла. Згадаючи, що довелось ёму побачыть у ночи, винъ добре не тямывъ и не здужавъ вбачнуть: чи то ёму снилось, чи справди на яву усе то діялось. Пидвившысь, Кобза озырнувсь, дывицца, рання зоря вже высоченько и схидъ сонця, якъ жаръ червоніе. Марко лежавъ навзничъ, страшно було на ёго и глянуть: зрачки позакочувались ёму пидъ лобъ и блищали одни билкы, судоргою скривыло ёму на бикъ ротъ, зубы выскалылысь, а волосся стремило до горы, якъ буйволына грыва. Сестрына голова притулылась до ёго сердца, а матчина запынылась оддали. Торба лежала порожня. Ти головы, що вчора въ ий лежали, ни витъ куды подилысь. Кобза боязко огледивъ Марка, руки ёго зовсимъ охолодили и весь одубенивъ; де не взялась та комашня и, чуючи трупъ, лазыла по ёго выду; доторкуючись до ёго и у Кобзи похололо на души.

— Мертвый, мертвый, — бубонивъ Кобза, одступаючи одъ Марка, — бачу не збрехавъ, кажучи, що вмре!... Щожъ мыни теперичкы на свити робыть: чи погынуть ёго, чи подождать, погы оживе? Кобза замыслывся.... Зостанусь, — прошипотивъ винъ, — що буде, то буде! Когы оживе, буду ёму товарышомъ, а ни — поховаю; усе-жь такы хочъ яку небудь молитву

прохарамаркаю надъ гришнымъ, и не покыну ёго трупу на поталу грачамъ, та звирью.

Такъ мизкувавъ соби Кобза, а тимъ часомъ прокынувся Божій миръ: застрекотили коньки, заспивали пташечкы, дрохвы, журавли, хохитва, пидіймалысь табунамы и летилы за своимъ насушнымъ.... Сонце изъ за горы выкынуло золоте пролиня и, оть-отъ, лагодылось глянуть на землю. Кобза упавъ на колина и ставъ молыщя. Не устами молитва ёго творылась, а теплою душею; полынула вона до Мылосердного и напываючись Его благодати, забула землю, забула й саму себе.... Кобза не скинчивъ ще молитвы, якъ почувъ позадь себе, що щось затрищало и застогнало. Дывыщя, устает Марко, важко дыха и хижо водыть мутнымы очима, а выдъ его такый-же блидний, ягъ и у мертвого, и также стримыть и волосся до горы. Страшно було дывыщя на ёго мертвого, а ще страшнишь було бачыть, якъ винъ оживавъ... Пидвившысь, Марко важко зитхнувъ и боязко озырнувъ; найперше кынулася ёму у вичи сестрына голова....

— Сестро моя мылая, сестро моя любая, — чуло промовывъ винъ, дывлючись на неи, — збавывъ я тоби вику, занапастывъ долю, и загубывъ твою душу! Дали зъ жахомъ зкынувши огомъ на матчыну голуву, скрыкнувъ: «маты моя ридна, на що ты мене

на свить породыла, чомъ мене маленькымъ въ колысци не задавыла?».

Зъ останнимъ словомъ Марко дуже застогнавъ, и почавъ рвать на соби волосся и стусовать себе у груди. Дрибни крапли крови и поту теклы по ёго выду, а зъ очей не пробылась ни одна слёзынка.

— Годи тоби стусовать себе, — озався Кобза, — одъ сёго не помощыця, лучче почны раногъ молитвою. Отъ що тоби треба!...

— Не вымолышь, — одказавъ Марко, схылившы на груди голову, — колы тыеи молитвы нема отгуть! — и Марко прыложивъ руку до сердца. Поперечитувавъ я на своему вику уси акахвисты, тропари, псалмы, на память ихъ вывчывъ, поцилисинькимъ днямъ и ночамъ харамаргавъ, а торба моя одъ сёго не полегшала. Доводылось мыни и скарбы знаходыть; багацько набудававъ я церквивъ, монастыривъ; багацько роздававъ старцямъ, биднымъ, неймущимъ, а ще бильшь, за для того, щобъ одмолювалы тяжкii мои грихы, а торба моя усе такы не полегшала. Чужымъ словомъ и чужымы гришьмы не ублагаешъ Господа; ти молитвы и скарбы въ насъ самихъ; шукай ихъ у твоимъ сердци, у твой души; колы-жь тамъ нема, то вже ни въ кого ихъ и не позычишь....

— Не-письменный я, такъ не знаю яку тоби на се одповидь дать; мыни здаецця, що на те поле, хочъ

воно й твое, не ходы жаты, котрого ты не оравъ и не засивавъ. Колы у тебе бракуе того насиння, позычь ёго у другого. Хочь той другый и не одмолыть твоихъ тяжкихъ грихивъ, такъ, може, навчыть, якъ ублагаты Мылосердного Господа, на путь спасення наведе; отъ що!...

Марко мовчыкы озырнувъ на Кобзу и питливо на ёго поглядивъ; выдко було, що ся одповидь гораздъ такы ёго торкнула.

— У яку сторону ты йдешъ? — спытавъ винъ, пидводючысь.

— И къ Лохвыци; тамъ моя ненька, тамъ моя й сужена...

— Та не тамъ твоя доля! — додавъ понуро Марко.

— Що було, те бачили, а що буде, те побачимо, — одказавъ Кобза, махнувши рукою.

— Однакъ пора рушати, помы не розійдемось, будешъ мыни товаришомъ, дорогою побалакаемо.

— Куды-жъ ты мандруешъ?

— У Лубни, туды пишовъ мій шляхъ.

— Що-жъ маешъ тамъ чиныты?

— Що доведецця. Якъ ты вчора пріихавъ, той шляхъ мыни привыжувався: бачывъ килька слобидъ и Лубни.

— Зъ видци? — спытавъ Кобза дывуючысь, — яка-жъ мара показувала тоби ти слободы и Лубни?

— Не всыпуца, злая моя доля!... Годи теревени гнуть, часъ рушаты, ходимъ, ходимъ!...

Марко почавъ ховать у торбу одрубани головы. а Кобза пишовъ до своего коня.

Черезъ яку часынку, Марко. закинувши на плечи свою торбу, рушивъ, а поручь ёго йшовъ Кобза. ведучи у поводи своего коня. Широко ступавъ Марко, здавалось и вагы ніякои не було у ёго на плечахъ, тилькы выдго було, якъ жылы напружалысь на шыи и рукахъ, а ноги грузлы въ землю, ажъ по самисиньки кисточки.

III.

Розскажи-жь мыни, Марку, що ты за чоловікъ на свити, — спытавъ Кобза, — що тяжкымы своими гри-хамы такъ опаскудывъ свою душу, що тебе, якъ самъ кажешъ, не прійма ни земля, ни саме пекло?

— Добре, — одказавъ Марко, трохи замыслив-шысь, — розскажу; ты мыни, якось, подобався; може згодыця тобі те, що одъ мене почувешъ, може й ты мыни згодыся, або я тобі, такъ-отъ слухай. Батько мій бувъ зъ самыхъ найпервійшихъ сичовыкивъ, що осадылысь кошемъ на Чортомлыку. Запровадывъ ихъ туды польскый круль, Степанъ Баторъ, надавши имъ лыцарську регулу, щобъ вони боронылы святу виру и хрещеный людъ одъ дряпижнихъ татаръ и нагайцивъ. Не дуже подобалысь татарви и нагайцямъ такы су-сиды, якъ наши запорожци; побачилы вони, що сами не справляця отъ и пиднялы, проти сичи отту бисову Кабарду. Такъ чого вже вони не робылы, а ничоги-синько не вдіялы: выбывалы запорожцивъ сотнями, а въ сичъ надходило тысячами. Однакъ дуже такы

надозолыла Кабарда сичовыкамъ ; отъ воны, завдавши чосу татарви, отправадылы чималый загинъ и проти черкесивъ, щобъ и имъ утерты носа. Въ тимъ загоны ватажкомъ бувъ мій батько. Перебравшысь черезъ ричкы Донъ и Кубань, наши сиромы зпалылы не одынъ авуль, не одну тысячу и народу выкоренилы. Разъ, якъ такъ порядкувалы запорожцы, во одному авули, батько мій захопывъ дивчынгу по десятому року, и якъ поверталысь у сичъ, то й ин узывъ зъ собою. Вернувшысь на запорожже, отдавъ винъ ту дивчынгу на руки одной бабуси, що жыла въ Старыхъ Кодагахъ ; у те уремя була вже тамъ чимала оселя. Такъ-жь то зъ сией дивчынкы выросла дуже гарна дивчына, такой подобы и не бачылы у насъ, на Украіни. Така кажу, що якъ побачывъ ин мій батько, черезъ килька рокивъ, то ажъ ахнувъ, и такъ закохався, що и лыцарство свое покынувъ и одружывся зъ нею ; се-жь моя й маты. Отто, бачъ, оженышысь. батько мій пишовъ и къ Чигирину, бо зъ видти бувъ родомъ. Тамъ у ёго була батькивська хата зъ левадою, и де яке хозяйствечко, и винъ зъ лыцаря зробывся пахаремъ. Тилькы не надовго ; и року не прожилы воны тамъ соби любенько, якъ татарва и нагайци, зъиднавшысь зъ черкесомъ, зновъ набиглы на сичъ и выбыли зъ кишу запорожцивъ. Таке було.... Прочувшы про се, круль Баторъ однимъ своимъ словомъ пиднявъ усю Украину : и старе, и мале,

попхалось на війну, пишовъ и мій батько. Моя маты дуже ёго кохала, души въ соби не чула; що вже батько не робывъ, якъ їи не улещавъ, а не схотила зостаця одна, и разомъ зъ нымъ поихала быця зъ татарами. Онъ яка була...

По війсковій регули, якъ и доси, заборонено жинкамъ проживать у коши, а пидчасъ війны вештаця за війскомъ; такъ маты и перерядылась козакомъ. бо зъ себе вона була чималого зросту, браво издыла вёрхи, не первына й быця, бо не разъ, ще въ Старыхъ Кодакахъ, зъ селянами одбывалась одъ татарвы. Такъ отто, кажу, глянувши на їи хистъ и герецъ, нихтобъ и не подумавъ, що вона молодыця. Особлыве, якъ уже попужнулы драпизныкывъ, вона поручъ зъ батькомъ, на дыво былась зъ ворогами. Довгенько такы й повозылысь зъ ними, ажъ помы не протурылы татарську орду за Перекипъ. Помылувавъ Господь на війни мого батька й матирь, тилькы однимъ покаравъ : війна ще не скинчылась, якъ моя маты стала вагитна. Що тутъ на свити було робыть батькови; мижъ товариствомъ шыла въ торби не сховаешъ, а якъ старшына довидаецця, що зъ нымъ була жинка, то, по війсковій регули, за се повиненъ винъ смертнои кары. Подумавъ, погадавъ, отто, мій батько, та и перевизъ у ночи матирь на довгій островъ на Днипри, вскрытый одвичнымъ лисомъ. Зоставывъ винъ їй клуногъ зъ харчамы,

рушныцю, пистоли, щобъ було чимъ обороныця одъ звирыкы, та, покынувши ии на волю Божу, зновъ повернувся до товарыства. Поки ще возымысь зъ татарвою побия того острова, батько частенько навидувався до матери, а якъ вже попужнулы дряпижныкивъ и къ Перекипу, то довго не вертався; безъ ёго вже маты и на свить мене породыла. Отъ де и якъ я на свить народывся!... Черезъ мисяць пился родынь, безъ хлиба и зъ нудьгы, маты занедужала и въ неи не стало покорму. Зъ острова выйти не можно було, ще вешталысь та крутылись по степахъ татары и нагайцы, що поховалысь отъ запорожцивъ по плавняхъ и въ драговыни; та окромъ сёго, кругомъ сама пустыня, нема людей, тилькы хижый звирь. Що тутъ було чиныты бидолашній матери: голодна дытына крычить и бьецця бия грудей; здавалось ий и душу свою-бъ оддала, колыбъ тыею душею нагодовала сына. Мынувъ день, другый, и я такъ отощавъ, що ледви дыхаю (се мыни сама ненька розказувала). Отъ, маты и згадала, що якъ була ще въ Кабарди, то чула, що таке-жъ саме лыхо прилучылось зъ одною матирью, якъ ховалась вона по лисахъ, зъ маленькою дытынкою; такъ вона драла по гниздахъ пуцьверикивъ, проколювала груди и давала дытынцы ссаты кровъ. — На тимъ-же товстимъ дереви, пидъ которымъ сыдила моя маты, неслысь гайвороны; отъ вона лазыла

на це дерево, драла гайвороненячь, розризувала ихъ и годувала мене кровью одъ живой твари; я ссавъ зъ великою хитью и заспокоивсь. Незабаромъ писля сѣго вернувся зъ вѣйни мѣй батько, маты зъ радощивъ одужала, однакъ, покорму зновъ не выявылось и мене мусылы годувать кровью, ажъ погы не выгодувалы... Тагъ, отто бачишь, козаче, яка моя доля: почала мене маты на вѣйни, де кровъ чоловича ричгамы текла, породыма на свить, якъ звиряку, въ пустыни, и выгодувала, якъ вовчєня, кровью одъ живой твари. Тагъ не дывуйся, що я не вдався у другихъ людей, и що доля моя чортова, а не чоловича... Зъ четвертого року, якъ ставъ себе памьятовать, я бувъ дуже ласый и жадный до крови; оце було, якъ побачу, що рижуть на потраву птыцю, або й порося, то ажъ дрижу, такъ мыни кортило напыцца тыєи крови. А якъ пишовъ мыни шостый рижъ, то богацько слизь выточивъ я зъ очей бидной моеи неньки: я бувъ непокирна, злюща дѣтына. Тилькы було настане весна, то заразь и чкурну въ лись, та тамъ и живу, мовъ хижый звирь; деру по гниздахъ пуцьверийтивъ и пью зъ ныхъ кровь; а якъ выведєцца вже птыца, то я, не наче той вовнъ, таскавъ ягнять и живцѣмъ ихъ ивъ. На зиму тѣлькы, якъ уже приморозить, вертався я въ батькивєську хату. Було побачить мене маты и обильєщє гирькымы слѣзами; батько погрыма, де-коли

скубне за чуба, стусане, а мыни и байдуже. За цилсиньгу зиму слова одъ мене було не почують, въ очи никому не гляну и ховаюсь одъ людей, неначе вовчєня яке. Мыни мынувъ отто вже чотырнадцятый рикъ, якъ маты народыла дочку, отцю саму сестру, що голову и ношу въ торби... Чымъ дальшь пидроставъ, тымъ гиршь стававъ я хижымъ, непокирнымъ. Разъ завився я зъ батькомъ и убывъ-бы ёго до смерти, колыбъ чужи люды не обороннылы ёго; бо вже и тогди таку сылу мавъ, що и трое дужыхъ чоловикивъ не справылысь-бы зомною. Писля цёго батько прогнавъ мене видъ себе; такъ лито и осины блукавъ я по лисамъ, а зимою жывъ по людяхъ, у наймытахъ. Не було у мене ни товарыша, ни побратыма, и ни до кого не лежало у мене сердце ништо и мене не любывъ; вси одъ мене жахалысь якъ одъ чорта. Мыни мынувъ двадцять и первый рикъ, якъ я закохався въ одну гарну дивчыну, въ нашимъ такы, сєля, люто, скажено закохався, и вона мене дуже поцохала.... Закохавшысь, я ставъ смирный и покирный, якъ те ягнятко; щобъ було вона мыни не звелила, я все робивъ; забороныла исты сыре мясо — я переставъ; кавала ходыть до церкви — я ходывъ и одъ щырого сердца фмолывся. Ий, бачъ, якъ добрый души, хотилось, щобъ я жывъ въ ридній хати и бувъ слухнянымъ, покирнымъ есиномъ, — я пишовъ до батька, покаювся

передь нымъ и батько принявъ мене, якъ ридного сына, а маты плакала, не нарадуючись... Такъ отто пройшовъ рикъ, другый, и я тогда бувъ щасливый: кохавъ, и мене кохали.... Потимъ я ставъ сватать мою дивчину, однакъ ни їи батько, ни мій, не згодились и отказали мыни, якъ и тоби, козаче, а райлы, щобъ я поихавъ на тры роки у сичъ. Ничого було робить, треба було ихать, бо того бажала и моя голубка сужена, щобъ прыдбавъ соби козацьком славы. — «Якъ тоби, — вазала вона, — и не прыдбать тыен славы, ты одинъ розженешъ усю орду!» Я мавъ не чоловичу сылу, кулакомъ, якъ довбнею, вбивавъ вола, здержувавъ у млыни шестирню; а разъ стрився я въ лиси зъ ведмедемъ и задавивъ ёго власнымы руками. Люто я бувся зъ ордою; давно то минуло, а й доси ще згадують Марка, и покы свить сонця не забудуть!... Черезъ тры роки я повернувся зъ сичи до дому, та не на радисть, а на превельке лихо. Моя сужена, якъ я вже тоби нагадувавъ, полаялась зъ моею матирью, и одружылась зъ другимъ. Що тогда зо мною робылось, не буду тоби и розказувать... Мене палыло пекельнымъ вогнемъ, мыни здавалось, що я не насытивъ бы своеи помсти, колыбъ высмоктавъ зъ самого сердца кровь моеи суженои и їи чоловика!... Однакъ я удававъ, буцимъ - то мыни и байдуже, а въ глупу ничъ, якъ у сели послулы, пишовъ до моеи

суженои, задавивъ зрадницу и її чоловіка, а хату, запалывъ.... У ту добу була страшена буря, такъ одъ тых хаты згорела більша половины села. Нихто въ сели не знавъ, що я вернувся зъ сичи, такъ и не подумалы на мене... Насытившы свою помсту, я зновъ поихавъ у сичь, и може-бъ тамъ до смерти зостався, колыбъ черезъ килька рокивъ, не прыхавъ у кишъ зъ нашего села козакъ и не давъ мыни звистку, що батько мій вмеръ, а ненька зъ сестрою безъ пидмогы и жыуть въ нужди. Я вернувся до дому, щобъ заспокоить неньку зъ сестрою, та не зъ моимъ, бачъ, хистомъ було зробить те, чого бажавъ.... Маты зъ горя дуже постарила, а сестра выривнялась якъ биля тополя; ничого мыни про неи и розказувать, самъ бачивъ, яка вона була!... Ще до мого приїзду за сваталы її за одного вдовця, не молодого вже чоловіка. Не хотилось було сестри зъ нимъ одружытысь, такъ маты приневолыла подавать рушныкы, бо винъ бувъ соби заможный хазяинъ. Черезъ мисяць, якъ вернувся зъ сичи, я такъ закохався въ сестру, що души въ соби не чувъ, и вона бидна не дывылась на мене, якъ на брата, тилькы було доторкнусь до її руки, або скину на неи окомъ, то вона якъ жаръ почервоніе и затрепотыть. Уже збиралысь до винця, якъ я пидстеригъ у ночи суженого моеи сестры, задавивъ его и, почепывшы ёму на шыю каминюку, кынувъ ёго

трупъ у Днипро.... Невсыпуща думка и тревога въ серци, що усякый мае право однять одъ мене мою сестру — коханку, зробыла мене лютымъ звіремъ; рывницы, не наче гарячымъ зализомъ, палылы мое нутро. Тилькы було хто стане залыцяця, — а ихъ до быса було, — або сестра на кого ласково спогляне, то вже тому не ходыты по свиту; дошло й до того, що вси люди въ сели стали насъ цуратысь и обходылы нашу хату. Мынувъ рикъ, мы скажено кохалысь; здавалось, те щире кохання заглушыло нашу совисть, затримало и руку Божу, щобъ покаратъ гришныкывъ.... Я зновъ ставъ добрымъ сыномъ, працювавъ одынь за трѣхъ и заборонывъ видъ нужды матирь зъ сестрою.... Мынуло ще килька мисяцывъ и моя сестра стала вагитна.... Бидна наша ненька и въ голову соби не клала, щобъ мижъ намы стався такый великый грихъ. До якого часу мы ховалысь видъ неи, а тамъ, якъ зблызылысь родыны, мы одпросылысь у матери у Кывь, Богу, бачъ, помолыця... Мы блукалы по лисахъ, по нетряхъ, по надъ Днипромъ и Тясьмыномъ, мисяцывъ зо два. Сестра въ гуцыни тернивныка породыла, зъ велыкымы мукамы, и, покы була не при памьяти, я задавывъ дытыну и сказавъ сестри, що воно породылось не жыве....

— Задавывъ дытыну?! — скрыкнувъ Кобза, — не чюбаявся и гриха, не було й жалю?!..

— Не було.... похнуро одызававъ Марко. — У той часъ я ще їй завыдувавъ, колыбъ, думаю соби, оттакъ и мене маленькымъ було задавыла!... Ну, а якъ сестра трохи одужала, то хотила було йты у Кывивъ, одмолувать свои и мои грихы, такъ я не згодывсь, и мы повернулись до дому. Однакъ, якъ мы не таились одъ матери, а вона такы провидалась про нашъ грихъ; мене не було дома, якъ вона допросыла сестру, — и та призналась и повынылась їй. Маты былась, облывалась слизамаы, не знала вже що й робыть, и якъ быть, и повела сестру до попа. Усе ёму розказала, а панотець, глянувши на іи щыре покаянннн, звеливъ матери одвести іи у манастыръ на покуту, а мене протурить у сичъ. Вернувся я до дому надъ вечирь, якъ вже свитло засвнтылы — було се якъ-разъ у суботу, — дывлюсь, сыдыть маты, обнявши сестру и обыдвы гиржо плачуть. — «Чого се рюмаете?» питаю. Почувши мое запытаннн, маты хутко схопылась, а сестра ще гиршъ стала плакать. «Хиба, — скрыкнула маты. — совисть тоби ничого не каже, видъ чого мы такъ вбываемось?... Теперычки я знаю, хто збавывъ вигу Орысци (такъ звалы мою сужену), та іи чоловика, хто и село спалывъ, хто повбывавъ и тихъ, котори залыцялысь до твоеи сестры! Може ты, оглашенный, и дытыну іи задавывъ?... Тикай же, каже, зъ моихъ очей, покы я тебе ще на выкы-вични не прокляла; а сестры, що на

вики загубывъ, запропастывъ, быльшь не побачышь, я ии одведу у монастырь и пострыжу въ черныци, щобъ одмолювала свои тяжкыи грихы»....

Маты отто думала мене усовистыть, налягать, та тилькы гирише ще мене роздратувала. — «Не буде по твоему, гримнувъ я, — ни ты, ни самъ чортяка не одійме одъ мене сестры; вона моя зъ душею, й зъ тиломъ!» — «Цураюсь тебе, — озвалась сестра, плачу-че. — отдаю себе Богови, и до кинця вику буду одмолювать тяжкыи наши грихы!...» Сестрына одповидъ ще бильшь, и ще гирише мене розлютовала; я заразъ побачивъ, що на вики стратывъ ии кохання. Глуздъ мій помутывся, усе, на що я не глядивъ, здавалось мыни облытымъ кровью. Мыни спало на думку, ухопыть сестру на оберемокъ и утекты зъ нею у лись. Тилькы що я зблызввся до сестры, маты загородыла мыни дорогу. — «Потрупу моему, — заголосыла вона, хапаючи мене за груди, — тилькы дйдешъ до твоеи сестры!...» — «Пусты! — гримнувъ я, якъ виль на ревыщи, — пусты, вона моя, або чортова, не піде ласкою, такъ я ии зарижу!» «Рижъ мене, четвертуй! — закрычала сестра, — а я зъ тобою не пиду, одрикаюся одъ тебе на вигъ вичный». — Я бувъ неначе скаженный; не памьятую и теперычки, якъ я выхопывъ кынжалъ, якъ пиднялась рука, и якъ сетрына голова зъ трупомъ покотылась на доливку.... «Проклынаю

тебе, — заголосыла маты не своимъ голосомъ, — на сямъ и на тимъ свити, проклынаю! Проклынаю и той часъ, въ якый я на свить тебе, гаспида, породыла!...» Блыснувъ кинжалъ у друге, и маты простяглась бия сестрыного трупу.... Я хотивъ и самъ заризаця, однакъ не допустыла кара Господня: закрутылась въ мене голова, у грудяхъ сперся духъ, и я, якъ неживый, бебехнувся на доливку, мижь трупама матернимъ и сестрынимъ... Страшно дуже було глянуть, якъ я опамьятовався.... На долицци лежали безъ головъ трупы матеры й сестры, пидплыты кровью, и самъ я бувъ весь облытый тыею кровью. Повыносывши скориць зъ хаты на огородъ трупы безъ головъ, выкопавъ пидъ бузыною, въ гущынн, яму, и закопавъ покійныкывъ. Однакъ, якъ вже я не шукавъ одсиченихъ головъ, а не знайшовъ: ни вить куды воны изъ хаты подилысь.... Ничого мыни тоби и розсказувать, що тогди діялось у мене на души и серци.... Скільки разивъ хапався я за кинжалъ, щобъ заризаця, та неначе яка невидыма сыла тримала мене за рѹку.... О пивночи, була велька страхотá: кругомъ хаты загувъ страшный витерь; на горыщи ревило и трицало, неначе дахъ зрывало зъ хаты; кругомъ стинь скребло, у комини гуло, викна дзирчалы, у хати усе ходоромъ заходьло, и зъ доливки, неначе зъ воды вырнувъ, — выйшовъ мій батько. Въ рукахъ державъ

винъ одсичени головы неньки и сестры. Страшно было глянуть на гризный выдь старого батька: чупрына моя пиднялась до горы, у вухахъ загудило, ягъ зъ цебра окотыло мене холодною водою и я почувъ батькивьсьгу мову: — «Проклынаю и я тебе, сыну, зъ того свиту; не прыйме тебе не земля, не пекло; будешъ ты, оглашенный, ягъ той Каинъ, блугаты по свиту до страшного суду, ажъ поки добрымы диламы, та щырымъ покаяннемъ не спасешъ свои души и загубленнихъ тобою душъ!... Носыся-жъ по свиту зъ тяжкою твоею совистью и симы головами; що суботы Божои будемо до тебе приходыть!»... Зъ остатнимъ словомъ кынувъ винъ мыни одсичени головы й зныкъ....

IV.

Після сего розказу, Марко, схылывши на груди свою бидолажну голову, важко дыхавъ.... Выдко було, що згадавши прощле и свою гирку долю, дуже засмутилась ёго душа и защемило таки серце....

— Зъ того часу, — зновъ почавъ винъ жалибно, — оттакъ, якъ бачишь, козаче, блукаю по свиту и ничего соби не вдію.... Радывся я зъ чинцямы, зъ по-памы, и одынъ тилькы пустельныкъ, у Карпацькихъ горахъ, отъ що мыни сказавъ: «Одпущенье грихывъ и награду одъ Господа, той тилькы добуде, хто сполня Ёго святой законъ и волю, не зъ корысти и благъ будущей жызни, а на втиху и велыку радисть свой души и серцю; хто, якъ зсказавъ Спасытыль, возлюбить блыжиёго якъ себе самого». Почувшы оттаки пустельныкови речи, ставъ я згадувать усе те добро, що доводилось робить людямъ, и выйшло, що робывъ я не одъ щырой души, а тилькы щобъ збавыцца одъ важной торбы и осоружного свиту.... Щожъ мыни робить, колы — якъ живу на свити, — въ мою зализну

душу и камьяне сердце не западало ще жалю до мого блыжнёго и на макове зернятко!...

— А полегшала твоя торба, — спытавъ Кобза, — зъ того часу, якъ ты зъ нею носысся?

— Часомъ й полегшае, а часомъ ще вѣжче стане.

— Розскажы-жъ мѣни ще, Марко, якъ ты, тамъ по пеклу товкся и порозгѣнявъ зъ видты усихъ чортивъ?

— Ось якъ воно здіялось, слухай. — Було се у ти часы, якъ ляхы съ козакамы жылы чесно, по братерски. Хочъ не одніи матери булы мы, значыть, диты, дакъ законъ-же оттои посполитои ричи для кожного бувъ риднымъ батькомъ. Не було тогди и чуткы про ту гермонську вуню, на Украини не лаялысь ще *кателькомъ*; Ёзуиты и патери не шыноквалы чоловичою кровью. магнаты не топталы закону и не знушалысь надъ козацькими привилеямы. Добре тогди жылось на Украини, тилькы не мѣни, я блукавъ по свиту, якъ и теперь блукаю, и не бачивъ кинця мойй лютій мѣци. Скільки разивъ намиривсь наложыть на себе руки, а ничего не вдіявъ: повншусь — гилляка зломаецця; бурхнусь въ воду, щобъ втопыцца — плаваю, якъ цурупалокъ; звалюсь зъ высокои скели въ глыбокий бескедь, або у кручу — и скѣчусь неначе те покотѣло, не забывшысь. Тилькы ще гиришь, — видно, прогнивлявъ Господа, бо коженъ разъ, нѣсля такыхъ замыривъ, торба моя ще вѣжча ставала... Дуже такы обрыдло мѣни вештаця

по осоруженному свиту зъ нудьгою, та зъ отсією торбою; пиду, думаю соби, ще въ пекло, хоть буде гирше, та инше, якъ тамъ кажуть люде. Отъ и ставъ я шукать знахаривъ, та усякихъ характерныкивъ и розпытувать дорогу у пекло. И довго я розпытувавъ про ту дорогу: одни казалы — держы въ праву руку, на схидъ сонця, де прожлалы зирочки дорогу у Русалымъ, а други райлы: иды, та й иды позустричь якъ иде Волосожаръ; а де якы ще инше направлялы: одъ якъ птыци летять на зиму у Вырій, то туды держи шляхъ, тилькы ливише. Оттакъ я ходывъ, ходывъ, и такы напавъ на такыхъ, котори сказалы мыни: що недалечко отъ Почаева, у Галыцкій, земли ё высока, превысока гора, а у тій горы ё дупло, видкыля на нашъ свить вылазять зъ пекла чорты. Довгенько такы блукавъ я по Галыцкій земли покы знайшовъ тамечкы таку бабу-ягу и превелыку чаровныцю, що добре знала дорогу у пекло, бо й самій доводилось не разъ тамъ буваты. Не хотила було вража баба мыни казаты, та якъ высыпавъ я їй на стилъ жменю дукативъ, то отъ вона заразъ и згодылась. «Такъ, чоловіче, — каже, — не дійдешъ ты до пекла, не здержышь того пекельнаго вогню, а отъ, якъ я тобы дамъ напыцця чортового зилля, то сама земля пидъ тобою розступыцца и ты разомъ опыныся у пекли, а тамъ вже робы що самъ знаешъ». — Зварыла отто баба-яга въ горщечку

якесь зилля, пошептала, пошахровала, надъ нымъ, на-
крыла покрышкою и повела мене въ глыбокий яръ;
та идучи усе прыгазуге: «не оглядайся назадъ, не огля-
дайся!» Дійшы мы до вельчэнного камня, а кругомъ
ёго рись густый чагарныгъ; отъ, вона мыни и каже:
«Сидай-же, козаче, били сёго камня, звидци прямой
и найблыжщій шляхъ у пекло. Якъ выпьешъ отце
зилля, не отдыхаючи, то сама земля пидъ тобою роз-
ступыцца и ты разомъ опыныся въ самисинькымъ
пекли». — Сивъ я били того камня и разомъ выпывъ
те зилля, дуже вонюче и гирке. И двоухъ гонивъ не
одійшла одъ мене баба-яга, якъ затуркотила и заво-
рушылась пидомною земля, заколыхався каминь, щось
загуло и мене разомъ потягнуло въ глыбуню.... Гля-
нувъ я въ гору, такъ те дупло здалось мыни неначе
маленьке виконце. Оттакъ осидала пидомною земля,
осидала, ажъ погы не ступнудся я объ пекельни во-
рота. Булы воны, камьяни, дуже товсти и шыроky, и
одъ велькаго жару потрискалысь. Глянувшы у щилы-
ну — такъ мыни и блыснуло у вичи усе пекло. Якъ-
разъ пидомною стоявъ зализный стиль, такъ розпа-
ленный, що ажъ побилывъ, неначе сонце сяе. Кругомъ
того стола сыдила чортяча старшына, а самый най-
старшый сатана розлигся на високому дзиглыку. По
били старшыны товпылысь чорты и чортынята; де ягы
зъ чортынять чиплялысь за павутыну, а инши вызы-

рали зъ трищынъ. Чорты обь чимсь радылысь и гвалтовно гомонилы, часто згадуючи ляхивъ и козакивъ. Ставъ я прислуховаця, ажъ чую, найстаршый сатана и каже: «зйбравъ васъ, панове чорты и чортынята, щобъ порадыця зъ вамы, що намъ на свити робить зъ тими анахтемскими ляхами и козаками?... Згнушаюця вони надъ нами та й тилькы; не бояця и не поважають насъ, зъ того свиту женуть ироды!... Невгомона шляхта розпоила венажною половиною моихъ посланцивъ, чортывъ, а другу половиною завербовалы соби въ товариство ти шмаровозы, розбишакы, козаки-запорожци. Та не тилькы козаки, на тимъ свити обиждають насъ, а въ самисинькымъ пекли не безпечно видъ нихъ: зъ чистылыща швендяють соби у пекло люльки палыть, неначе въ корчму, або въ шынокъ якый!... «Чи чулы вы, — каже сатана, показуючи въ гору, — щось гуркнуло билия ворить; духомъ чую, що се, мабудь, якый небудь псяюха запорожець, — зъ того свиту, лизе въ пекло, на наше безголовья»!... Духомъ чуешъ, — кажу соби, — пострывай лышинь, ще и окомъ своимъ дявольскимъ побачышь!... «На тимъ свити, — зновъ почавъ найстаршый сатана, — таку сылу забралы Иродовы котолупы, — запорожци, що и татарь и туркоту лущать, а вже що роблють зъ жидовою, дакъ и мы, дарма що чорты, того не выгадаемъ у пекли. Бида зъ ними, та й тилькы, —

каже, — почухавшы потылицю, — чого вже я не роблю, чого не выгадюю, ничего не вдю зъ дїявольскими сынамы. Выгадавъ, отто, имъ тихъ Аріянь, запровадывъ школы и дрюкарню въ Рахови и Билгораи, думавъ отъ заведуцця за ту виру, такъ ни, бачу, не одурышь: не тилькы крови не пролылося, а и мономахіи *) мижь ными не було! А на сейми такъ розумно псяюхи порадылысь, хочъ бы такъ и намъ чортамъ. «Яке намъ дило», — одказалы, — «до ихъ виры» — себъ то у Аріянь, — «абы вони були вирними сынамы и обронцями ричи поснолытон!» Не сучи сыны якъ выгадамы, ажъ шолуди тогди на мене напалы, трохы зъ сердца не сказывсь!... Теперичкы тилькы мыни и надїи, що на те кательцтво и патеривъ; дакъ я оце здався на мого Фарнагія чи не налагодыть винъ того дила, щобъ якымъ небудь побытомъ розбыть те гемоньске братерство ляхивъ зъ козакамы; такъ минуло вже килька рокывъ, якъ не маю видъ ёго нїякои звисткы.... Гей, Фарнагію! гримнувъ найстаршый сатана, стукнувшы кулакомъ объ стиль такъ, що ажъ искры веихъ чортывъ обсыпалы, и чортынята, мовъ грушы въ осены, посыпалысь зъ стели на доливку. «Фарнагію! появись!!»... По другому покрыку сатаны, швыдко выскочывъ зъ земли, неначе овражокъ, патеръ зъ проголенымъ тимнямъ, въ чорному капотци, себъ то въ сутани,

*) Рукопашный бой безъ оружія, навкулачны.

нызенько вклонився, та й спытавъ : «А чога вамъ треба, пане сатана?» — «Тю, на твого батька!» — скрыкнувъ сатана, зареготовшысь на все пекло, — «по ягивському се ты убранный?» — «Се на мыни ёзуитська одежа», — одказавъ Фарнагій, всмихаючысь, — «дуже шпарко заволамы, такъ не вспивъ въ свои тилеса перекынуця». — «Щожъ ты тамъ робывъ?» — спытавъ сатана, вытрыщившысь на ёго. — «Те робывъ», — каже Фарнагій, — «що зъ ласкы вашои звелилы, щобъ розигнать те райське братарство ляxivъ зъ козакамы ; такъ, оце, теперычкы, зъєднався я зъ патерамы ёзуитамы и ставъ миждь ними найстаршымъ, якъ вони тамъ кажуть : одъ мажоромъ, а де й глоріумъ, *) енераломъ въ персяхъ. Та й моторни-ждь зъ биса, сучи сыны, ти ёзуиты! — додавъ Фарнагій, мотнувши вязамы, — ничого корыть, зъ ними обійдусь и безъ чортивъ. Отце недавно тилькы перебралысь у Крулевство, будемо запровожать школы, колегаты, бодувать кляштори и костелы, а тамъ, згодомъ, и вунію пидсунемо. Оттогди вже заведуця ляxы зъ козакамы и почнуть одынь одного товкты та шпарыть ; а щобъ ще гиршъ ихъ роздратувать, то мы де-якыхъ живцемъ замуруемъ по кляшторахъ, де-якыхъ спалымъ, у иншихъ жылы вытягнемъ, не одному горячого сала за шкуру зальемо ; на тимъ свити зробимъ имъ пекло, и до вику вичнёго

*) Ad majorum Dei gloriam.

нась згадуватимуть!» — «Гляды, — перехопивъ сатана, — щобъ того не стало, що зъ Аріянами: хырява шляхта на сейми зновъ усе до горы ногамы переверне!» — «Не бійтесь, вельможный пане сатано», — усмихаючысь, одказавъ Фарнагій, — я имъ выгадавъ таку тройчатку, чи, пакъ дисциплинту, що якъ почувстрымъ ею невгомону шляхту рокывъ зъ двадцять, то де той и глуздъ и гонирь у ихъ подицеця; зъ панивъ переводуця на шолудывыхъ кошеняць»!... «Те-те-те! — скрыкнувъ сатана, выскальвышысь, — спасыби тобі, Фарнагію, за твою выгадку! Дуже дякую.... Теперычкы и самъ бачу, що буде: розумному досыць. На выкы вични розідуця ляхы зъ козакамы. Ляхы, зъ лукавства та зъ гонорства, зведуця на нывить-що, и дакъ одуріють, що жинкы мижъ пыми стануть розумнійшы одъ чоловигивъ. Воны будуть у жинокъ прыхвостни, а намъ воно и на руку ковинька... Накыну я на ихъ немецкаго батька, московськимъ морозомъ огочу, та ще жыдивскаго пыва имъ наварю, та й нехай пьють, покы не луснуть. А у тихъ шмаровозивъ, козакивъ, спалю уси слободы, хутори и не оставлю ни одной церкви, уси видамъ жыдамъ на аренду; зроблю зъ козачои матери мачуху и запроважу мижъ ными панство!» — Та й роздратувавъ-же мене такою ричью діявольскій сынъ! Якъ крыкну я: — «брешешъ, сатано, николи сего не буде!!... И якъ стусону у ворота разъ,

въ друге, та такъ ихъ зъ петлямы, зъ прогоничомъ, и выперъ, та внупи зъ ными и самъ хряпнувся якъ разъ на самого сатану и всю чортову старшыну. Чорты перелякалысь, та въ рѣстичь, а я якъ ухоплю чортататера за ноги и давай нымъ, неначе желепомъ, трощить бисивъ. Воны тигають видъ мене, а я мовъ номеломъ ихъ мету, та все дальшь, та все дальшь, у пекло пру, та пру; дуже такы розлютовався и самъ себе не тямывъ. А тутъ дывлюсь, неначе вулиця яка, усе казаны, казаны, зъ горячою смолою и сиркою, а у тихъ казанахъ киплять грышныкы; такъ я якъ ударю патеромъ по казану, то винъ и перевернеця, горяча смола та сирка, неначе вогненна ричка розливающа, а души грышныкивъ пыщать, якъ курчята, та ховающа по куткахъ. Оттагъ добигъ я до одного великого казана, и тилькы замирывсь, щобъ вдарить, колы дывлюсь, ажъ зъ того казана выглядують: моя маты, сестра и души всихъ тихъ, що я загубывъ; якъ заголясь: «Тигай, Марку, звидци, на симъ свити ты насъ не вырятуюшь, а тилькы на тимъ!» Якъ побачивъ я ихъ, то и патера зъ рукъ выпустывъ; стою соби, якъ той телепень, та очима тилькы лунаю. А тутъ де не взявся здоровенный чортяка, духомъ пидхопывъ мене зъ заду, а чортынята назлиталысь и митью прыробылы ёму довгени крыла, та й помчавъ винъ мене у те саме душло, у яке спустывся я въ пекло. Може-бъ я

выпручавсь одъ того чорта, що мене нисъ, такъ бисивъ сынъ ставъ крутыця, несе въ гору, та знай крутыця, та й крутыця, мовъ та дзыга. Голова у мене закрутылася, не опамьятовався якъ винъ мене и на сей свить вынисъ.... Прокынувся, дывлюсь, сижу я тамъ, де мене яга посадила бия камня, и вже сонце встае изъ за горы; отто цилисиньку ничъ товкся по пеклу!... Зъ того часу, оттакъ якъ бачышь, зновъ блукаю по свиту, и того диждався, що усе те здялось, що намирялись у пекли чорты зробить: браты стали лютымы ворогамы, ляхы звелысь на нивитьцо, запроважають гемоньску вуню, а церкви Божи у жыдивъ въ аренди»....

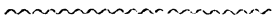
Якъ скинчывъ Марко свое одповидання, вони дійшли до високои могылы, одъ котрой простяглысь дви дороги, одна просто, а друга пишла у праву руку. Бувъ полудень и сонце дуже прыпикало, Марко и Кобза зійшли на могылу и посидалы щобъ трохи отпочыть.

— Скажы-жъ мыни, Марку, — спытавъ Кобза, — якъ бачу ты усе знаешъ, що-жъ теперычкы буде зъ нашою Укraiною?

— Що буде, то одынъ тилькы Господъ знае, — одказавъ Марко, понурывшысь, — а те що було, уси знаемо: Гетьмана Косыньского въ Брести жывого замуrowалы єзуиты у Августынськимъ вляштори; у

Варшави Налывайку спалылы у мидному быку; зь Острияныци жылы вытыглы; зь Полуруса жывого зидралы шкуру и тысячи ще другихъ замордувалы лютымы мукамы.... Теперычкы зновъ потече ричка крови; побачимо, що то зробить Хмельныцкій, чи поможе ёму Господь Мылосердныи одчахнуть Русскый людъ одъ дряпныхъ ляхивъ и прыхылыть ёго до едынородного зь нами народу, до одныи матери нашої Православной церквы!... Тогда вже ништо на свити не розибье нашего братерства, хочъ увесь свить стане за ляхивъ!... Прощай-же, козаче, — додавъ Марко, вставаючи и скинувши очима на дорогу, що пишла у праву руку, — прощай, се твоя стежка. Мыни здаецця, що мы зь тобою не разъ ще стринемось на тимъ поли, що орють шаблею, сіють смертію и полывають чоловичюю кровью, думаючи, чи не вырасте на ёму щаслывыша доля за для людей....

Кобза и Марко обнялысь, пыльно глянулы одынь одному въ вичи и розійшлысь кожныъ по свой дорози.

V.

Довго стоявъ Кобза на могили провожаючи очыма Марка; вже и гора его покрыла, а ёму здавалось, що Марко ще дывиця на ёго своимы вирлоокымы очыма и ныби чуе поважну ёго мову. Жалемъ пыло сердце у Кобзы по Маркови; однакъ якъ вже винъ не коверзовавъ щобъ выратовать ёго и на весты на стежку спасенія, а ничего не здужавъ выгадать.

Надъ вечиръ прінхавъ Кобза у вельку слободу. На майдани збылось богацько народу; якось похмуро озыралысь воны и объ чымсь радылысь. Глухо розносився по майдану ихъ гоминь, ныби прытогъ воды, далеко десь, рвавъ гребли и хвыли бурхотилы, розлываючысь по долини.

Побачившы сичовыка громадяне оточылы Кобзу и стали ёго розпытувать....

— Чи заступляця-жь то за хрещеный людъ нашы запорожчыкы? Чи воны помогутъ намъ заборонить святу виру и наши козацькыи вольности?...

— Якъ такы не заступыцца, люде добры, — одгазувавъ Кобза, зупынячы коня, — на тежъ воны и сичовыкы, щобъ боронить святу виру и хрещеный людъ; та вже и Хмельныцькый у кошы, щось радыцца и порядкуе....

— Чулы, чулы, загомонила громада, — прыславъ винъ и до насъ гинця, прывозылы и грамоту зъ Кыева, одъ Владыкы, и винъ благословляе насъ на рушенне!... Оддичымъ дйавольскымъ сынамъ, — гукалы громадяне, — оддичымъ!...

Усюды, де не произдывъ Кобза, народъ ворущывся; усюды вже запобиглы гоньци Хмельныцького зъ грамотою одъ Владыкы, и нараилы людъ на святе дило. У сй слободы, погрянычной зъ Московщыною Украины, не заходылы ще жолниры й всендзы, не шынквала и жыдова, такъ нихто не боронывъ рушенню слобожанъ.

На четвертый день пути, зъ высокои горы, Кобза побачывъ село Лыпари. Дуже затокотило въ ёго грудяхъ сердце, глянувши на ридне село. Усе, що тилькы було у его мылого на свити — сужена, маты, сестра, усе неначе живе стало передъ ёго очыма. «Чи жыви-жь воны, чи здоровы?» подумавъ Кобза замыслывшысь. Зминывся винъ на выду и бровы насупылысь, якъ спало ёму на думку запытання Марка: «а хто тоби поручыцца, що сужена твоя и доси тоби вирна, и доси тебе кохае?» «Ни, ни, заспокоювавъ самъ себе

Кобза, — Зинька мене кохае; души въ соби не чуе, вона чесного роду и не накыне на себе не доброи славы!»...

Було вже за полудень. Слобода геть-геть простяглась по надъ ричкою и хаты оточены вышневыми садочками, привитно выявлалысь изъ-за лыповыхъ и клыновыхъ заросливъ. Кобза ставъ приглядуваця, щобъ побачить свою ридну хату, якъ зъ вульчкы, по дорози, на проти ёго, вийшло весилля. По переду, биля червонии корогвы, казылысь пьяненькы молодыци и стара баба: танцёвалы, выбывалы тропака и крутылысь зъ парубками; дальшь йшлы молоди, а за ними музыкы, бояре, дружкы, дивчата и народъ и спивалы весильной: «Не бійся, матинко, не бійся, въ червони чоботки обуйся.... а-у!»...

Кобза якъ не выпынавъ банькы, щобъ розгледить молодыхъ, однакъ не розгледивъ: одно далеченько, а друге, въ юрби, за народомъ, — не выдко. Тилькы побачылы молодыци Кобзу, заразы пидбиглы до ёго и зушынылы коня.

— Сичовыкъ, сичовыкъ! — заторохтили воны, хопаючы ёго за чоботы, злизай зъ коня, злизай, выпьемо по чарци, потанцюй зъ нами!

— Трывайте, — гукавъ Кобза, — гледить щобъ кинь не забывъ котру.

— Не злякаемось мы ни тебе, ни твого коня, вере-

щали пьяненьки молодыци, — элизай кажутъ тоби, а не элизешъ, то мы й самы зволочемъ тебе!

— Оттакъ налыгайся, — озывався Кобза, элизаючи зъ коня, — що й мене не призналы?

— Павло! Павло! — (такъ звали Кобзу), скрыкнулы де ягы молодыци, — чи сежъ ты?

— А тожъ хто!

— Чи тыжъ живый? — пыталы вони, прозоро на ёго дывлячысь, — була-жъ така чутка, що ты вже вмеръ.

— Брехалы ихъ батька сыны, та й вони зъ ними, — одказавъ Кобза зареготовшысь, — а вы мыни скажить чи живи та здорови моя Зинька, ненька, сестра?

— Зинька! — озвалысь молодыци, ударывшы рукамы объ полы, — оттаке спытай?

— Охъ лыхо! — загомонилы де-ягы одступаючи, — щожъ теперычки буде?

Поки оттакъ перекинулысь словомъ, пиддйшовъ старший дружго зъ пляшкою, щобъ почастувать сичовыка.

— Павло! — скрыкнувъ винъ, вытрыщывшысь на Кобзу и выпустывъ зъ рукъ пляшку зъ чаркою, — не въ добрый-же часъ тебе сюды прынесло!...

Вси журлыво дывылысь на Кобзу, куды подилысь жарты и смихы, а тимъ часомъ надйшли и молоди.

Побачывшы Кобзу, молада зъ жахомъ одступыла назадъ, а Кобза глянувши на неи, зминывся на виду и побилывъ якъ крейда. Передъ нымъ стояла ёго сужена, Зинька, высока, самовита молодыця, въ грызетовому очынку, повытому тонкымъ серпянкомъ. Коралы и дукачі якъ жарь горицы на еи повнихъ грудяхъ. Музыкы и спивы замовылы, усе неначе вмерло, и народъ, обступившы Павла и Зиньку, дывылысь на ихъ, прытаившы духъ....

— Зинько! — стыха промовывъ Кобза, укорлыво дывлячысь на неи, — такъ-то ты додержала своего слова?

— Козаче, — одказала Зинька, схылившы на груди свою голову, — мене завырылы люде, що тебе нема вже на симъ свити.... Матуся мене прыневолыла....

— Матуся прыневолыла, завырылы люде, а ты швыдко повирыла, згодылась, и на выкы занапастыла мою долю!...

— И свою козаче! — Зинька затулыла хустею очы и гирько заплакала....

Одынъ изъ старостивъ, зъ сывымъ вусомъ, пидійшовъ до Кобзи.

— Слухай козаче, — сказавъ винъ, узавшы ёго за руку, — доля одчахнула одъ тебе твою сужену, а Богъ зыдनावъ еи зъ другимъ!... Иды-жь соби до твоеи

неньки и заспокой стареньку, бо й вона дуже за тобою вбываецця!

— Идить, идить, чога сталы? гукалы де ягы старосты и дружкы, — не помощецця, ничога розмовляты!

— Не пиду, — скрыгнула Зинька не своимъ голосомъ, озырнувшысь на молодого, — нехай зъ нымъ ти йдуть що мене завирялы, нехай живе зъ тыею, котра мене прыневолыла!...

Зинька зирвала зъ себе квиткы, очыпокъ, рванула намысто, и коралы и дукачы посыналысь на землю.

— Павле, — заголосыла вона, крипко обхватуючи рукамы ёго шыю, просты мене нещаслыву, я одъ тебе одриглась, одрикаюсь теперь и одъ свиту Божого!

Ледви розвелы рукы Зинькы и одирвалы небогу одъ Кобзы. Весилля стало неначе похороны: ти молодыци, що спивалы и казылысь, захлыпалы, веселе товарыство и прыданкы повисылы головы, а молодой стоявъ якъ опареный, понурывшысь и не посмивъ и очей звесты на Зиньку.

— Рятуй мене Павле, — голосыла Зинька, пручаючысь, якъ не самовыта, — рятуй мене нещаслыву! — и зомлила на рукахъ старостивъ и дружокъ.

Перезва повернула назадъ у село. Попереду неслы Зиньку, розпатлану и розхристану, неначе мертву; за нею народъ, а позадъ всихъ йшовъ молодой, похнюпывшы нись. Зостався тилькы Кобза на тимъ мисци,

де побачывъ Зиньгу, и де ягы зъ прыданкивъ збиралы розкыдане намысто и дубачы. Довго стоявъ бидолаха замыслывшысь, а тамъ, знявши кабардынку, глянувъ на нѣбо, и важко зитхнувши, промовывъ :

— Мій Боже мылый! Дякую Тоби, що звивъ мене зъ Маркомъ, не пиду я по ёго дорози, покораюся Тоби, нехай буде надомною свята Твоя воля!...

Зъ остатнимъ словомъ Кобза перехрестывся и пшовъ до матери. Стара сидила зъ дочкою на прызъби и зъ далега вгледила сына. Несчулась вона якъ кинулась ему на зустрічъ, повысла на шыю и тулыла ёго до своего сердца. Вона думала що навикы стратыла сына, ажъ несповидано, неначе самъ Господь повернувъ ёго до матери. Однакъ нерадистно, а смутно гледила стара на своего сына: таке вже Богъ давъ сердце матери, що колы ей дытына жыва и здорова, то щобъ була и щаслыва, тогди тилькы его и задовольнышь.

— Сыну мій мылый, сыну мій любый, — журлыво промовыла маты, — не радистною вистрою тебе стричатыму....

— Знаю, мамо, знаю, — перехопывъ Кобза, — стрився зъ нею.... Нехай ей Господь помылуе....

Кобза привитавшы сестру, отдавъ їй своего коня розсидлатъ, а самъ зъ матерью увійшовъ у хату и помолывшысь передъ иконами, стыха промовывъ :

Не журыся, матинько, мы уси ходымо пидь Богомъ, нехай же и воля Ёго буде надъ нами!

— Нехай сыну! — одказала стара, перехрестывшысь, — не поkyне Винъ насъ Мылосердный!

Увійшла въ хату й сестра, и зъ матирью посидалы поручь Кобзи, и радыбъ то побачившы ёго жывого и здороваго, и смутни, дывлячысь якъ винъ бидолаха, звисывшы на груди голову, понуро гледивъ на доливку.

Сталы вони ёму отто розказувать, якъ Зиньга, убывалась почувшы, що его десь, на вйни убылы; якъ маты и родычи улещали ей и приневолювалы одружитись зъ Петромъ, и якъ вона довго одмовлялась, та разомъ и згодылась: отто у суботу дивичъ-вечиръ одбулы, — а въ недилу повинчалы.

— У саму ту часынгу, — думавъ соби Кобза, — якъ я побачывся зъ Маркомъ, — ей заручилы, а якъ слухавъ его оповидання, ей повинчалы!... Мабуть и того карае лиха доля, хто зъ нимъ и стринецця!

Того-жь вечера зайшовъ до ихъ у хату Остапъ, сынъ сусида, молодой ще парубокъ. Ульяна, — такъ звалы сестру Кобзы, — глянувшы на ёго, почервонила якъ калына, и Остапъ якось понуро озырався на ней. Кобза заразы побачывъ, що вони одынъ одного покохалы. Не помылывся винъ, однакъ Остапъ ще не залыщывся; не до весилля було, колы, якъ кажуть люде, село горыть, а тутъ треба ратувать ридный край.

Якъ повечерялы, щось притыма убигло въ сини и дуже хряпнуло дверима. Ульяна тилькы що одчинила двери, щобъ глянуть кому-бъ се буты, якъ ускочыла въ хату Зинька. Неначе несамовыта, страшно було и глянуть на небогу: въ одній сорочци, розхристана, розпатлана, щокы горять, зъ очей искры сыплюцца. Така страшенна!...

— Де мій Павло? — скрыгнула вона, хыжо озыраючысь, — де ёго подилы, де?!... — винъ живой!... я ёго бачыла?...

Уси боязко дывылысь на Зиньку, Кобза первый кынувся до неи и прытулывшы до грудей, чуло промовывъ:

— Зинько! заспокойся, я одъ щырого серця тебе прощаю, нехай тебе такъ и Господь помылуе!

— Де мій Павло, — голосыла Зинька, хапаючы за груды Кобзу, — виддайте мыни ёго, винъ мій!...

— Зинько, та яжъ передъ тобою, хйба не бачыць? — одказувавъ Кобза, чуло дывлячысь ій въ очи.

— Его голось! — белькотила Зинька, прислухуючысь, — Павло! — пытала вона, — де ты? не цурайся мене, обороны одъ злихъ людей.... мене отруила ридна ненька... ратуй!...

Зинька прытулылась до грудей Кобзы и зомлила на ёго рукахъ....

За Зинькою слидгомъ прыбиглы еи маты, чоловикъ

и ще вилка бабусь, зъ плачемъ вони вхопылы не-богу и, ягъ нежыву, понесли до дому. Кобзина маты, сестра й Остапъ пишы провесты нещаслыву; а Кобза на самоти, схылывшысь на стиль, облывся гиркымы, потимъ уставъ и одъ щырого сердца помолывся Богу. Теплая молитва звалыла зъ его души важгую гирю и винь трохы заспокоивсь....

Мынуло вилка днивъ, Зиньци усе ставало гиршь, та гиршь; горила вона неначе вогнемъ ей палыло, никого не признавала и мусилы ей дуже пыльновать, бо у ночи схопыцца и сама не зна куды бижыть, ягъ навиженна.

Що дня навидувався Кобза до Зиньки; на ёго рукахъ вона и душу Богови видала.... Ёму-жь довелось ей и поховать, бо одъ жалю маты занедужала, а чоловікъ незнать куды и подивсь. Покійныцю, опричь Кобзы, его матери, сестры й Остапа, ниhto и на кладовыще не провивъ. Бо у те уремя наступылы тяжкыи часы на Вкраини. Кожный одцурався одъ всёго, що тилькы есть милійшого на свити чоловікови: риду, худобы и кохання. У кожного одна була думка, одни замири: оддичыть лютымъ врагамъ и забороныть святу виру и ридный край одъ своевильныхъ ляхивъ и дряпж-ныхъ всендзивъ....

Тилькы що наставъ велыкий пистъ, такъ заразъ, скрызъ по селахъ и хуторахъ, стали пекты сухари,

ризать кабанивъ на сало, и уси ти запасы розвозылы по лисахъ, по пущахъ, и закопувалы въ землю. Зъ Рыльска, Путивля и Билогорода, повернулысь бува-лыи козаки, що нисля побыванокъ пидъ Кумейкамы, на Говтви и Старыци, позаходылы, до якого часу, въ Московщину, зъ Гунею, и ще де якими ватажками. Понавозылы вони зъ собою рушницъ, нистодивъ, ратыщъ шабель, и велыкы запасы пороху и ольва. А зъ запорожъя понаходыло такы чымало братчыкивъ-сичо-выкивъ. Давалы вони войскову порадѣ, збывалы на-родъ до купы и наставлялы сотныкивъ и тысяц-кихъ....

Писля велыкоднихъ святокъ, гонцы зъ запорожъя дали звистку, що Богданъ Хмельныцкій повертаецця вже одъ Крымського Хана и веде зъ собою орду, и щобъ народъ расходывсь по лисамъ и рушавъ и къ Лубнамъ и Переяслову. Тилькы и позоставалысь, на страхъ Божій, при своихъ двoryщахъ, стари и не-мощни, а остатни розыйшлысь: де якы зъ дитьмы помандрувалы у Московщину, а други молодыци и див-чата поплелысь соби за козакамы.

Кобза зъ Остапомъ, помолывшысь Богу, попроща-лысь зъ своими кривными и потяглы зъ сиромамы у гай. Простувалы вони до Лубень, невелычкымы купа-мы, кожный по свойй стежци, бо булы мижъ ими таки люде, що направлялы ихъ темными лисама, щобъ не

выявить силы передъ ляхами, особливо стереглись
вонь проходячи по билия замку князя Ереміи Кору-
бута-Вишневецкого, того, що православный народъ,
за ёго лютисть, прозвавъ кровопийцею.

VI.

Недалечко одъ Лубень, надъ ричкою Сулою, на высокій гори изъ за одвичнёго лису, вырыналы башты стародавнёго замку князивъ Кобыбутивъ-Вишневецкихъ. По высокому почорнилому даху, темныхъ мурахъ, вкрытыхъ мохомъ и плиснею, по обваленымъ пидпорамъ, що уремья, неначе шашель, поточыло, выдко було, що не одынъ вигъ мынувъ якъ стоить ся будовля.

Ридъ Кобыбутивъ-Вишневецкихъ иде одъ Кобыбута, сына велького князя Литовського Олигерда Гедимновича, нарожденного одъ Тверской княгини Ульяны Александровны. Князи Вишневецки владалы на Украини велькымы маентностями: одъ гряницы Царя Московського до Києва и отъ рички Десны ажъ до Говтви, по надъ Днипромъ, увесь край належавъ Вишневецкымъ и прозывавъ Вишневецкою.

Князя Вишневецки держалы православну виру и

булы заступныкамы руського народу. Скризь по городахъ и селахъ назбудовали вони монастыривъ и церквивъ; за тежъ и народъ поважавъ ихъ ридь и пидь часть якои незгоды, йшовъ за своимъ княземъ, на оборону ридного края и виры православной. Князь Дмитро Ивановичъ Вишневецкый, въ чотырнадцятому вици служывъ Московському Царю Ивану четвертому и воевавъ по Его царьскому указу зъ татарами и черкесомъ. Князь Михайло Михайловичъ Вишневецкый, бувъ женатый на дощи Волоського Господаря, Раини Могилы, двоюродной сестри Киевского митрополита Петра Могилы. Одъ сего то подружжя народывся Еремия. Еремия, пился смерти батька, зостався хлопьяткомъ и, маты, щобъ заборонить сына отъ латынства, оддала ёго на руки своему духовныгу, архимандриту Густыньского монастыря, Исаю Копыньскому *). — Такъ Господь-же не протягъ йй вигу и молодого князя оддала на руки ёго дядькови, католыгу, Костянтину Вишневецкому. Однакъ княгыня Раина вмираючы, зарикала сына не пиддавацця католыцству. «Сыну мій», — казала вона, благословляючы Еремю, — «колы ты не покынешъ нашої виры, то и Господь Милосердный тебе не покыне, и благословеніе мое, по весь твій вигъ, буде надъ твоею головою; будешъ ты и твій ридъ въ богатствы и великой повазы у людей; якъ-же не по-

*) Исаія Копыньскый бувъ згодомъ митрополитомъ Киевскимъ.

слушаешъ матери, то я тебе прогляну зъ того свита, а Богъ и люде одъ тебе одступляцца и ридъ твій выкореныцца». — Непослухався такы Еремія матери, и такъ воно сталось, якъ вона ёму пророчыла: Еремія стратывъ свое богатство, а зъ смертью сына ёго Михайла, що бувъ обраный на Польске крулевство, — урвався и ридъ Вишневецькихъ-Корыбутивъ....

Еремія хижый одъ рождення и выхованый ще въ ёзуитськихъ школахъ, въ запеклій вражди и къ православію, прынявши латынство, ставъ найлютіишымъ гонителемъ православного люду. Князі Вишневецьки никола на Украини не проживалы, а де-колы тилькы навидувалысь, бо владалы ще великымы маентностямы на Волини, Подоліи, Гальциі и Лытви. Еремія, якъ оженився на Гризильди Замойскои, переихавъ у сей замокъ, на жыття зъ своимъ посемействомъ. Не по своей воли винъ тутъ осадывсь, булы то замири ёзуитивъ, щобъ орудуючи рукамы и сылою князя, прыневолювать православный людь до Вуніи и запроважувать латынство. Тяжко докорялы у ти часы бидолахамъ, дряпизныкы ксёндзи; волосся до гори пидіймаецця, чытаючы, про ту незгоду, литописню скрыжачю, написану слёзамы и кровью замордованныхъ мученививъ. Зъ живыхъ здиралы шкуру, пробуравлёвалы очы, кышкы вымотувалы, жылы тяглы. Церквы Божи выддавалы жыдамъ на оренду, диты зоставалысь не хрё-

щени, парувались не винчани, вмиралы безъ покаян-
ня, ховалы покійныкы безъ хрыстіянського погребенія.
Княжевськи челядынци, яропужы ляхы, вешта-
лысь по мистечкахъ, селахъ и хуторяхъ, и що схоти-
лы те й робыли: забиралы у селянъ остатню худобу,
на очахъ батька й матери насыловалы дочокъ, въ
церквахъ бенкетовалы и згнуцалысь надъ Божою свя-
тынею.... Нема на свити ничего люгійшого и мижъ хи-
жымъ звиромъ, ягъ ляхы прыбравшы до рукъ сылу,
и чортъ того не робывъ зъ горшкамы, що вони дія-
лы зъ людьмы..... Писля побыванокъ у 1637 рогу,
пидъ Кумейкамы, и у 1638 роци на Говтви и Старыци,
сталы ляхы запроважувать Вунію и тожъ по ливому
берегу Днипра. По приказу Еремія богацько вже за-
хопылы православныхъ церквивъ и монастыривъ и по-
перероблювалы ихъ на кастёлы и кляштори....

Переихавши на Украину, Еремія на дыво обновывъ
предквивськый замокъ. Зъ обохъ боки въ старои будовли
прыбудовавъ ще по крылу покоивъ и зъєднавъ ихъ
кружганкамы, а по середыни, и къ саду надъ самою
кручею, неначе повисъ просторый ганокъ. Дуже за-
краснувавъ будивлю той ганокъ, убраный на около и
по схидцяхъ, мрамуровымы облычамы и деревамы зъ
загрянышнихъ сторонъ, пересаженыхъ въ вельченныхъ
дижкахъ, окутыхъ зализнымы обручамаы. Якихъ тамъ
мижъ ными не було деревъ, кущивъ: на иншымъ по-

протягались такы лысты, що пидь однимъ тры чело-
вика сховающа одъ доща, а на другихъ такы дриб-
неньки якъ шпенышни зернятка. Одно стовбомъ подра-
лось до горы, або гадюкою скрутылось, друге кущемъ
роспустыло свои вѣти и лыства, неначе шовкови кы-
тѣщи, повысла ажъ до земли, и вся та заросль, вкры-
тая цвитомъ и квитками и до шыгы розставлена ку-
щамы, здавалась зачарованымъ садомъ-раємъ земнымъ.
Дыки пуци, що оточували на около замокъ, тыся-
чамы рукъ, перероблени на паркову садовину: сотни
дубивъ, лыщ и клиныны, въ кильва обхвативъ, зру-
бано и скрызъ по протягались дорижкы, порозкыну-
лись грядочкы и усяка квиточена. Зъ далека провель
и зибралы родныкы, тычи, и цила ричка воды текла у
садъ, гула якъ на лотокахъ, мисцями перелывалась по
перекатахъ и гуркотила вливаючись въ Сулу, а мис-
цями велыкы брызкы крышталевымъ стовбомъ стры-
балы до горы и наливалы сажалгы, обложеныи пль-
товымъ каминнямъ. Ажъ зъ Переяслава понавозылы
велыченнихъ каминюкъ и понакладывалы горы скель,
ниби такъ самъ Господь ихъ поробывъ... По всѣму
садови назбудовалы гульбищъ, печерь, халабудожъ и
усякихъ паньскихъ вытребенѣкъ.

Передъ замкомъ, по Лубенському шляху, за остатни
чотыри рокы, неначе якый городъ збудовавсь. На про-
сторому майдани, билия мурованого костѣла, стоялы

курени на тры тысячы кварціяннаго вѣйска, та офіцини чи що, за для дворовою челяди и прінзжою шляхты. Одъ майдана йшла цила вулиця шинкивъ, корчмъ, яткивъ зъ жыдивскимъ крамомъ. Оддала одъ сіею будивли, била ставка, стоявъ ниби замокъ ягый, оточеный лисомъ, то була княжевська псарня зъ стѣнны и якимись офіцинамы, за для псарывъ доижжачыхъ, та ще якихсь лагузивъ.

Зъ того часу, якъ Еремія осадывсь на жыття въ Вышневецкыни, гости ни на часынку не переводылысь; що дня одни выиздылы, други прыиздылы; що дня булы й проводы и стрычи. Князи, магнаты, значни паны, и шляхетство, зъ жинкамы, зъ дитьмы, прыиздылы зъ Литвы, Крулевства, Волини, Подоля, Угорцины, Волоцины, и бавылысь по цылымъ мисяцямъ. Зо всѣго свиту навозылы у замокъ найдорогшихъ напыткивъ и зыснога. Ажъ зъ Рейну и Угорцины бочкамы провадылы рейнське и усяги напытки; зъ Ковеля меды, зъ Києва бакалю, одъ Днипра и Дону усягу рыбу, кавяръ, балыкы.

Гулялы ляхы, бенкетовалы, а народъ бидовавъ, зныщывся. У робочу пору тысячами выгонювалы розкопувать дороги, гатыть гребли, насыпать розкаты, розчыщать садови паркы. А щобъ шляхта и челядынцы князя не сыдили голодни, зъ кожною хаты, брамы одсыпного и десятину. Невелыка ще беда си поборы, колыбъ не осоружна шляхта збирала ихъ; вешталысь

воны по селахъ неначе дряпижня татарва, и часомъ заберуть усе до ниткы, а де-колы, ягъ не сховаецця гарна дивчына, або молодыця, то й ихъ прибгають.

Отъ-такъ гулялы ляхы, поралысь ксе́ндзи, дурилы, казылысь, точылы слёзы и кровь народа; имъ и бай-дуже що бидолахы допывають вже нестерпучу. Удака пидъ Кумейкамы, на Говтви и Старыци, завъязала имъ очи, небачылы воны що на округы ихъ діецця, и въ голову соби не клалы яке лыхо стереже. Отъ и теперычкы понаиздылы до князя гости: зъ Литвы — прыхавъ Олбертъ Радзивиля, съ панамы и своимы челядынямы, усе шляхта; зъ Корця — родычъ Еремін, князь Корецькій зъ дочкою; зъ Немирова — князь Четвертынський, зъ Клевани — князь Чорторійський и богацько ще другихъ, значнихъ панивъ зъ жынкамы, та зъ дитьмы и своимы маршалкамы.

VII.

Знайдорогимъ гостемъ Ереміи бувъ князь Четвертынськый. Осъ яка тому прычына. Князь исповидувавъ православну виру и крышко трымався свого закону. Якъ била ёго не захожувалысь ёзуиты, якихъ бисыквивъ ёму не пидпускалы, а ничего невдіялы; та вже чого вони не зроблять, якъ до чого припаде, здаецця и самъ сатана не выгадае, искушаючи праведныквивъ, що выковерзують ти ёзуиты.

У князя Корецького була однимъ одна дочка, така гарна, уродлива, що кращон, здавалосьъ въ цилимъ крулевстви не було. Не одынъ зъ магнатовъ и князвизъ умызгався за княгивнею, не одынъ и залыцявся и кожному довелось, въ свою чергу, покоштовать гарбуза. Уже думалы чи не налагодылась княгивна до Кляштору, бо дуже була набижна, усе тилькы й бавылась зъ мнишкамы, та зъ патерамы. Гостюючи, отто разъ, въ Заславлі у Сангушокъ, у перше довелось

ій побачить, оть сёго, князя Четвертынського. Княгивна хутко до ёго прыхымылась, тилькы зь нымь однимъ танцёвала, розмовляла и гараздъ такы прычаровала и ёго до себе. Зь сёго часу Четвертынський частенько навидувався до князя Борецького и по всій Волыни пройшла чутка, що непрыступна панна сама запобигла Четвертынського. Увесь край дывовався, що якы лицари, якы магнаты залыцялысь за княгивну, а вона ни на кого не глянула, а сёго неязного, мыршавого и вже немолодого притьма покохала. Ось якъ виявлялась ся загадна: княгивну зь малку виховувалы въ кляштори якыхсь-то визытокъ, пидъ дозоромъ ёзуитивъ, не въ страси Божымъ, а, якъ кажуть, въ страси сатанивскимъ.... Якъ обынають крыльця пташечкамъ, щобъ вони непозалиталы, такъ и ей небогу прыборкалы, однявшы одъ неи власну волю, хить и самоитность. По шоснадцятому року княгивна мусыла зь кляштору повернуцца до батька, — матери у неи не було, вмерла. У той день якъ ий выиздыть, посламы ей мнишки въ каплыцю, помолыцца Чудотворной икони Матери Божой, щобъ Вона Мылосердна не покидала ей и за мурамы кляштора. Прожившы зь малку въ кляштори, княгивна лякалась своєї воли, здавалось ий, що тилькы й свиту, тилькы и щастя въ тихъ мурахъ, що покидала. Въ каплыци не було никого, княгивна увійшла одна смутна, зь гнитучымъ сер-

цемъ и облившись слёзами, упала передъ иконою и стала молицца. Колы чуетъ, ниби то одъ самой иконы, поважный голось: «моя любая дытыно, заявляю тоби мою волю: мусишь вызволить зъ схизмы Немировського Четвертынського и одружытысь зъ нымъ. Не журысь, колы на симъ свити не будешъ счасливою, бо на тимъ уготую тоби вичне панство!» Почувшы волю Божои Матери, княгивна затрыпотила и простягшись на помисту крижомъ, довго лежала якъ не жыва; потимъ хутко встала и, зложившы на хрестъ рученята, одъ щырого сердца промовыла: «да буде воля Твоя святая надомною недостойною!» Княгивна выйшла зъ каплицы зъ веселымъ сердцемъ, такъ їй легенько стало на души пился того чуда, що Матирь Божа сама выявляла їй свою волю. Не знала вона бідна, що та воля була не Мылосерднои Царыци, а ошуканство дряпизныхъ їзуитивъ.

Зъ сего часу у княгивны була одна тилькы думка: якъ-бы заплонить Четвертынського и вызволить его зъ багна схизмы. Мынуло тры роки и княгивна на дыво, пышно, велычаво розцвила. Цила ватага лыцаривъ, магнативъ, умызгалась била ей нижогъ и ни разочку-жъ то не спало їй на думку — зминить воли найсвѣнтшой матци; а князь Четвертынський такъ вже въ неи захохався, що й себе зъ дуру не тямывъ. Якъ побачылы їзуиты, що замири ихъ визрылы и зве-

лили всѣндзѣви Залепському, що неодлучно живъ при Еремїи, довесты дило до кинця. Такъ отто Еремїя и запросывъ до себе въ гости князя Корецького, а княгиня попросыла Четвертынского провесты ей до Вишневецкыны.

Усе зробылось якъ бажалы єзуиты. Збытый зъ пантелыку князь Четвертынськый нездужавъ бильшь бо роцця зъ своимъ коханнямъ и на все згодывъ. Наступывъ давно жаданый день, у который Четвертынськый мусывъ одректысь одъ виры своихъ предгивъ и одружитысь съ княгиню Корецькою.

Єзуиты дуже радовалысь и втишалысь своею вдавкою; вони знали, що за княземъ не одна тысяча православного народу прыхылыцця до вунїи и єго помїстя вкрьюцця костелами и кляшторами....

Въ замку Еремїи готовылы бенкетъ, якого ще на Вишневецкыни никому не доводылось бачыть. Зъ княжескихъ лѣхивъ выкочувалы бочки зъ рейнскымъ и барыла зо всякымы напыткамы. Тысячы бутелѣкъ выставялы рядочкамы. У кухни неначе пекло яке палало; на майдани передъ замкомъ, вкочувалы рыштовання за для огневыхъ штукъ. Войскова шляхта обѣзжала коней, пробовала броню и готовылась на вышпередкы и турнїи. Зъ слобидъ и хуторивъ нагналы народу тысячама; ривнялы дороги, пидгачувалы

гребли, у парку прочыщали пидземни трубы, за для хвонтанивъ и кашкадивъ, и розчищали дорижкы.

Зъ ранку сёго щаслывого за для кателыгивъ дня, икысь полупанкы, въ срибнихъ тилягахъ на баскихъ и убранихъ кбняхъ, розъизжало геть по околыци зъ сурмачамы и оповищало народови, що сёгодня, передь обидомъ, князь Четвертынськый прійма святу кателыцьку виру, а надъ вечиръ повинчаецца зъ княгивною Омалію Корецькою, и що день закинчыцца весельнымъ бенкетомъ.

Заявлялы отакечкы не зъ тымъ, щобъ запрошувать народъ на те весилля, ни, то бувъ тилькы звычай велыкыхъ панивъ, магнативъ, бо и замкова брама не одчынылась сиромамъ и голоти. Паркъ тежъ оточувала вартова сторбжа, такъ ништо зъ селянъ и не побачывъ, якъ князь Четвертынськый одрикся одъ батькивськой виры, и якъ ёго повинчали зъ ляхивною. Почулы тилькы гукъ зъ замковой гарматы, разъ передь полуднемъ, а въ друге надъ вечиръ.

VIII.

Ярко освитылысь зали, кружганкы и кимнаты княжеського замку. Тысячи восковыхъ свичокоу палалы въ сторучныхъ лыхтаряхъ и паникадылахъ, що неначе стѣжки, зитканыи зъ крышталёвыхъ нытокоу зпускалысь зъ стели и высвичувалысь якъ блискавки въ горобину ничь. Стеля и стовбы блыщалы золотомъ; зложенный зъ найдорожчого дерева помисть вылыскувався якъ замерзле плесо. Надъ викнамы высилы зъ аксамыту, та ще зъ щогось зависы зъ выгантованымы на ихъ птыцямы, звирамы, квитиамы и выризункамы, а двери и мрамурови коминкы вершились велыкокняжнымы гирбамы: на червоному полю погонь. По кружганкахъ и боковыхъ покояхъ стоялы столы, заставлени туровымы рогамы, келюхамы и чаргамы зъ чистого золота. Якыхъ потравъ, закускоу лыгоминь и напыткивъ не було на тихъ столахъ?... Що тилькы Мылосердный Господь сотворивъ за для цилого свита,

то усе тамъ склалось до купы за для однихъ тильки панивъ.... Бенкетъ ще не починаясь, ждали погы одягнуть и спорядять молоду княгиню. Тимъ часомъ магнаты и вельки паны, пани и панянки зибралысь у кимнатахъ княгини Гризельды; а ротмистры, хорунжыи и шляхетство розхожувалы соби по зали, гомонили, крутылы вусы и бряжчалы броню и острогамы. На приганку пидъ стелею мистылось може чоловика зъ симдесять княжеськои музѣйки и пивчихъ; у вигна заглядало сотни головъ простой челяди. По тимъ — часовому звычайу, магнаты и вельки паны не боронылы своимъ служанцямъ дывыщя на ихъ бенкеты и игрыща, тильки у сю добу, не багацько назбиралось того люду, бо опасовалысь, щобъ не понаходыло бурлацства и гайдамакъ, що цилымы ватагамы вешталысь по лисахъ, а пустылы тильки замкову черню. Однакъ, якъ не пыльновалы вартови жолниры, а де ягы зъ чужыхъ прокралысь таки у паркъ, бо въ одно викно заглядувавъ Кобза, а били ёго стоявъ Остапъ.

Якъ одягли молоду княгиню, увійшовъ у залю Еремія, ласково прывитавъ панивъ и оддавъ музици приказъ буты на готови. Еремія бувъ зъ себе высокого зросту и сухорлявий. Зъ пидъ широкихъ, пахмуренныхъ бровей, хыжо, вовчимъ поглядомъ, вызыралы ёго сири, якъ полуда, очи, уста завжде усмыхалысь, ниби судоргою такъ звело ихъ на вики, а довга, руда

борода, закрывала груди. Облыччу князя найгиршь додавало лютисти высоке чолó, зъ глыбокою морщюною мижь очыма и чубъ жорсткого волосся, що не наче щытына, стрымивъ до гори. Еремія одягтый бувъ въ богатому кунтуши, зъ срибнымы кытыцямы и поворозкамы, шалевымъ поясомъ пидперезаний и въ жовтихъ сапьянцяхъ; биля боку моталась карабеля, обсажена самоцвитами. Выглядувавъ винъ сано-выто пиднявшы голову и трохы перегнувшысь назадъ, що выявляло въ ёму и панську пиху и лыцарську видвагу. Князь вийшовъ зъ зали, а слидкомъ за нымъ и шляхетство, запрошувать панянокъ на той танецъ, що по двое ходоромъ ходять, та розмовляють.

Тилькы що выявилась на дверяхъ первша пара, разомъ заторохтили барабаны и заграла музы́ка. Еремія по переду вивъ молоду княгиню, у другій пари йшовъ молодой зъ княгинею Гризельдою, а за ними магнаты и шляхетство. Молода княгиня усихъ заслипыла своею красотою; здавалось тилькы ей одну и выдко було. Йшла вона, не наче та лебедочка плыла, въ билимъ, ягъ снигъ, убранни. Зъ пидъ виночка билихъ квиточёкъ, хвылею спадала ажъ до земли пелена, зитканая буцимъ зъ павутины; на виночку, грудяхъ и по всій сугни блистыли, ягъ зиркы, дороги каминня. Кобза затрипотивъ, уздрившы княгиню и затаившы духъ, пыльно на неи дывывся. Тимъ погля-

домъ пронызавъ винъ княгиню ажъ до самого сердца, такъ, що якъ вона проходила по билия того вигна де стоявъ Кобза, то ниби зачарована повернулася и скинула на ёго очыма. Затокотило крипко у Кобзы горяче сердце, заискрылись очи, здалось ёму неначе зъ самого неба глянувъ на ёго янголь, повытый билою хмарою и оточеный зорями....

Народъ, що стоявъ билия вигонъ, дывовався, дывлячысь на панськый бенкетъ; нишому и не слылось того, що теперычки довелось побачыть. Де якы, выпьявши банькы ажъ цмокалы и бубонилы:

— Глянь, глянь, якъ блыщыть золото, якъ сяють самоцвиты, дороге памысто, якы убрання, батечкы!...

— Яка гарна, сановыта, молода!... похвалялы де якы.

— А молодой якый мёршавый, — озывалысь инши.

— Сегодня одрикся винъ одъ батькывськои виры, — додавъ дидъ, — побачымо чи довго-жь винъ бавытымыця зъ своею ляхывкою!...

Кобза усе чувъ, що старый розказувавъ, и хотивъ глянуть на ёго, бо знакомый голось бувъ, — дакъ ниякъ не змигъ одвесты очей одъ молодой, и вже якъ пишы польского танца по другихъ покояхъ, тогда тилькы винъ озырнувь.

— Здоровъ бувъ, Барыло! — скрыкнувъ Кобза, про-

тягуючы до старога руку, — яка нечыста маты тебе сюды занесла?

— А тебе яка? — спытавъ дидь, усмыхаючысь.

— Я тутечка не одынь, — прошопотивъ Кобза.

— И я не одынь!

— Хто-жъ ще зъ нашихъ сичовыквивъ?

— Побачышь....

— Та й гарна-жъ молада! — стыха промовывъ Кобза, зитхнувшы.

— Оттакои ще, тыжъ жопаый?

— Ни.... — одказавъ Кобза понурывшысь.

— Якъ ни?

— Не пытай....

— Тымъ то, бачу, у тебе и очи рогомъ лизуть на чужихъ жиногъ?...

— Я думавъ, що кращон одъ моеи Зиньки на свити не було, ажъ бачу....

Кобза не договорывъ, бо пари танцюривъ увійшы у залю и винъ зновъ вытрыщився на молоду. Якъ проходила княгиня по билия того викна, де стоявъ Кобза, то зновъ на его споглянула и тагъ ласково, прывитно, що здалось ёму ниби ще й усмихнулась....

Писля того танцювалы краковьяка и други танци; а отто якъ натомылысь, то шляхетство розійшлось по кружанкахъ потягнуть люлёкъ, та посмакувать трунквивъ; а пани и панянки, побравшысь за руки, розхожувалы

по зали. Молода княгиня, поручь зъ якоюсь панею, пидійшла до того викна, де стоявъ Кобза, и хочь розмовляла по польски, однакъ винь усе зърозумивь.

— Подывись, — сказала молода, показуючи на Кобзу, — якый гарный козаць.

— Гарни въ нѣго очи, неначе гранаты блыщать, — одказала пани, пыльно дывлячысь на Кобзу, — тилькы груба хлопська тваржь.

— Така врода мыни мылїйша, чымь жипоча красота нашої шляхетной молодежи.

— Глянь, глянь, якъ винь на тебе пыльно дывицца, ты ёго прычаровала, винь закохався въ тебе!...

— Що ты выгадуешь, — одказала княгиня, почервонившы, — якъ такы можно хлопцу закохацца у княгиню, сѣго ему и на думку не спаде.

— Не знаешь ты, бачу, сихъ схизматыкивь, вони таки смили и необачни, що не то закохаюцца у княгиню, а ще думаютъ, що й вони такижь люде якъ и мы!...

— Однакъ усежь такы люде.... Знаешь що я тоби скажу, — и княгиня понурылась, — я превелька гришныця, мыни жаль ихъ, жаль схизматыкивь. Патери кажутъ, що меньшь гриха дьявола пожалить, якъ схизматыка.

— Молысь найсвѣнтшой маткы, щобъ вона, мылосердна, одвернула тебе одъ сѣго велького гриха.

— Молюся, одъ шырого серця молюся, а ягъ гляну на ихъ мугы, на ихъ прыхильность до своей виры, то тагъ мыни зробицца важко на серци, що часомъ и слёзамы вмыюсь....

— Бачъ, яка чула!...

Ягъ шляхта трохи оддыхала, зновъ почалы выбряжковувать мазура. Люде, що поодходылы, давылы одынь одного, проштовхуючысь до виконъ.

Молодой вже не було въ зали, оддыхала вона на ганку, де зибралысь магнаты и значни паны и панни. Ничъ була тихая, теплая, пахло бузкомъ, конволиею, а на округы ганка горилы каганьци и розмалевани лыхтари, збривъ порозвишувани на деревахъ.

Кобза зъ Остапомъ одійшы одъ вигна, зпустымысь зъ горы и, обигнувши кружанкы, прытаились бия ганку.

Магнаты велы розмову про полетыку: дуже сварылысь на запеклихъ схизматыкивъ, на запорожцивъ и нарикалы на Московського Царя.

— Чого вже не роблю, — казавъ Еремія, — зъ тымы гаспедовымы схизматыкамы, а ничего не вдію: сотнями вишаю, четвертую, сажая на пали, а воны ще гиршъ пидіймаюцца, лютують. Що дня, то тамъ, то тамъ, убывають моихъ жолниривъ, захоплюють обозы, пидпалюють гамазыны зъ хлибомъ и припасамы.

— Такъ саме и у насъ въ Лытви, — додавъ Ол-

брехть Родзивилъ, — особливо ти, діявольски, пинчугы, богацько лыха намъ наробылы. Въ Могыльни замордовалы ёзуита Андрія Боболя; въ Пыньску и Янови выризалы усихъ ксёндзивъ; въ Несвижи забили шість ёзуитивъ и багацько шляхты и жыдивъ, въ Новогрудкахъ спалылы ёзуитський вляшторъ разомъ зъ патерамы *).

— Пинчугы, то все одна, пся кровь, козацька, — сердыто гримнувъ Еремія, — якъ-бы на мене, то я усихъ-бы на шыбеныцю, до остатнёго выкоренивъ-бы.

— А хто буде тогда одбувать панщину? — загомонили де ягы паны....

— Латво казать, усихъ на шыбеныцю, — озывались други, — схизматыкивъ до сто дьябливъ и прядева на вирёвки не настачыся!...

Молода княгиня зкрыкнула и зъ лякомъ зскочыла зъ свого мисця. За ганкомъ щось гепнулось и затрищала, продыраючысь мижъ кущамы, а дали, чутно було, якъ побигло зъ горы. Уси паны, скилькы ихъ не було на ганку, хутко пидійшы до молодой зъ запытаннямъ, що їй прылучылось? Княгиня зъ переляку трыпотила и зблidlа якъ стена.

— Хтось, — одказала вона, боязко озыраючысь, — изъ за ганка, зирвавъ зъ мого плеча шлюбову квитку!... **)

*) IV Spom. 127.

**) Брачный цвѣтокъ.

— Неслыхане зухвальство, Іезусъ-Марія! скрыкнувъ Еремія, ударившы кулакомъ себе въ груди. Потимъ узявъ за руку княгиню и стыха промовывъ: заспокойся моя крулево, заспокойся; на дни морскимъ знайду выноватого и покараю, якъ ще никого не каравъ!...

Еремія хутко зібравъ усе шляхетство, войсковихъ, розказавъ имъ що здіялось и хыжо озыраючысь додавъ:

— Панове! ратуйте мій гоноръ, объ однимъ тилькы васъ благаю, привести мыни ёго жывого!...

Музыкы стыхлы, бо уся шляхта и войскові розбиглысь по парку, шукать злодія. Крыкъ и гоминъ огласывся на округы замка; бряжчалы бронєю, тупотилы, бигаючы по дорижкахъ и гукалы, перескыкаючысь мижъ собою. Переполохани панянки тулылысь по куткахъ, якъ овечата розигнанои вовкомъ отары. Еремія то розхожувавъ по повояхъ и всихъ заспокоювавъ, то выходывъ у паркъ, и кожного, кого-бъ не стривъ, нетерпучо пытавъ:

— Піймалы харцыза, піймалы?

На гангу, пани обступылы молоду княгиню и дывовалысь: кому-бъ то зирвать ту квитку.

— Коны винъ злодій, — мырговалы вони, — то латвій було-бъ ёму хапнуть за дороге намысто, якъ за квитку?...

Молода трохы заспокоилась, зъ блидои почервонила вона якъ магивка; однакъ, якъ почувлось зъ парку:

«ловить, держитъ, зпинайте!» княгиня зъ жахомъ зскочыла зъ циглыка, зновъ зблidlа, ажъ духъ сперся у грудяхъ и прислухувалась, нибѣ боялась, щобъ не піймалы того, хто еи скрывдывъ; а якъ огласылось: «піймалы, піймалы!» то вона зновъ упала на циглыкъ и, закрывшы рученятамы очи, схылылась на бильце, неначе зомлила. Паны, почувшы звистку, що піймалы злодія, дуже зраднилы и по ляхскому виншувалы Еремію зъ долопнею. Зновъ огласывся гоминъ по парку: «ведуть, ведуть!» и схидци ганка, якъ лавою, вкрылысь шляхетствомъ, жолнирамы, а по переду зъввязаннымы назадъ рукамы йшлы Кобза и Остапъ. Вивъ ихъ на ланцюгахъ стременный князя, панъ Щука, найлютійшый катюга зъ челядыньцивъ Ереміи. И зъ виду винъ бильшь походывъ на звиряку, якъ на чоловика: вырлооки, перекошени очи дывылысь хыжо, нисъ зъ роздутыми низдримы задрався до горы, шырока челюсть, не перестаючи, ходоромъ ходыла, неначе перемынала жвачку, пыка якъ решето була поковыряна виспою. Замордовавъ, винъ, по прыказу Ереміи, не одну тысячу православного народу, найлютійшымы мукамы, ягы выгадовалы тогди безбожни ёзуиты, що вчылысь лікарству, не за для того, щобъ ратовать людей, а щобъ ихъ катовать....

Зійшовшы на ганокъ, Кобза смило озырнувъ на панивъ и ёго поглядъ запынывся на молодій. Стоявъ винъ въ червоному жупани, бо якъ піймалы, то стяглы зъ ёго свытыну що була зверху.

— Сичовыкъ, сичовыкъ!... загомонили паны.

— Була при ёму броня? — спытавъ Еремія Щуку, люто скынувшы очыма на Кобзу.

— Не було, яснеосвицоный князю, — одказавъ Щука, вклонившысь.

— Э, якъ-бы була! — пробубонивъ Кобза.

— А такой гладный и завзятый, — зновъ почавъ Щука, — що насылу десять человека ёго подужалы; де ягымъ такы добре надсадывъ бебехы!...

— На палю схизматыка, харцыза! — перехопывъ Еремія....

Почувшы такой прыгазъ, молода княгиня швыдго схопылась зъ циглыка и пидійшла до князя.

— Не винъ зирвавъ квитку, — зкрыкнула вона, — я тилькы що ёго бачыла бия вкна въ зали!

— Кому-жъ бильшъ якъ не ёму — озався Щука, — хто стоявъ бия вкна, той и теперычкы стоить, ихъ оточылы вартови, а сей и втикавъ, и оборонявся....

— Не винъ, кажю тобі! — сердыто одказала молода, похмуро глянувшы на Щуку, потимъ повернувшысь до Ереміи выразно промовыла: гоноровымъ словомъ ренчаюсь тобі, князю, що не винъ!

— Ну тагъ сёго на палю! — грывнувъ Еремія, показуючы на Остапа.

— Якъ такъ, — озався Кобза, — то карайте мене, я зирвавъ квитку, а пеповышного пустыть на волю!

— Бачъ, якый запеклый! — шопотили паны.

— Лже, лже, не винъ, не винъ, — заверещала зновъ молода.

— Щобъ намъ не омылиця, — перехопывъ Еремія, — такъ обохъ на паю!

— И самъ царь Соломонъ, — озвався ксѣндзь Залепскій, — не выгадавъ-бы розумнише.

— Князю, — поважно промовыла молода, — мене скрывдылы, и я одна маю право карать и мыловать, за щожъ ты хочешъ накынуть на мою совість дви смерти?... Найсвѣтша матко змылуйся!... и княгиня простягла до неба руки, — сѣгодня, по Твоій воли, я загубыла на вику мою долю....

— Заспокойся моя дытыно! — перехопывъ Залепскій, узявши молоду за руку и скинувшы окомъ на Еремію, — князь жартус, жартуе!...

— Моя крулево, — додавъ Еремія, — ты въ моему замку госпоdynя, твоя воля, твоя й сыла, и я твій слуга; прыказуй усе такъ буде якъ ты бажаешъ!

— Обохъ мылую! — Княгиня зняла зъ грудей шпыль-ву осыпану самоцвитами, и оддала Щуци. Обохъ на волю, лучче гришыть мылюючы, якъ караючы.

Щука узявъ подарунокъ, доторгнувся устами до сукни молодой и щось прогарчавъ соби пидъ нись. Княгиня гордымъ поглядомъ глянула на Кобзу и велычаво пишла у покои. За нею розійшлысь и паны,

де ягы хотили було застаця ще на ганку, тагь Еремія попросивъ ихъ до покоивъ.

— Після такого ласкового суда, — додавъ вінъ, — я не поручусь, щобъ кому небудь зъ васъ, не зирвали й головы зъ плечъ.

Ягь вси вже пройшли у покои, Еремія прошепотивъ до Щуғы:

— Обохъ въ куну! обохъ на палю! — и вийшовшы въ залю, зачынивъ за собою двери.

Поки отто возылысь зъ Кобзою, наставъ часъ и вечери. Загралы музыкы польску проходку и Еремія повивъ молоду княгиню до столу, а за нимъ парамы и вси паны. За вечерю молодн сидили рядочкомъ, и обоє, якось, смутно виглядали. Княгини ничого вже було до Четвертынського бисыкы пускати, бо волю найсвѣтшои маткы довела до skutku, а князя може скребла совисть, що одрикся одъ батькивскои виры, одъ руського посемейства и прыхылывся до ляхивъ....

Однакъ веселому товариству и байдуже до ихъ було. Турины рогы и келюхи, чаркы зо всякими напитками и стародавними медамы, переходылы одъ пана до пана, а ягь стали отто пыть на здорově молодои, то вже пылы воны зъ ен черевыкча. Крякь, галась, стрильба зъ гармать, мущыривъ и гакивыць, огласывся по всій околыци. Сполохнуте у ночи гайворонни, литало по парку мижъ деревами, крякало и былось крылами

объ вѣти. Не було спокою и горобцямъ. Бенкетъ за-
кинчывся огневыми штукамы, ярыхъ ще не бачымы
на Вишневещыни: то крутылось и трищало, а те пу-
кало и гуло; здавалось неначе небо загорилось. Моло-
дыхъ зъ музыками, гукомъ и гомономъ повелы спаты въ
особлыви за для ихъ убрани покои. За ними розій-
шлись магнаты и значни паны; зосталось тилькы шля-
хетство и войскови и довго ще хлюпалысь у тихъ
напиткахъ, якъ жабы въ болоти.

Еремія повивъ патера Залепського на свою половину,
бо тамъ зибралысь гонци и посланци, присланныи до
князя зъ крулевства, Литвы, Кыева и Запорожжа.

IX.

Не добри висти чекалы Еремію. Розпытавшы де которыхъ посланцівъ, що дієцця, звидкы воны прыхалы, винъ забравъ лысты и звеливъ одвесты ихъ до маршалка двору, щобъ нагодовалы и размистылы по официнахъ.

Первый лысть Еремія почавъ чытать зъ Кодагивъ. Страшно було глянуть на ёго выдь: бровы насунулысь, очи выкотылысь, судоргою повело уста, неначе трясця ёго трясло, и той папиръ, що державъ винъ въ руци, дрижавъ якъ на осыци лысть. Патиръ Залепскій прытаившы духъ, не зъпускавъ очей зъ князя, и, по ёго похмурому выду, здавалось бачывъ, що тамъ напысано на папиру. Дочытавшы, Еремія зобгавъ въ жмени лысть и кынувъ ёго на доливку. Кожный лысть, що чытавъ винъ, дратувавъ ёго, то зарегочыцця неначе само пекло засміялось, то розирве на шматкы и, запинывшысь, топче ихъ ногамы.

— Яки се висти, — не сміло спытавъ Залепський, — що такъ тебе, князю, засмутылы?

— Таки, що превельке лыхо вищують нашої ричи доспылытон, — одказавъ Еремія, похмуро дывлячысь. Запорожци утроили свое вѣйско; Хмельныцкій повертаецця одъ Хана и веде зъ собою орду; одъ Дону до Карпаты и одъ гряныци Царя Московського до Черного моря, — пидіймаюцця козаки, цехови и чернь. Народъ кѣда слободы, осели и. неначе хыжый звирь, ховаецця по лисахъ, пущахъ и драговини...

— Щожъ роблять въ Билій-Церкви наши гетманы Потоцькій и Калыновський?

— Одибравъ и одъ ихъ лысты; одынъ на другого доказуе, выдко, що нема мижъ ними доброй згоды.

— Якъ до чого припаде, то помыряцця!...

— А може й Хмельныцкому доведецця ихъ помырыть!...

— Захой насъ одъ сѣго лыха Найсвѣнтша матка! — скрыгнувъ Залепський, перехрестывшысь. Щожъ роблять у Варшави? — спытавъ винъ съ переходомъ.

— У Варшави бенкетують соби, та бавяцця игрыщамы, одынъ одного запобига, обманюе, кожый за для себе; имъ й байдуже, що діецця на около и въ тутешнимъ краи.

— Якъ на мене князю, то ничего и хлыпать; нехай пидіймаюцця, нехай бунтують, намъ же прибуде

зъ того бильшь корысти. Зновъ задамо имъ такого-жъ чосу, якъ десять рокивъ назадъ, завдали пидъ Кумей-камы, на Говтви и на Старыци, и по праву побиды-теливъ, позабираемъ у схизматыкивъ остатни, ягы позоставалысь, монастыри, церквы, маентности, и прыневолымъ народъ до вуніи. Аджежъ Кумейска бытв зробыла насъ панамы на Вкраини?... Такъ чого-жъ намъ лягаця, нехай соби на бизголовья пидіймаюця въ остатній разъ!...

— За Кумейску удаку мы дорого заплатимо, вона ще бильшь зробыла насъ самонадіянными, а козакивъ навчыла, що пидіймаця треба не поединцю, а посполитымъ рушеннѣмъ. Кажу тобі, колы Украина пидіймещя уся, то корона польска зъ нею не справыця; мы сами потонемо у тій крови, що зъ ихъ выточимъ....

— Не бійтысь, князю, нашъ святійшій отець папа, а за нимъ уся Иврѡпа стануть за насъ!...

— Брехня, нимци ще порадуюця нашому безго-ловью, а Украины будуть помогать: — Царь Московскій, Салтанъ турецкій и Ханъ Крымскій. Побачимъ тогда чый чортъ буде старшій?

— Ричъ посполита и сама мощна, пидіймемось и мы посполитымъ рушеннѣмъ; надія наша на Найсвѣнтшу матку, Вона поможе намъ проти схизматыкивъ.

— Нащо-жъ намъ и пидіймаця посполитымъ рушен-

нѣмъ, колы Найсвѣнтша matka буде намъ помогать хйба за для того, щобъ їй помогты?... Еремїя засміявся...

— Князю, — поважно промовывъ Залепскій, — усе одъ Бога, усе: кожному по ёго диламъ, и кара, и мылость. Винъ ратуе и погубляе, Винъ возвыша смиреннихъ, и смиря стропотывныхъ!... Патеръ похмуро глянувъ на Еремїю, нйбы хотивъ выявить, що остатнимъ словомъ ёго корывъ.

— А хто-жъ смиренни, чи не мы зъ тобою? — спытавъ Еремїя, гризно на ёго дывлячись....

— Совисть моя заспокоена, я зполняю мій долгъ, якъ велыть мыни свята вира кательцька, и спасаю одъ гыены вогненной души схизматыкывъ. Господь бачыть мое смиреные.

— Тымъ-то й погано що бачить, Ёго не обманишь.

— И на думку мою не спадало такого гриха, щобъ обманювать мого Господа! Творю Ёго волю и покоряюся Ёго святой воли, щобъ зо мною не сталося. Не перестану й дяковать за Ёго мылости, политы на насъ недостойныхъ. Хйба тоби, князю, ще мало доводивъ Ёго благости: куды не глянь, усюды мы беремъ верхъ надъ схизматыгамы, съ кожнымъ днемъ схизма меньшае и мылыёны люду прыхыляющца до нашего святїйшого отця папы. Озырнысь, якъ розкинулась кательцька вира по всїй ричи посполитїй: Литва, княжества:

Слуцьке, Туровське, Чорноруське, Кошицьке, Черниговське, Киевське, Подоль, Волинь, Галицька земля, — вкрылысь костеламы, вляштурамы, а тимъ часомъ церквы схизматыкы в валюця, поны голодни, холодни, не обути, пороспывалысь и народъ неповажае ихъ, згнуцаецца надъ ними!...

— Усе що ты кажешъ, прыгодно одному тильки Риму, а не корони Польской. Який-же то людъ, що вы цылымы мылыёнамы прыхылылы до святэйшого нашого отца папы?... Чья кровь и доси точыцца?... Тожъ усе диты короны польской, наши браты!... Хто-жь намъ вернетъ сотни тысячъ побытихъ и тихъ, що кынувши ридный край, позабигалы у Московщину?... Озырнысь и ты, що сталося съ нашою ричью посполитою: законивъ не поважають, скарбъ безъ грошей, шведъ орудуетъ намы, неначе своимъ крулевствомъ, Брамдатурецъ такъ и наровить, якъ бы ёму одъ насъ одцахнуцца, москали на насъ ножи гострятъ!...

— Не боюсь я того, князю, що ты кажешъ, мене гиришь лякае то, що таки стовбы короны польской, сыла и слава ричи посполитой, якъ ты, князю, злякався нензнихъ хлопивъ, и зневажаешъ благостію Божою, колы таки лицари одступляцца одъ нашою ойчизны якъ ты, то справа наша певно загыне!

— Не злякаюсь я и самого чорта, не то твоихъ нензнихъ хлопивъ, не одступлюсь и одъ ойчизны, поны

здужаю триматы въ ружи шаблю, помы не выточать зъ мене остатню краплю крови. Вирую я и въ благость Божу и на Ёго едыного покладаю мои надіи!... Слухай, патеру, ты ксѣндзь, служитель овтаря Божого, а я воинъ, слуга и обронця короны польской, ты моцнійший видъ мене въ теолозії, а я дальшъ тебе бачу въ справи политычной, въ стану народовому. Тагъ вирь мыни, що усе, що ты видъ мене чувъ не дихтерійкы, а свята правда. Рымъ покорыстуецця, а корона польска на выкы стратыть Украйну, а може.... Еремія не домовывъ н, понурывшысь, крутывъ свои довгыи вусы.

— Не думай, князю, щобъ и мы, служители овтаря Божого, не знали справи политычной и стану народового. Отъ слухай: ягъ татары пошарпалы руську землю, ричь посполита завладала килька-настя милыёнамы руського люду. Теперычки Московщина оборонывшысь одъ татаръ, збира до купы вси едынокровни и едыновирни племена, що одчахнулысь пидъ часъ татарьской пожогы. Мыне выкъ, другый, и Москва забере сылу и зѣмли ричи посполитой, заселенныи руськымъ людомъ, зновъ до себе прыгорне. Щобъ заборонить наши провинціи одъ москаливъ, на выкы треба запровадыты скрызъ польщызну и нашу кательцьку виру. Тогди тишькы вояы будуть нашыми и ножи свить сонця не прыхыляця вже до Москвы. Тагъ не коры насъ, князю, що мы тилькы ратуемо за для одного

Рыму; ни, наша корысть однакова: мы уси, головы наши положымо за ойчизну, а святійшій нашъ отецъ папа дасть намъ згоду на симъ и на тимъ свити. Одъ шырого сердца кажу тоби, князю, повы ричъ посполита и святый костель матымуть такихъ сынивъ и обронцивъ якъ ты, пѣти слава и сыла наша не поляже, а свята вира кателыцька розкынеця по всѣму Славянському свиту, и буде тоди *едынъ пастыръ и едино стадо!*...

Залепський уставъ и обнявши князя, циловавъ ёго и кришко тулывъ до сердца приговарюючи:

— Да храныть тебе Господь, а зъ тобою и нашу ойчизну!... Прощай сыну, прощай, не добри висти тебе засмутылы; помолысь же Богу, то винъ Мылосердный, укрепыть твѣй розумъ и розвѣ мрякувате манья, що тебе оточыло, тогди ты й самъ побачышь, що намъ ничого гнивыть Бога!...

Шыре привитання и ласкови речи патера задовольнылы Еремію. Князь обнявъ Залепського и покирно промовывъ:

— Просты мене, батьку, колы я скрывдывъ тебе палкѣмъ словомъ. Молысь Богу, щобъ не здялось тагъ, якъ мыни здаецця!

Ще обнялысь, и патеръ выйшовъ, а Еремія позбировъ роскыдани шматкы лыстивъ и зновъ ставъ ихъ перечитувать.

Не добри звистки чекалы и Залепського. У своихъ покояхъ знайшовъ винъ свого секретаря, ксѣндза Марецького, зъ биса лукавого и яхыдного. Залепській дуже ёго любывъ за те, що винъ бувъ заглятый гонитель православія, а особливо попивъ. Тилькы що повернувся винъ съ Прилуцины, куды посылавъ ёго Залепській по шпаркому дилу, и стоявъ збиднывшыся и щурывъсь на патера маленькымы очыма, неначе осокою попроризуванымы.

— Ну що Марецькій, — спытавъ патерь, смутно на ёго глянувшы, — чого се такъ збендежывъсь, нічымъ, мабуть, порадовать?

— Одгадавъ святой отче, — одказавъ ксѣндзъ, важко зитхнувшы.

— Розскажуй, сѣгодня бачу, пия, великон радости треба покоштовать и гиркон.

— Зъ Густыньского и Мгарського монастыривъ, — почавъ Марецькій, — уси ченьци повтикалы у Путивль, позабиравшы зъ собою свои скарбы. Зосталысь тилькы голи стины, та схизматычни иконы....

— Велька страта, велька! — прошопотивъ патерь, — багацько було усякого добра у анахтемськихъ схизматыкывъ; ну, а Бубнивського протопопа захопылы?

— Утикъ, пся-крывъ, и худобу зъ собою забравъ, зосталась тилькы одна бабуся зъ слабою дытынкою,

такъ пьяни жолниры розлютовавшысь, дытynu насадылы на спись, а старои поодрубувалы ноги й руки....

— Дурни, и безъ насъ воны-бъ загнулы!... А Плеваха *) треба було злпать, а то наробыть винъ намъ багацько лыха....

— Та се ще ничего, не сёгодня-завтра, а вже винъ не мынувъ-бы нашихъ рукъ, а отъ превельке, несправыме лыхо, — зитхнувшы промовывъ Марецькій, — нашому фратеру, Стрибайлу, вичная памьять!...

— Найствѣйтша matka! — сврыкнувъ Залепській, схопывшысь зъ креселка и пидіймаючы руки, — що ты кажешъ, нещаслывый?...

— Замордовалы проклятуци схизматыки....

— Езузь-Марія, духъ свять!... Дежъ ёго замордовалы?...

— Поихавъ винъ въ Ичню на хлопахъ, бо ёго завдже возылы хлопы въ тарадайци, такъ, Кажу, поихавъ и узявъ зъ собою десять жолнирывъ и десять реѣстровыхъ козакывъ. Не знаю вже ягъ воно тамъ здіялось, тилькы въ лиси, мижъ Ржавцемъ и Ичнею, знайшлы ёго повишеного за ноги и зашмаганого канчукамы, а кругомъ поризани жолниры. Реѣстрови козаки незвисно буды подилысь, мабутъ зрадилы и присталы до гайдамагъ, бо й сами такижъ запекли схизма-

*) Такъ звалы кателшкы православныхъ понивъ.

тыги, якъ и увесь тутейшый людъ. Не вимъ, за що имъ такъ довирия князь, нароблять воны колысь намъ до сточортивъ лыха!...

— Найсвѣнтша матко!... стогнавъ Залепській, — чу-хаючи потылыцю, — щожъ мы теперычки будемъ робыть безъ Стрибайла?... Мовъ косою пидкосымы вси наши замири въ Прилуци и въ Лохвыци!...

Ся звистка гараздъ такы засмутила Залепського. Стрибайло бувъ найлютіишій зъ єзуитивъ, що напхалы у Вишневещыну, приневолювать народъ до вуніи. Килька литъ жывъ винъ въ Рыми зъ Андриємъ Бобо-ліємъ при ихній инвизициі и добре навчивсь мордо-вать людей. Одъ села до села возылы ёго въ чорто-пхайци селяне, котрихъ поганявъ винъ малахаемъ, неначе скотыну. Выкоренывъ винъ не въ одній парак-віи попивъ, не одну и церковь Божу виддавъ жыдамъ на оренду. Стрибайло бувъ, якъ и Боболій, запеклымъ котолыцькымъ хванатыгомъ, ни що ёго не запыняло, ни що и не лякало; Залепській не дарма звавъ ёго своею десною.

— Щожъ тамъ ще у васъ въ Прылущыни? — спы-тавъ Залепській зъ перегадомъ.

— Та ничого путащого; що дня тилькы й чутки: що тамъ схизматыки забылы жолниривъ, тамъ пови-сылы ксендза. На тимъ тыжни, на Лубенському шля-ху, напали гайдамакы на бняжеськы хуры зъ провян-

томъ, девять жолниривъ забылы, а остатнихъ розигналы. Нема чутки и про Фратера Скорупського, що поихавъ въ Лохвицю, мабуть и того замордовалы. Якъ о такъ буде дальшъ, то певно и вси загынемо....

— Найсвѣйтша матко, змылуйся надъ нами! — прошепотивъ Залепській, и, згадавши свою розмову зъ княземъ, замыслывся. Думкы, якъ чорни хмары, носылысь надъ ёго головою: «а що якъ и справди», думавъ винъ, «усе то здіецця, що казавъ князь?».... Може-бъ довго ще коверзовавъ Залепській, колыбъ Марецькій не спытавъ его: якый ёму буде прыказъ.

— Сёгодня никому ничого не кажы, — одказавъ патеръ, — кепськи висти засмутили и роздротувалы князя.

— Того намъ и треба — озвався Марецькій, — шодольемо сала въ жаръ, такъ винъ ще гиршъ роздратуецця и наayne лютійшу кару на схизматыкывъ....

— Такъ сыну, такъ, твоя правда. Идыжъ заразъ до пана Щуки и усе ёму розскажы.

Марецькій поциловавъ патера у плече и выйшовъ.

Въ замку усё стыхло. Де якы зъ шляхетства, що бенкетовалы, поросходылысь, а други, перебравшы черезъ край, поснулы пидъ лавами. Тилькы и чутко було якъ вартови жолниры на баштахъ и мурахъ стыха переклыкалысь, та свитылось ще въ покояхъ князя Еремін.

Князь одпысувавъ лысты. Въ ёго присинешній чекалы гонци, що мавъ винъ розсылать, а въ кутку кунявъ Щука, дождаючысь прыказу. Одправывшы гонцивъ, Еремія позвавъ Щуку.

— Чи нема у тебе ще чого? похмуро спытавъ ёго князь.

— Ё, ясне освицоный князю, — одказавъ Щука, хыжо водячы очыма, — анахемськи схизматыки намиряюцця тебе и ридь твій выкореныть и замокъ твій спалыть!... Патеривъ Стрибайла и Скорупського схизматыки замордовалы!... Щука розказавъ князю, що чувъ одъ Марецького, та ще й свого додавъ....

Еремія ажъ затрусывся, дослухавшы Щуку.

— Дамся-жь я имъ у знакы, дамся! — скрыкнувъ винъ, заскреготившы зубамы. — Завтра одпровадыть у Прылущыну двисти жолниривъ, щобъ воны спалылы Ржавецъ и Ичню, щобъ на оголо выризалы усихъ людей, не милуючи ни старого, ни малого, и щобъ ихъ головы, ноги й руки розтыкалы по шляхахъ и перехристкахъ!... Чуешъ?!...

— Чую, ясне освицоный князю, тилькы не безпечно у Прылущыну посылать жолниривъ, особлыво щобъ палыть слободы и ризать людей. Тамъ теперычки скрыз розхожуютъ чымали загоны гайдамакивъ, а на реестровыхъ козакивъ здацця не можно, бо й воны такижь схизматыки; що дня десяткамы утикають и преста-

ють до своїхъ. Теперычки при замку нема й тисячы кварцянныхъ, усихъ порозсылали, якъ поменьшае, то реѣстрови и за чубы ще насъ визьмутъ, бодай вони не диждали!

— Зачекай посылать у Прылушину, — перехопивъ Еремія, — побы не приведуть мыни зъ Волини три тысячы шляхты, що пославъ наwerbовать. Реѣстровыхъ-же козакивъ, усихъ одислатъ у Переясливъ до Барабаша; теперычки вони ёму згодяця, бо винъ на байдагахъ поплыве до Кодакивъ, щобъ дать помочи Степану Потоцькому. — Езусъ-Марія, Езусъ-Марія, — бубонивъ Еремія, понуро розхожуючы по покою, — що діеця... що... до якого зухвальства дійшло паскудне хлопство!... У власному моему замку, на бенкети, зривають зъ княгини шлюбову квітку, вирнихъ монхъ слугъ и служителейъ св. овтаря забываютъ! Постривайте-жъ прогляти лайдаки, дамся я вамъ у знаки!...

— Здаецця и вони налагодылысь даця намъ у знакы, — осмилывсь озваця Щука, — та ще якъ станемо потурать имъ и мыловать....

— Куды ты подивъ тихъ двоохъ харцизивъ, що Четвертыньска заступалась? — хутко спытавъ князь.

— Сыдять у куня. забытін въ кайданы, та не вони одни, я ще захопывъ трѣхъ, здаецця запорожчыкы, намовлялы проти тебе, князю, народъ и замковихъ

челядынцівъ. Кажуть, було ихъ бильшь, тагъ повтг-
калы-жъ, ироды.

— Завтра, уранци, усихъ на шыбеныцю, а щобъ
не довидалась княгиня Четвертынська, перевишать ихъ
у лиси, на жидивскому дуби.

— Слухаю, ясне освицоный князю, — радисто про-
мовывъ Щуга, — та ще треба-бъ було й припекты
дiавольскихъ сынивъ, щобъ довидацца видкиля воны,
и яки у ихъ замиры, може, Богъ дасть, чого небудь
и допытаемось.

— Прыпечы ихъ такъ, — Еремiя заскреготивъ зу-
бамы, — щобъ воны проглялы и той день, що на свить
народылысь, щобъ воны чулы що вмирають!...

— Прыпечу, ясне освицоный князю, та вже не знаю,
що зъ того буде, запеклый зъ биса народъ, его шква-
рышь, а ёму й байдуже, неначе не ёго печуть!...

Щуга выйшовъ зъ покоивъ князя, а Еремiя довго
ще не заспокоивсь.... и свитло свитылось въ вигнахъ
его покоивъ ажъ погы не розсвило.

Х.

Зъ пивъ-мыли одъ замку, середь густои заросли, на долини, рисъ на самоти виговичный дубъ. Яки булы въ околыци стари диды, то розказувалы, що й зъ малку знали ёго такимъ, якимъ винъ стоявъ и те-перычки — товстымъ, та розгиллячистымъ. Ёлысь давно, на симъ дуби повисылы жыда, а може й самъ повисылся, такъ зъ сѣи прычины и прозвалы ёго жыдивскимъ дубомъ. Ходыла ще и така чутка мижъ людей, що по биля сѣго дуба и доси вештаецця жыдивска душа, бо де яки проходячи у ночи черезъ долину, чулы якъ вона стогне и хрыпуть.

Зъ того часу, якъ переихавъ Еремія у Вишневеццу, не одну тысячу православного люду перевишталы на симъ дуби и замордовалы найлютіишымы мукамы....

Тилькы що стало на свить займацця, заскрыпили зализни ворота пидъ баштою и зъ куни вывели Ёбзу,

Остапа, Барыла и ще двохъ сичовыкивъ. Знявши зъ ихъ кайданы, позкручувалы имъ реминьямы назадъ руки и повелы у лись по тій стежци, по которій бидолахы вже не верталысь. По переду йшовъ Щука зъ своимъ помишныкомъ, паномъ Пидпальськымъ и патеромъ Марецькымъ, а за ними жолниръ нисъ жаровню и торбу зъ вугиллямъ, щобъ було чымъ прышварыть и прыпекты. И у патера вѣсила черезъ плече сумка зъ обценьками, клищами, ножами, штрыкалками; булы тамъ и пляшкы съ купоросомъ, гострою водкою и ружнымы отрутамы. Знавъ и винъ добре людей мордовать: ягу й жылку вытягты, де й шкуру зидратъ, чимъ полыть и посыпать живе м'ясо. У Рыми навчывся винъ сій науци, въ имквызици, на котолупни святійшого папы. Килька прокивъ одъ ихъ, тры жолнира велы на арканахъ бидолахъ. Нихто бъ и не пизнавъ, глянувши на сю юрбу, кого ведуть на муку, бо наши небораки йшлы соби браво, шутковалы мижъ собою, сміялысь, а ляхы, писля учорашнёго бенкету, не опохмелывшысь, зъ одутловатымы пыкамы и не протертымы очыма дыбалы понурывшысь.

— Отъ казалы, пане молодци, — озывавсь Барыло, — що померзлы въ куні, глянте: добри люде несутъ жаровню и вугилля, певно погріють насъ!

— А що тамъ таке въ торбинци у патира, — пыталы де-яки, — мабутъ не дарма и винъ зъ намы йде?

— Тамечкы у ёго кателыцька справа, — озывавсь Барыло, — бачу, доведецця ёму одправыць мшу на напйй шкури!

— Одправыць дйавольскый сынъ, — гомонилы сичовыкы, — одправыць, и свого гемонського папу помьяне во царствїи жыдивскимъ!

Патеръ похмуро озырцувсь.

— Постривайте, анахемськы схизматыкы, — ехыдно усмихаючысь, промовывъ винъ, — побачымо кого вы помьянете....

— Почуешъ, кателыку, почуешъ! — гукалы козаки, — батька твого сатану помьянемо!

Одынъ Остапъ йшовъ журлыво, звисившы голову. Молодый парубоць, тилькы що починавъ жыты и не доводылось ёму ще буваты у бувальцяхъ.

— А що скажуть наши, — чуло промовывъ винъ до Ъобзи, важко зитхнувшы, — якъ довидаюцця що сталося зъ нами?...

— Скажуть, — перехопывъ Барыло, — те, що сказавъ цыганъ: «пишлы наши въ гору, дядька повисылы!»...

Козаки зареготалысь, ажъ луна по лису залящала.

Хыжо озырався Щука на той регить и буркотивъ соби пидъ нисъ, лаючы козакывъ, та розмовлявъ зъ своими, якъ гуска зъ свинею....

Оттакъ розмовляючы, дйшлы вони до жыдивського дуба. Ягось похмуро выглядовавъ той дубъ: бувъ винъ

дуже товстий, душоватий, а верхи повсыхали и кора на ихъ пооблуплѣвалась; тильгы по середини широко розкынулысь вити и скрызъ суху неопалу ю лыству пробывалысь молоди поросли. Зъ нызу сажени дви заввышкы, неначе медвежа лапа, выхопылось сухе скорчене гилля. На оцій-то гилли, розказувалы, повисывся жыдъ, а теперычки на си вишалы и мордовалы козакивъ. Увесь дубъ закурывсь и почорнивъ одъ дыму, кругомъ цивгы розкыдалысь головешкы и де, не де, темнымы плямамы, червонила на трави запеклая кровъ. На около дуба, уся долына вкрылась могылкамы замордованныхъ мучиныбывъ. Зъ краю тры чоловика копалы яму, певно за для нашихъ сиромъ. Недоходячы кильва ступнивъ до дуба Щука зупынывсь.

— А зъ якого почнемо? — спытавъ винъ патера, — скынувшы очыма на козакивъ.

— Давайте одъсѣго, гладкого, — одказавъ Марецыйй, глянувшы на Кобзу, — того, що квиткы зрыва зъ княгинь, а си нехай подывляцца що й имъ буде....

— Та вжежь, — загоманилы козаки, — у свою чергу доведецця и вамъ побачыть, що й зъ вами буде; зйде сонце и передъ нашими воритьмы!...

Козаки посидалы, жолниры по простягалысь бия ихъ на трави, а Кобзу пидвелы й къ дубу и поставы пидъ гиллею.

— Ну, бисывъ схизматыку, — запитавъ ёго Щука, — кажы мыни теперычкы, яки у васъ замири булы, проти вашого пана, князя Еремиі?... Та кажы правду, признавайся, видкиля вы, гуды и чи багацько васъ?... Не скажешъ ласкою, то мы й допытаемось инше!...

— Якъ же я тоби казатыму, — одризавъ Кобза, — колы ругы звязани, отъ якъ бы ни, то почувъ бы ты у мене чмеля.

Щука одъ сіеи одповиди ажъ зблидъ зъ серця, пина выкотылась на устахъ, очи, неначе пъявкы въ склянци, заворушылысь, дали глянувшы на жаровню и патерову торбынку — трохы зазпокоився.

— Пострывай схизматыку, — пробубонивъ винъ, заскреготившы зубамы, — самъ ты въ мене загудышь чмелемъ!... А що будымо зъ сущигою робыть? — спытавъ Щука патера.

— Спечемо ёму ноги, — озывавсь Марецькій, выймаючи зъ сунгы пляшку и прыскалку, — и попечене спрыснено купоросною ацидою.

— А може-бъ ёму залыть горячого сала за шкуру?

— Не вхоплять же ёго заразъ чорты, зальемо ёму й горячого сала, колы тоби сёго схотилось.

Кобзу посадылы и стали роззува́ть, и зо-одного

чобота выпала шлюбова квитка княгини Четвертынськои.

— Бачь, дїавольскій хлопъ, куды сховавъ, — ссрыкнувъ Щука, підіймаючы квитку, — одно тилькы шляхетство має право носыть ея!... Щука сховавъ квитку въ кишеню.

— Беры кателыку, — пробубонивъ Кобза, — у мене ё друга квитка, кохання, сіен не одіймешъ ни ты, ни кровопыйця Еремїя, зъ нею и на небо полену!...

Роззувши Кобзу, протягли ему по пидь руки вѣрѣвку, панъ Пидпальськый, зибравшы кинци у ливу руку, подрався на дуба и выбравшысь на середину сухого гилля, прымостывся якъ разъ надъ Кобзою — и гукнувъ:

— А підіймайте харцыза.

— Тай важкый же, дїавольскій сынъ, брехтили патерь и жолниръ, підіймаючы Кобзу.

Панъ Пидпальськый натягнувъ вѣрѣвку и ставъ завязувать. Не вспивъ винъ у друге завузыть, якъ зъ лытвы просунулась здоровенна рука и вхопыла ёго за чубъ; блыснувъ кинжалъ — и окомъ незмигнуть, якъ разомъ зъ обезголовленнымъ трупомъ, завлывся зъ дуба чоловикъ въ чорному кобеняку и татарськїй кучми. Не доторкуючысь ще до земли, винъ одною рукою затопывъ патера по тимью, а другою жолнира у высокъ такъ, що обыдва попадады мертви.

Щуна побачивши се, выхопивъ шаблю, та не вспивъ замахнуця, ягъ той чоловікъ пирнувъ ёму кинжалъ въ груди, у саме сердце. Жолниры схопылысь, було, за палашы, та бачать, що вже й Кобза, зъ розъязыннымы руками хапаецця за шаблю Щуки, повернулы назадъ, тай чкурнулы на втикача. Тутъ тилькы Кобза глянувъ на свого збавителя....

— Марку! — скрыкнувъ винь и обнявши ёго, крипко тулывъ до сердца, — видгиля, якимъ побытомъ ты тутечкы опынывся?

— И ягъ бувъ учора, зъ вами, въ парку Ереми, — одказавъ Марко, обтираючы кровъ зъ кинжала об одежу патера, — вы мене не бачылы, а я бачывъ ягъ васъ дурнивъ піймалы, чувъ ягъ и прыказъ виддалы, щобъ васъ на симъ дуби замордовалы.... Та теперычкы не до розмовы, треба втигать, колы ще й втечемо, бо незабаромъ буде й погоня.

Кобза и Марко духомъ поперетыналы режни, котрымы поскручувани булы ругы у козакывъ. Барылю захопывъ броню убитого жолнира, а Кобза завладавъ броней Щуки и полизъ въ ёго кышеню за квиткою. Опричъ квиткы, вытягъ винь ще щось завернуте у бумажци, розгорнувъ, ажъ то була та шпылька, що вчора княгиня Четвертынська подарувала Щуци. Кобза сховавъ.... Марко тимъ часомъ вытягъ зъ дуцла свою торбу..

— Ну, паны товариши, — гукнувъ винь до коза-

живъ, перекидуючи черезъ плече торбу, — дви мили нашої дороги, колы ляхы насъ не доженуть, то вже хиба тогди побачать, якъ мы сами до ихъ прыйдемо.... Неодставайте!

Зъ остатнимъ словомъ Марко метнувся въ самую гущину лиса, а слідкомъ за нимъ и козаки потягли. Широко ступавъ винъ, неначе ведмидь — бортнякъ, продырався миждь зарослею, ломавъ вити, вырывавъ кущи зъ кориннямъ и прокладувавъ за собою стежку товариству.

Пройшовши килька гонивъ, перебралысь вони черезъ глыбоку балку и зъ милю простовалы ридкымъ лисомъ, такъ що якъ бы погоня настыгла, тобъ латво було ихъ тутычки захопыть. Однакъ помы жолниры добиглы до замку и дали звистку яка халена спиткала патера и Щуку, помы пиднялось кварцяне вѣйско, наши сиромы перебиглы ридколился и вже кралыся пущамы и глыбокымы бескедамы. Дуже такы й потомылысь бидолахы, де яки вже й приставать стали. Одынъ Барыло браво йшовъ и втома ёго не брала; неначе кишка здыравсь винъ на деревá и оглядавъ чи не наспива погоня. Якъ велы ёго на шыбеньцю, то ёму и байдуже було, а теперычкы, якъ ставъ на воли, усе ёго лягало: схопыцца зъ дерева птыця, залопотыть звирь въ кущахъ, заразы приглядуеця и прычува, сказано, запорожська сторожська натура. Выбравшысь

на невеличку прогалыну, козагы посидалы, щобъ трохы одпочіть.

— А що Марку, — спытавъ Кобза, — чи полегшала твоя гаспедська торба хочъ трохы?

— Здаецця трохы полегшала, — одказавъ Марко, — бачу мыни васъ жаль стало; вона у мене така, що тилькы до кого хочъ трохы озвецця серце жалемъ, то вона заразъ и полегшае.

Нехай вона тоби совсимъ полегшае, за те, що насъ вырятовавъ. Теперычкы хочъ и доженуть, такъ невъязаны ругы, погы зновъ скрутять, такъ я десять укладу. — Кобза вытягъ зъ пихвы шаблю Щуки и ставъ ей розглядувать, — бачъ яка гостра, та уважиста, ще краще за мою....

— Буды-жъ ты запроторывъ свою броню?

— Тамъ, десь, били замку позакопувалы зъ Остапомъ, якъ нечыста маты понесла насъ на весилля, бачъ, зъ броню не пустылы-бъ.

— Тай наша броня тамъ зосталась, — озвалысь де яки козагы.

— Годи вамъ теревени гнуть, — гугнувъ Барылю, прыслухуючысь, — чи чуєте, здаецця, у рогы трублять?

Вси замовкы и стали прыслуховацця, ажъ справди, десь, далеко, гугнивъ охотнычій ригъ. Сиромы повсхоплювалысь и зновъ потягы за Маркомъ. Лисъ усе стававъ гуще й гуще, кущи глоду, терну, и шин-

шыны, позросталысь соби и стоялы неначе добра ого-рожа. Не пройшлы воны й п'яты гонивъ, якъ блыже почулысь рогы, а згодомъ натрапывшы на ихъ слидъ, загавкалы и заскавучалы гончи-собаки.

— Не отставайте наны-товарыши, — озывався Марко, — недалечко вже zostалось!

— Каторжни собаки, — бубонивъ Барыло, озыраючысь, — одъ ихъ не втечешъ, бодай воны выздыхалы!

Незабаромъ зновъ, ще блыжче загудилы рогы и заскавучала собачня. Де яки зъ жолнирывъ, донхавшы до гушчыны, позлизалы зъ коней и продыралысь слидкомъ за гончимы. Чутко вже было якъ воны гугалы на собакъ и переблыкалысь про мижъ себе, колы разомъ, зупынывся Марко бия дупловатого дуба, що рисъ надъ горою, пролизъ по пидъ кущемъ глоду и одчынивъ невелычке виконце, таке, що тилькы хиба гадюкою пролизты чоловикови.

— А нуте, хлопци, лизте въ мою хату! — скрыкнувъ винъ, прыдержуючи виконыцю.

Духомъ, якъ мыши, поховалысь козагы у ту пору, остатній улизъ Марко и зачынывся. Виконыця була обложена зверху дерныною и прыкрывалась густымъ кушемъ глоду, тагъ що якъ не прыглядуйся, а не побачышь де вона одчыняецця. Земляночку выкопавъ Марко пидъ самымъ дубомъ, и его кориння розходы-

лысь неначе кроквы и латы и пидпиралы землю; зъ дупла проходила оддушына и освищала пидземну хижбу.

Тилькы що воны поховалысь, якъ зашамготилы кругомъ землянкы гончи, гавкалы, скавучалы, и ненаходячи дальшь сльда, де яки порозбигалысь, а други метнулысь сльдомъ назадъ. Жолниры, що йшлы сльдомъ, завернулы собагъ, и воны зновъ закрутылысь по билия дупловатого дуба, а одна, добигшы до самого виконця, заскиглыла и стала дряпать лапамы и скребты землю. Горуо, зъ краю балкы, зъ жолнирамы ихавъ верхы панъ Хорунжий.

— Чого воны такъ гвалтують? — спытавъ винъ тихъ жолниривъ, що пробиралысь у бальци.

— Катъ ихъ батька зна чого, — обизвався передовый жолниръ, — усе крутяця на однімъ мисци, а чортма никого, мабуть натрапылы на борсучій сльдь.

— Трубить у рогы, зклькайте собагъ, — озывалысь зъ балкы жолниры, — тутечкы тилькы даремно потратымо часъ.

Загудилы рогы, позклькалы собачню, а тамъ затрищавъ хмызъ пидъ копытамы и черезъ яку часынгу усе на округы замовкло....

Потомлени козаки попростягалысь на доливци, а Марко вытягъ зъ пичуркы глегъ зъ водою и клунокъ зъ сухарямы.

— Снидайте хлопци, що Богъ пославъ, — сказавъ

винъ, ставляючи бия ихъ глекъ и кынувши влунокъ, другои потравы у мене нема, выбачайте.

Голодне товариство митью выпыло воду и розхпало сухари, ажъ торбынку пошарпалы на шматкы.

— А чи довго-жь мы тутечкы сидитымемо? — запыталы козаки Марка, заморывшы червяка.

— Погы не утихомыряця ляхы, — одказавъ Марко.

— Куды-жь мы рушымо? — пыталысь де яки.

— Отъ слухайте. Чотыри мыли зъ видци, въ пущахъ ё островъ, на около оточеный залывомъ зъ Сулы, болотомъ и драговыною. На тимъ острови, въ гори повыкопувани глыбоки и велыки печери. у котрыхъ, розказують люде, колысь, ще за Владимира святого, ховався змій; съ того часу и островъ той прозываецця зминымъ. Не одынъ вить мынувъ, а никому-жь то не доводилось буваты у тимъ урочыщи: одно, не латво було ёго й знайти, а друге, колы кому й лучалось ненарѣкомъ зблызыцца до того острова, то зъ лягомъ тикалы видъ ёго. Дакъ на симъ острови, кажу, теперычкы осадывся зъ своимъ загономъ Переясливскій козакъ Брывонись, той самый, — може чулы, — що хуторяне, за ёго лютость, прозвалы *Вовхуремъ*, а ёго ватагу *вовхуряцями*. Винъ прійма до своего гурту, тилькы не всякого, а зъ пробы, щобъ кожный мавъ таку сылу якъ и въ ёго. Кто обнесе трычи бия ёго куреня дви каминюкы, кожна въ десять пудивъ, той

ему товаришъ, хто шистъ, той ёму побратымъ. Такъ бачите, хиба тилькы одного Кобзу прийме до свого загину; можебъ и побратымъ ёму знайшовся, такъ той ни до кого не прыстае, и до себе никого не приймае. Та байдуже, знайдущя и окроме Кривониса ватажкы, та ще й не одынъ.

— Хтожь насъ на той островъ проведе? — спытавъ Барыло.

— Я васъ проведу, мыни не разъ доводилось вже на ёму буваты. Тамъ терычки и народу чымало збиралось; порадымось, прийшла пора пидіймацця: мабудь вже и Хмельницькій зъ ордою зъ гиша рушывъ.

— А може вже й зъ ляхамы бьюцця, — додавъ Барыло.

— На тимъ тыжни я бувъ въ Переяслави, — казавъ Марко, — и де що чувъ. Зъ Варшавы Барабашу прыйшовъ приказъ, щобъ винъ посадившы реестровыхъ козакивъ на байдагы, носпишавъ и къ Кодакамъ, на пидмогу Степану Потоцькому..

— Якъ-же воно буде, — загомонилы козаки, — наши кривни, православни, тай будуть быцця проти насъ, своихъ бративъ?

— Тогда скажемо, якъ воно здіецця, — одказавъ Марко.

— А багацько вйска у ляхивъ, по тимъ боци Днипра? — спытали козаки.

— У двохъ гетманивъ Потоцького и Кольновського буде тысячъ зъ тридцать, та й у Хмельницького чымало того вѣйска, однихъ братчыкивъ пятнадцать тысячъ, та реестровыхъ козакивъ Полтавського, Мыргородського и Гадяцького тысячи чотыри буде.

— А скільки ще того народу зъ Украины понаходило, — додавъ Барыло, — якъ кошаня пруть на Запорожже, та ще якъ и татары дадутъ намъ пидмогу, то завдамо такого чосу ляхамъ, що й до новыхъ выныкивъ не забудуть....

Марко вытягъ съ кутка килька шабель, пистоливъ, рушницъ и сумкы зъ порохомъ и кулямы.

— А нуте, паны-молодци, — казавъ винъ, розкладаючи броню на доливци, — розбирайте у кого нема, може доведеця намъ на дорози спидгати ляхивъ, такъ щобъ було чымъ обороныця.

Кобза узявъ два пистоля и гвынтовку, а други побралы й шабли.

— Ну, теперычки, на добра ничъ вамъ, спочывайте хлонци, — сказавъ Марко, узявши свою торбу и глекъ, — а мыни треба ще трохи де куды побресты....

— Що воно таке за чоловикъ? — спитавъ Барыло Кобзу, якъ Марко вылизъ зъ землянкы.

— Не вгадаешъ козаче, — одказавъ Кобза.

— Давно вже ты зъ нымъ спизнався?

— Торикъ.

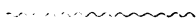
— Що у ёго въ торби? Носицца зъ нею якъ кѣтъ съ саломъ.

— Бодай тоби не довелось побачыць!

— Дыво, не чоловиеъ; мабутъ винъ не то ляхивъ и самисинького чорта не злякаецца.

— Его чорты лякаюцца!...

Кобза не дуже бувъ охочый до розмовы, коханцѣ неначе якимъ чадомъ ёго пидгурыло, тилькы й думкы було що про княгиню Четвертынську. Потомлени сиромы не довго ще балакалы и поснули ягъ мертви....

XI.

Якъ вже смерглось, повернувся Марко и побудывъ козакивъ. Повылавылы сиромы зъ земляночки, неначе ти бабаки, и довго протырали очи, поки не прочумалысь; дуже такы позасыпалысь. Марко прыниль имъ хлиба, сала, пляшку горилкы и глекъ воды. Заморыны червяка, козацтво, запалыло люльки и повело розмову.

— Знаете, паны-молодцы, що, — почавъ Барыло, — колы Крывонисъ не прыйме насъ до свого загону, дакъ мы оберемъ соби ватажкомъ Марка, тай будемо прыймаць до гурту?...

— А кого-жь и обрать якъ не Марка! — загомонили козаки.

— Пострывайте, паны-товарыши, — озвався Марко, встаючы, — не мыни буты вашимъ ватажкомъ, выберите соби иншого, а поки я зъ вами, то буду вашимъ поводитаремъ.

— Чомъ не хочешъ буты нашимъ ватажкомъ? —

пыталы козаки, оточившы Марка, — не треба намъ иншого, не треба!

— Не вамъ мене пытать, не мыни вамъ и казать!... Марко похмуро скынувъ очыма на товариство и ёго поглядъ запынывся на Кобзи, — якъ до чого припаде, дакъ отъ вамъ ватажокъ! — додавъ винь, — показуючы на Кобзу.

— А погы прыпаде, — озвався Барыло, — нехай винь выпрудыть зъ свого сердца княгиню Четвертыську, а не выпрудыть, то мы зъ ёго выкуримъ те кохання порохомъ!...

— Тай не ривня намъ ти князи, та паны! — загомонили де яки.

— Чомъ, не ривня, — перехопывъ Кобза, — хйба-жъ мы не таки люде якъ и воны?

— Нехай, бачъ, и таки, — одказавъ Барыло, — такъ не таки-жъ теперычкы часы, щобъ возыцца зъ тымъ коханнямъ!

— Якъ не таки, то й пидождемъ, — одказавъ Кобза, понурывшысь.

Оттакъ розмовлялы погы не зыйшовъ мисяць, и наши небораки рушылы. Довгенько йшлы воны за Маркомъ, продыраючысь гуццною, а тамъ выбравшысь на високу гору, выйшлы на бытый пляхъ, що пролягавъ про мыжъ густого лису.

— Ну, теперычкы, паны — молодци, — сказавъ Марко,

зупыняючы ихъ, — ляхскій день, а ничъ наша; колы спидбаемо на дорози дряпизныквивъ, то не будемо утывать, а будемо быцця. Огледить, лишинь, вашу броню и позаряжайте гвынтовгы и пистолы...

Згодомъ, пройшовшы кильга конивъ, почулы воны позадь себе гоминь и тупотню. Козаки зійшы зъ шляху и засилы въ кущахъ. Незабаромъ побачылы воны чымалу юрбу: де яки ихалы вёрхы, а други йшлы пиши, въ свытгахъ и высогыхъ смушевыхъ шапкѣхъ. По гомыну и одежи заразь пизналы воны, що се не чужи, а свои, и мабуть простують туды-жъ куды й воны. Барыло пугукнувъ и юрба зупынылась, де которы вхопымысь за мушкеты, а други за шабли и стали на готови, а козакъ, що ихавъ по переду на доброму коню, на той оклыкъ тежъ пугукнувъ. Заразь выдко було, що бувалый козакъ и знавъ звычай за-порожскій.

— Не лягайтесь хлопци, — озався Барыло, пидходячи до юрбы, — и мы тагизъ якъ и вы... Куды йдете?

— На гадючій, чи то бишь, на змінный островъ, — озвалось бурлацтво, — до Ъривониса.

— Тай мы тудыжъ; а багацько васъ?

— Двадцатеро и одынъ, та ще стилькы у другій ватази, що пишла попереду.

Сиромы наши зблызылысь, браталысь и прывиталы одынь одного....

— Здоровъ бувъ, Барыло, — озався передовый вершень, протягуючи до ёго руку.

— Гныда! — скрыжнувъ Барыло, — чи сежь ты мій голубе? — була-жь така чутка у насъ у коши, що тебе забылы ляхы на Старыци?

— Ни, ягъ бачышь, помылувавъ Господь, мы зъ Гунею, писля побываногъ на Старыци, помандрувалы у Московщину и до якого часу тамъ вешталысь, а теперычки зновъ до васъ прійшлы, зновъ почастуемъ ляхивъ!

— Наши козагы змышалысь зъ бурлацствомъ и пищлы по дорози.

— Видкиля-жь вы теперычки? — питавъ Барыло Гныду.

— Зъ Црылущины, — одказавъ старый.

— Що-жь тамечкы, у васъ, діецця?

— Хвалыты Господа, усе благополушно!... Учора Бубнивскій протопопъ, Свить, прывывъ чымале вѣско и старый Гуня зъ нымъ, дакъ яки не повтикалы ляхы, то усихъ забылы на макуху, а мныхивъ Доминьканивъ, що осадылысь въ Густынськимъ монастыри, до одного вылущылы. Теперычки иду щобъ порадытысь зъ Крывонисомъ.

— Не зостривалысь зъ вами ляхы?

— У вечери вже, якъ вийшли зъ гаю, де спочивали, стрилы пять жолнирывъ, трехъ-же вклялы, а двое втекло.

— Сёгодня буде чымъ порадовать Ерему, запинить винъ зъ серця овою руду бороду, бо й мы ёму багацько шкоды наробылы...

— Не то ще буде. Зальемо мы й ёму самому горячого сала за шкуру!

— Якъ отагъ розмовлялы, почувлы десь, далеко, стрильбу.

— Чи не наши бурлаки быюця? — озавсь Гныда, прислухуючысь.

Стрильба ставала частишь, почувсь и гоминъ, пусе сблыжалось до ихъ, а тамъ разомъ замовгло и затыхло. Барыло метнувся по дорози, щобъ довидаця, що тамъ здялось, а тимъ часомъ ватага по троху подвыгалась. Згодомъ повернувся Барыло.

— Постривайте, хлопци, — прошепотивъ винъ, — жолнирывъ иде чымала купа!... Нерозгледивъ добре, а здаецця, килька чоловикъ нашихъ ведуть на арканахъ!

Марко зупынивъ юрбу.

— Ховайтесь въ кущи, по обомъ бокамъ шляху, — казавъ винъ, роздяляючы ватагу, — а конни идте соби назадъ, щобъ васъ не вздрилы ляхы, а якъ крыкну, разомъ выходьте, пиши зъ лису, а конни поспишайте на зустрічь ляхамъ и лупить дряпизныквивъ!

Духомъ пиши поховалысь въ кущахъ, а конни одихавшы зъ пивъ гонивъ, на повороти шляху запынылысь; а тимъ часомъ и ляхы стали зблыжацця. По переду ихавъ панъ хорунжий, а за нымъ жолниры велы на арканахъ чоловика зъ висимъ бурлакъ; потомлени и голодни собаки биглы за киньмы, высолопывши языкы. Тилькы зривнялысь воны зъ засадою, якъ выхопывсь зъ кущивъ Марко и гукнувъ молодецькимъ покрыкомъ. Прожогомъ выскочылы козаки и поперлы на ляхивъ: хто рубавъ, хто стрылявъ, а хто й просто дававъ добрихъ стусанивъ въ пичинки.... Перелякани жолниры несподиванымъ нападкомъ, хапалысь за палашы, за пистоли, де яки далы дропака, а тутъ имъ на зустричъ и конни наскочылы.... Несчулысь ляхы якъ ихъ, чоловика зъ двадцять, на мисци углалы; небагацько зъ нихъ прутко пробылысь и втегли. Се булы ти сами жолниры, що шукалы и гналысь за нашымы неборакамы, тай знайшлы такы ихъ соби на лыхо.... Заразь поростыналы верёвкы, що булы повьязани бурлакы, та якъ роздывымысь и пизналы своихъ....

— Бачъ, таки я й думавъ, — сказавъ Гныда, — що васъ дурнивъ спидкалы ляхы?

— Та насъ же, — одказувалы воны, чухаючы потылицю, — застукалы тамечкы бияя березоваго хреста, де казалы подождать васъ....

— Хиба-жь никуды було гараздъ сховацця?

— Та мы гараздъ тагы й сховалысь,— озвався одинъ зъ ватагы, — такъ послулы-жь, а тутъ, де не взялась бисова собачня, донюхалась, и загавкотила, а яропу-жа шляхта набигла, де якихъ повбывалы, а насъ, оце якъ бачыте, на арканахъ повелы. Хотилы було й насъ поризать, такъ хорунжий и каже: «одведемо сихъ до князя Ереміи и скажемо, що се ти сами харцызы, що пана Щуку и патера позабывалы».

— А бодай васъ, дурнивъ!... чого-жь стоите, якъ телешни, — гримнувъ Гныда, — забирайте броню у забытыхъ ляхивъ, тай рушаймо, бо якъ опизнемось, то не знайдемъ и човнивъ, ниначимъ буде и на той бигъ острова переплыть.

Бурлаки метнулись до забытыхъ ляхивъ и выбира-лы соби броню, а Барыло доризувавъ тихъ, що ще хрыпили, прыговарюючи: «въ свой хати и скипка бье!»

Дойшовшы до березового хреста, побачылы вони де, не де, попростягалысь на шляху шить трупивъ бурлакъ....

— Бачу не всихъ дурнивъ поризалы, — сказавъ Гныда, скинувшы окомъ за забытыхъ, — теперычкы мабуть, де-небудъ зъ переляку такъ поховалысь, що й зъ собаками ихъ не знайдешъ.

Одъ хреста продиралысь вже сыромы густымъ ли-сомъ. Марко йшовъ попереду, прыглядуячысь и къ

деревамъ : то простуе до дуба, на котримъ понаносылы гнизда гайвороння, то поверне, дойшовшы до трухлявого пня ; а тимъ часомъ козаки гукалы, склыкаючи товарышивъ, що позабигалы одъ ляхивъ. Зъ перегодоми якъ пройшлы воны зъ пивъ мили, на той гоминъ стали одглыкаця втикачи, якъ жабы зъ болота, ажъ помы не зійшлысь до купы.

На свить займалось, якъ воны зпустывшысь зъ кручи, опынылысь бия Сульского залыва, що оточуе зминый островъ. Посередыни того залыва було плесо, а зъ берега позаростало очеретомъ, рогизомъ и оситнягомъ. По той бикъ залыва пидіймалась висока гора, вкрытая одвичнимъ лисомъ и скилькы окомъ кынуть, мрила темною половою, мижъ густою зарослею чагарника. По симъ боци залыва, по надъ самымъ берегомъ, простяглась доризжа, по котрій стричкою сунулысь козаки пиши и конни, а за нымы, за кожною ватагою, везлы на пидводахъ мишкы зъ борошномъ, сухарямы, ризанихъ кабанивъ, и другу харчъ и гналы скотыну на тежь. Тихенько подвигалысь ватагы по дорожци, не чутко було ни гомину, не бряжчала й броня, неначе чорни хмары передъ буркою, сунулысь воны и збивалысь до купы....

Оттакъ дойшлы воны до перевоза, де въ завширшкъ залыва було шыроке плесо. Конни козаки переходылы у плавъ, а пишихъ и запасы перевозылы лоцманы на

човнахъ и каюкахъ. По той бигъ перевоза, на острови, виднилысь розкаты и редуты, насыпанныи пидъ горою по обомъ бокамъ дороги. Марко зупынывшысь биля перевоза, обернувся до товариства.

— Прощайте, паны молодци, — стыха промовывъ винъ, — помогай вамъ Бигъ; теперычки и безъ мене втрапите до Крывониса.

— Куды-жь се ты Марку? — запыталы козаки, — не покидай насъ, зостанься зъ нами!...

— Не можно, товариши, треба ще й другимъ де якои помочи дать, треба й до князя Еремія навидаця.... Прощайте!...

Зъ остатнимъ словомъ Марко повернувъ въ гущину и зчезъ за кущамы....

Довгенько такы простоялы наши сиромы биля перевозу, вже и соничко зійшло, вже и посвидалы чимъ знайшлось, погы дійшла до ихъ черга переправляця. Переплывшы на той бигъ, ажъ здивувалысь вони, побачывшы таку сылу народу. Скризь, де вони не проходили, пидъ кожнимъ деревомъ, кущемъ, кишило людомъ. На гиляхъ висилы обидрани волови и баранячи туши, ризалы м'ясо и клалы въ казаны; по пидъ горою повыкопувани булы печи; де замишувалы тисто, а де печеный вже хлибъ шматувалы на сухари и розкладувалы на ряднахъ сушити. Инши збылысь биля кузень, лагодылы броню, гострилы шабли, насажувалы

на спыси ратыща и выльвалы кули. Булы тамъ молодыци и дивчата: де яки поралысь бияя печей и кабыць, а други шылы козагамъ сорочки и одѣжу, та зшивалы лантухи на сухари. Де, не-де, спивалы кобзари про Винцеслава, що нагнавъ жыдивъ у Польщу, та малого Гирею... Мисцями вывищувалы на списахъ свыткы и запрошувалы прыбулихъ козакивъ поснидять. На прогалынахъ выгравалы скрыпыци и сопилкы, торохтивъ бубень, и козацтво, ударывшы лыхомъ объ землю, садыло гайдука и выбывало тропака. Вешталысь тутъ попы й дьякы, що покидылы свои парави, втикаючы одъ дряпижныхъ ксѣндзивъ; булы й крамари, цехови, чумаки и запорожчыкы въ червонихъ жупанахъ и кабардынгахъ; не було тилькы панивъ, бо тогди ще на Вкраини не було й чуткы про ихъ. Пройшовшы килька гонивъ, Кобза ставъ роспытувать — де Брывонисивъ куринь?

— Ажъ тамъ, на самимъ кинци острова, — одказувалы люде, усмихаючысь, — де печери, тамечкы осадывся винъ зъ своимы вовхурянцями, тай глыта ляхивъ, неначе той змій, що колысь тутечкы ховавсь та людей ѝвъ.

— Та кумедно-жъ и граецця винъ зъ ляхамы, — додавалы други, — неначе кить зъ мышою.

— Хто-жъ тутъ у васъ порядкуе? спытавъ Кобза.

— Нема ще никого, — загомонилы козаки, — Бры-

вонись прыйма до своего загону тильки богатыривъ, дакъ оце, теперычкы, збираемось обрать соби своего ватажка, тагъ немажъ у насъ на прымити такого, якъ бы намъ треба.

— Дурный, бачу, вашъ Крывонисъ, — озався Барыло, — навищо теперычкы богатыривъ, куля й вола повалыть!

— Та вжежъ его не навчышь, — бубонилы люде, — завзятый такы винь зъ биса чоловьяга.

Роспытавшы дорогу, наши козаки, а за ними и други, рушылы до Крывониса по протоптаной стежци....

ХІІ.

Въ найдальшимъ кути острова, висока гора шпылемъ подралась до неба, а зъ того шпиля выдко було Лубни и Ъыевскій шляхъ, що по той бигъ Сулы, протягся и къ замку князя Вишневецького. Усїй то гори, зъ пидъ кручи, неначе скеля, вытрыщылысь килька печерь; де колысь, ягъ розказують стари люде, ховався страшенный змїй. Одъ сихъ печерь, полою розляглась чымала поляна, оточеная лисомъ и густою зарослею чагарныка, а тамъ зновъ круто зпускалась гора и обрывистымъ берегомъ оточувала шыроке плесо и байракъ. На сїй то поляни росташовався Крывонисъ зъ своимъ загономъ. Атаманивъ курень стоявъ посередыни, а на около, мистылысь де припало вовхурянци: хто збудовавъ соби зъ лободы та зъ нехворочи халабудву, хто нашьавъ на ратыще керею, або свытыну, а де яки, неначе звирря, вызыралы зъ печерь. Недалечко одъ

курень стрымили понаставлювани пали зъ залізными спысамы и шыбеныци. Бильшь може, якъ двадцять чоловика ляхивъ, сыдило на тихъ спысахъ, а де яки, зачеплени крюкомъ за ребро, моталысь на шыбеныцяхъ. Все воны булы ще живи и, въ невтерпучихъ мукахъ, стогналы и крычалы, благаючи, щобъ ихъ доризалы, добылы, и збавылы одъ лютыхъ мукъ. Страшно розносывся той галасъ по гаю и одклькався на около луною. На деревахъ тежъ высило килька трупивъ, неначе волови туши, обидранныхъ ляхивъ; де зъ ягихъ, зъ живыхъ, здиралы ще шкуру, и тумы шкурамы вовхурянци вкрывалы атаманивъ куринь и свои халабудкы, щобъ забороныця видъ доща.

Кривонисъ сыдивъ билия своего куреня, пидгорючывши ноги, смогтавъ люльку и втишався, дывлячысь на мукы ляхивъ.... Бувъ зъ него казарлюга забисованый. Глыбоко позападалы у лобъ ёго очи и хыжо, не чоловичымъ поглядомъ вызыралы зъ ямокъ. Довгый, кистлявый нисъ его, якось погнуло на бикъ, а бороду и шыроку челюсть выперло напередъ. Не пидголене и розпатлане волосся, жорстке якъ кнуряча шытына, стрымило до горы и закрывало лобъ и товсту шыю. Шыроки плечи, высоки груды, выявлялы въ ёму велыку сылу; зъ себе бувъ высокий, кистлявый, мовъ выплавленный зъ самого чугуна. Одыгтый винъ бувъ якъ и прости козаки, тилькы въ жовтихъ чоботяхъ,

на срибнихъ пидковахъ, мабутъ стягнутыхъ зъ замордованого ляха.

Кожный зъ загону Крывониса, що поралысь бия ляхивъ и швендялы по поляни, бувъ зъ себе, тежъ, высокый, гладкый, мордатый, вусастый, и хыжо выглядовавъ зъ пидъ лоббя; выдко було, що кожного прынялы до гурту зъ пробы и не дарма прозывалысь воны вовхурянцями....

Було ще рано, а народу вже чымало тагы зибралось бия Крывонисового куриня; незабарылысь и наши сиромы. Ажъ на выду зминылысь воны, глянувшы на муки ляхивъ и почувшы ихъ галасъ. Хочъ скрывдылы ляхи украинскій людъ и напоилы ихъ нестерпучею, однакъ не втишалысь воны мукамы своихъ ворогивъ, бо ще не загубылы своего сердца и не стратылы жало до блыжнёго, якъ дряпижни ляхи и патеры, що мордовалы неповынныхъ соби на втиху и на змину виры....

— Здоровъ бувъ, пане-отомане! — поважно промовывъ Барыло, пидходячы до Крывониса, а за нымъ и вся ватага обизвалася, и знявшы шапки, вклонылася отаманови.

— Спасыби, паны-молодци, — прогугнивъ Крывонисъ, глянувшы зъ пидлобья на козакивъ, — а чого вамъ треба?

— Та того-жъ чого й тоби, — одказавъ Барыло, — позбавыцца одъ яропужихъ ляхивъ и заборонить святу виру, и наше життя, и наши козацькои вольности.

— Добре, паны-молодци, добре; спробуйтежъ чи ё у васъ сыла заборонить те, що кажете.... Обнести отси каминюкы, — Крывонисъ показавъ на два камня обязани верёвкамы, щобъ латвій було ихъ захопыть, — такъ колы хто зъ васъ обнесе ихъ трычи кругомъ куриня....

— Чулы вже мы про си каминюкы, — перехопывъ Барыло, — ничого розказувать, ничого вже и увержуваця. Такъ выбырають не людей, а воливъ, бачъ ягый бильшь потягне, той и дорожчий.

— Батька свого навчы.... прошепотивъ Крывонисъ, насупывшысь.

— Зъ того часу ягъ выгадалы рушныцю и пистоль, — казавъ Барыло, — той ставъ моцнійший, хто не зхыбыть стріляючи, а колы винъ ще розумный, то сховае тебе у кишеню, дарма що ты уродывся такый запеклый и здоровый казарлюга. Ось подывысь лышень ягъ у насъ сычовыкы стріляють!

Барыло выхопывъ изъ-за пояса пистоль, навивъ на ляха, що одъ мукъ корчывся на пали, выпалывъ — и ляхъ схылывся на бигъ, а зъ промижъ очей задзюрчала кровь....

— Що ты зробивъ, необачный?!... скрыгнувъ Крывонисъ, схонывшысь, — чи ты знаешъ що вынь у мене сыдивъ вже зъ тыждень на пали, ябъ ёму ще на килька днивъ протягъ мукъ....

— Ягъ тыждень сыдивъ, — перехопивъ Барыло, — то пора ёму вже и вмерты!... Буде зъ ляха и того колы винъ видкыда ногы!...

— Чого-бъ ще й бажать! — зареготовшысь, озвалысь де яки.

— Такъ, бачу, вамъ иродамъ жаль ляхивъ, — гримнувъ Крывонисъ, пидступаючы до Барыла....

— Нехай вони до твого кривого ниса попрылыпають! — отказавъ Барыло, узявшысь за пистоль, — та не дуже, отамане, й грымай; не за тимъ мене зъ сичи сюды прыслалы, щобъ корыть ляхамы, а щобъ помогты вамъ дурнямъ, ихъ лушчыть....

Крывонисъ, побачывшы що сичовыгъ не дуже ёго злякався, та й завзятый тагы, бо вже й за пистоль хапаецця, одійшовъ одъ ёго. Дали, зъ перегодомъ, озырнувся на козакивъ и вже безъ сваркы промовывъ:

— Осъ що приходицця, паны-молодци: мыни треба не розумнихъ, а дужихъ!... Мабуть, мижъ вамы нема и одного такого, щобъ, не то що обнисъ каминюкы кругъ куриня, а й зъ мисця ихъ не зворухне?

— Чомъ нема, — озався Кобза, — може й такий знайдецця, що й обнесе и занесе твои каменюкы.

— Чи не ты той, що занесешъ? спытавъ Кривонисъ, глянувши на Кобзу.

— Може й той!

— Спробуй, побачымо!

Тимъ часомъ, на той гоминъ, повылазылы зъ своихъ ниръ и халабудокъ вовхурянци и чимала ихъ купа зблызылась до куреня, де яки посидалы, а други попростягалысь черевомъ на травы, мовъ ти кабаны, и палылы люльки. Кобза пидійшовъ до каменякъ, огледивъ, позамотувавъ руки у верёвки и, твердымъ поступомъ, понисъ каминня. Обнисъ кругъ курина разъ, въ друге и въ трете....

— Глянь, глянь, — загомонила вовхурянци, — не взявъ ёго кать, добре пре!... Пославъ намъ Господь товариша, — гукалы де яки, и зъ радощивъ ажъ по-схоплювались.

Не запынывся Кобза одъ сёго покрыку, и ще трычи обнисъ каминня кругъ курина.

— И мыни, Господь, пославъ побратыма, — загу-гнивъ Кривонисъ, пидходячы до Кобзы, — колы ты такый удався, дагъ побратаемось, кажы, якъ ты про-зывается?

— Павломъ, та ще й Кобзою, — додавъ Кобза, трохы запынывшысь....

— Кто-жь се тоби таке призвище прыложывъ?

— Запорожци....

— Якажъ зъ тебе Кобза, тай не Павломъ тебе звать, ты будешъ у насъ *Павлюгою* прозывающа.... Правда, паны-товарыши? — Кривонисъ скинувъ окомя на своихъ вовхурянцивъ.

— Правда, пане-отамане, такъ, такъ, — загугалы вовхурянци, — нехай буде Павлюга, Павлюга!...

— Пострывай, пане-отамане, — одказавъ Кобза, — пыльно глянувши на Кривониса, — тогди мы зъ тобою побратаемось и я прыстану до тебе, якъ ты усихъ насъ прыймешъ до свого загину.

— Выбачай, козаче, не то для тебе, и за для ридного батька не зминю своєї регулы.

— Якъ не зминешъ, такъ и не треба, — одризавъ Барыло, — винъ и у насъ буде Павлюгою. А що, хлопци, такъ, обираете ёго на ватажка? — скрыкнувъ винъ, озырнувшысь до свого товариства.

— Такъ, такъ, — гукнули козаки, — нехай буде нашымъ отаманомъ! Нехай буде Павлюгою!...

— Отъ и добре, нехай буде по вашому, — загугнивъ Кривонисъ, — теперычкы вже не обрыдатымутъ мыни, щобъ прыймавъ до свого загину, буде до кого приставать, буде кому и людъ той збыть до купы, що вештаецця по острову, неначе отара безъ вивчаря....

Однакъ козаче, — Крывонисъ зблызввся до Павлюгы, — такъ будемо теперычкы его звать, — усе-жь такы мы зостанемся побратымамы и заприсягнемся передь Господомъ, не вложыты въ пыхву нашихъ шабѣль и не погннуть спысивъ, помы не выгоренымъ на Вкраини-усихъ ляхивъ и ксѣндзивъ!

— Та вжежь, бачъ, — одказавъ Павлюга, — не зъ тимъ и узялысь за шабли, щобъ, тее, укладувать, и колы Господь поможе, то й выгоренымъ.

Ажь ось, якъ тагъ вони розмовлялы, огласывся галасъ по поляни.

— Ляхивъ ведуть! ляхивъ ведуть!

И вовхурянци купамы поперлы на зустрічь козакамъ, що вѣлы на арканахъ, зъ скрученымы назадъ руками, килька чоловигъ ляхивъ.

Була се невеличка ватага козакивъ, що шѣсталась и пыльновала по бия Киевського шляху и захоплювала по дорози тихъ нещаслывыхъ, що ихалы до князя Вышневецького.

На таку звистку, Крывонисъ вытрыщывся на ляхивъ, банкы ёго забигалы и заблыщалы якъ у гадюкы, ритъ судорогоу розвело и зубы, ридки и гостри якъ у щукы. выскалылысь и заскреготилы....

По переду вѣлы високого и товстого ляха, мабуть значного пана, бо бувъ добре убраный, въ блажитному

кунтуши, пидперезаный шалевымъ поясомъ, а за нимъ ще чотырѣхъ. Позадъ йшло кильга чоловиѣгъ незвя-занихъ и за ными шляхтянка у шушони, зъ дытын-кою на рукахъ. Бидолахы, озырнувшысь на мучены-кивъ, що сидилы на паляхъ и моталысь на шыбены-цяхъ, звелы очи на небо и звисылы свои головы на груди; побачылы яка доля ихъ чекала....

— Здорови булы, панове, якъ ся маете?! — заре-готавшысь, скрыгнувъ до ихъ Крывонисъ, якъ вони зблызылысь до курина.

Ни одынъ зъ ляхивъ не пиднявъ головы, щобъ глянуть на Крывониса, и мовчки стоялы передъ ото-маномъ.

— Чого-жь се такъ замыслылысь, чого зажури-лысь?... Подывицця, лышень, на своихъ родакивъ, — казавъ Крывонисъ, показуючы на мученыкивъ, — ба-чыте який мы имъ бенкетъ завдалы?... Нехай-бы оттакъ глянулы на ихъ и ваши круленята та патери, побачылыбъ вони, ироды, що наробылы.... Нехотилы, гемоны, мать насъ за бративъ, нехай-же теперычкы мають насъ за ворогивъ. Може вы думаете, що тилькы вашъ кровопыйця, князь Ерема, вміе мордовать людей; я его самого навчу ще лучше катувать: у ёго наши, сиромы, сыдятъ на паляхъ тилькы по тры дни, а у мене и бильшь тыжня!... Та пострывайте, мы й до ёго доберемось, не мынуе вынъ моихъ рукъ, по капли

выточу зъ ёго дїавольску кровь, живого зидять червы...

— Лжешъ, хлопъ, схизматыкъ, — смילו одказавъ ляхъ, въ блакитному кунтуши, — не пародывся ще той чоловигъ, щобъ наложивъ руку на князя Еремїю.... Постривайте, не мыне и трѣхъ днивъ, якъ винъ самъ перевышае васъ, неначе псивъ, и розтыкае ваши головы по перехресткахъ!... Не сегодня — завтра прыйде до князя зъ Волыни тры тысячи кварцяннаго вїйска.... О тоди....

Бривонисъ не стерпивъ такои отповиди. Мовъ вовкъ на ягныцю, кынувся винъ на ляха и, чымъ здужавъ, вдаривъ его по щоци. Ляхъ, мовъ не живой, бебехнувся объ землю, зъ рота и носа потекла кровь....

— Отамане, — гримнувъ Павлюга, — не чесно быть звязаного чоловика!

— Не чесно и заступаця за яропужихъ ляхивъ! — загугнивъ Бривонисъ, хыжо озыраючысь.

— Не за ляхивъ заступаюсь, а за лыцарську регулу!

— Бачу, про ёго вона не пысама! — додавъ Барыло.

— Нахаркать на ту регулу, котру запровадылы у насъ тї анахемськи кателыки, що виддають Божи церкви жыдаиъ на оренду, зневажаютъ присягою, що

клялися на Хрести и святому Евангеліи!... Наша регула темерычки — око-за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь, мѹка за мѹку!... Эге!...

Крывонисъ одвернувся до своихъ вовхурянцивъ и гризно додавъ : якъ опамбятуюецця, зидратъ зъ ёго шкуру; гладкый, буде чымъ куринь вскрыть.... Сихъ трехъ на пали, а сего сухорлявого на крюкъ, винъ довше выситыметь.

Потимъ глянувши на тихъ, що булы не завязани, спытавъ :

— А се що за люде?

— Се наши небораки, лакизы, що зъ панами ихалы, — одказалы вовхурянци....

— Такъ приставайте-жь хлопци, до сёго отамана, — Крывонисъ показавъ на Павлюгу, — и лущить ляхивъ; напыйтеса, наздоровья, тѹю помстою, якъ у спасивку насыцають жадобу зъ холодного родныка....

— Спасыби тоби, отамане, за твою ласку, — одказалы лакизы, вклонившись Крывонису.

— А се що за вельможна пани, зъ чортенямъ на рукахъ? — запытавъ Крывонисъ, глянувши на шляхтянку.

— Тежь нечиста маты несла до Вишневецького, — загомилы де яки зъ вовхурянцивъ, — тамечки ей чоловижь жолнируе у князя Еремїи.

— И мабуть мордуе нашихъ бративъ и высмогтуе зъ ихъ остатню кровь! — Крывонисъ хижо скинувъ очыма на дытынку. — Бачъ яге маленьке, у пелюшкахъ ще, а вже воно найстарше, бо ляхского роду, круленя соби, матери ёго сто чортивъ у живить, а якъ выросте бисеня, той буде насъ нивычыть и пыты нашу кровь.... бодай воно не диждало! — Зъ остатнимъ словомъ Крывонисъ выхопивъ зъ рукъ матери дытынку и вдаривъ ей головою объ каминь. Черепъ розметився на дрибни шматочкы и забрызкавъ кровью и мизкомъ матиръ и тихъ козакивъ, що стоялы на около.... Шляхтянка скрыкнула; пидняла руки до неба и, якъ не жива, вдарилась объ землю. Уси съ жахомъ одступылы назадъ и хутко стряхувалы зъ себе шматкы мизку и черепа, неначе огневи искры, щобъ воны не спалылы одежи.

— Привьяжить, лишень, сучку до стовба, — прогунивъ Крывонисъ до своихъ вовхуряницивъ, — чымъ выговдувать пьявку, щобъ высмогтувала зъ насъ жровъ, нехай годуе комаривъ, погы сама зъ голоду не одубіе....

Ти и потяглы небогу....

— Що ты робышь, пане отамане, — загомонилы Барыло, Павлюга и де-яки зъ козакивъ, — побійся Бога!...

— Ляхамъ своимъ коханимъ розкажуйте, а не мыни! — гримнувъ Крывонисъ, вызвирывшысь. — Сежь

воны, сами, наварылы соби кулишу, нехай-же, тепе-рычки, и трискають, поки не луснуть!...

— Ходимъ, звидци, хлопци, озывався въ юрби Барыло, — ягъ бачыте, ничого намъ тутечкы робыть!... Мабуть и той змій, що колысь, у сихъ печерахъ жывъ, не лютовавъ такъ, якъ сей котолупъ лютуе.

— Ходимо, ходимо, — гомонилы козаки рушаючы, — на одну-бъ ёго гилляку зъ Еремою!

Гныда зупынывъ ватагу.

— Пострывайте, люде добри, — сказавъ винъ, — поки я поражусь зъ Крывонисомъ объ моёму дили, може й вамъ доведецця вкынуть розумне слово и даты пораду.

— Радся, радся, — загомонилы козаки, — тилькы швыдче, бо вже намъ обрыдло дывыцця на сёго Ирода.

Гныда пидійшовъ до Крывониса и такъ почавъ :

— Старый Гуня доброго тоби здорёвья зычить, а Бубнивськый протопопъ Свить посила свое благосло-веніе и наказуе тоби, щобъ ты бувъ лыцаремъ, а не катюгою....

— Нехай винъ батькови своему лысому наказуе, — перехопывъ Крывонисъ, насупывшысь, — або своимъ бурсакамъ, а не мыни. Кажы чого имъ одъ мене треба?

— Старый Гуня и Свить зибралы въ Прилуччыни

чымале вѣско и намиряюцца поперты на князя Ерему ; дакъ, оце, батъ, прыслалы мене до тебе, порадытысь, якъ бы намъ, разомъ, застукать продоваго сына.

— Спасыби тоби за сю звистку.... Давно вже пора угамовать гаспида !

— Такъ кажы, якъ, колы и де, намъ зібратысь?... Чи намъ до тебе прыйты, чи ты до насъ прыстанешъ, чи може, зъ обохъ бокивъ ёго обыты ?

Брывонисъ на таке запытанья не знавъ що й казать, и стоявъ якъ телепень, чухаючы потылицю ; дали надумавшысь, прогугнивъ :

— Якъ Павлюга зибье до купы увесь той людъ, що зібрався на острови, тогда вчынемо раду и дамо тоби одповидь.... Чи чуешъ, побратыме, що я кажу ? — додавъ Брывонисъ, озырнувшысь до Павлюгы.

— Чую, — одказавъ Павлюга.

— Такъ робыжь що треба, наwerbуй соби загинъ, нехай тоби Господь помогае, а якъ наwerbуешъ, дай мыни звистку....

Сиромы наши, попрощавшысь зъ Брывонисомъ, метнулысь видъ ёго якъ мога, щобъ не бачыты, якъ мордоватымутъ тихъ ляхивъ, що прывелы, бо погы Гныда радывся, ляхъ у блажитному жупани опамьятовався и вже потяглы ёго на дуба, а другихъ повелы насажувать на пали.... Голосно огласывся гай, галасомъ

новыхъ мученикивъ, особливо кричавъ товстыѣ ляхъ,
зъ котороу здирали шкуру: проклинавъ винъ и ко-
закивъ, и патеривъ, проклинавъ и той день, що наро-
дывся, проклинавъ и самого Папиржа....

ХІІІ.

За тѣждинь до пророка Илли прійшли вовхурянци зъ Крывонисомъ пидъ Немиривъ городъ, щобъ напасты на вражихъ ляхивъ; а за нымы слидкомъ зибрався туды-жъ такы и загинъ Павлюги, що наwerbубавъ винъ зъ Барыломъ.... От-то войскова старшына порадымысь и осадылы Немиривъ облогою. Зо всеи околыци позбиралась у городъ голодраба шляхта. Було такы кому ёго и боронить и одстоювать; булы понароблювани валы и засады зъ земли й хворосту. Два напада ляхы одбыды и козакивъ чымало полягло. У самый же день пророка Илли, у досвита, почалы козаки третій нападъ. Спершу роздався гукъ и галась, а тамъ — загуло, затрищало, загрякотило, заревыло, загримило, застогонила земля, — и козаки пробылысь у городъ. Якъ весняна вода въ прорвану гатку, такъ вони прожогомъ хлынули туды. Та й була-жъ тамъ гаспидьска работа....

Крывонисъ заразъ зъ своими вовхурянцями метнувся

по городу на здирство и душегубство ляхивъ та жыдивъ. Павлюга же потягъ зъ своимъ загиномъ до замку князя Четвертынського, що стоявъ обмурованный высокою стиною, и обставленный самопаламы, гакивніцями и гарматамы....

Тай задалы-жь вовхурянци лупку шляхти и жыдамъ. Бильшь двадцаты тысячь лоскомъ положили: не було спуску и мыловання ни старому, ни малому, ризалы матирь, ризалы и дытыну на ии грудяхъ. Не було и валантанья; бо на третій день, ягъ зовсимъ упорались, прыйшли вовхурянци до Крывониса и кажутъ ёму: «всихъ ляхивъ и жыдивъ выризалы, зосталась тильки въ живыхъ одна жыдивка».

— Чому-жь и ии не заризалы? — спытавъ Крывонисъ.

— Тамъ така гарна, матери ий лыхо, — одказалы козаки, — що не пиднялась ни въ одного й рука....

— Ягъ бачу, голопузи вы пуцьвиринки, а не козаки, — скрыкнувъ Крывонисъ: привести лышень еи до мене, такъ побачыте, ягъ пиднимецця рука и на гарну.

Прывелы жыдивку, дивчыну литъ симнадцять, таку щуплу, тиндытну, очыци, ягъ ти зирочки, а на выдъ билу и змазлыву, що не можно й сказать. Лютымъ, хыжымъ поглядомъ огынувъ еи Крывонисъ, — та й жыдивка дывилась прямо ёму у вичи. А ягъ Крыво-

нисъ выхватывшы шаблю, пидійшовъ до неи, то вона одною рукою митью зирвала зъ плечь хустку, а другою пидибрала довгу и чорну, якъ гайворонъ, косу, и розкрывшы шыю, схылыла голову передъ Брывонисомъ. Нещасна сама бажала смерти, бо усе за для неи згынуло; зосталось тилькы ненавысне жыття, сирощтво и гирка доля на свити....

— Бачъ, чого схотилось! — гримнувъ Брывонисъ, вкладаючи у пихвы шаблю, — не буде по твоему.

Жыдивка кынулася на вколюшкы передъ Брывонисомъ, благала убыть ии и покырно схылыла свою голову. Брывонисъ впывся въ ёи своимъ хыжымъ поглядомъ и, здавалось, не чувъ еи мовы....

— Справди гарна! зъ биса гарна! — пробубонивъ винъ и, обертаючысь, до козакивъ, додавъ: одвесты въ мій курина.

Покы от-то Павлюга бравъ замогъ князя Четвертынського, вовхурянци добре пылы, гулялы и дилылы помижъ собою здобичъ и гроши, що добулы одъ жыдивъ; а Брывонисъ усе возывся зъ своею жыдивкою, якъ кить зъ оселедцемъ.... Носа не вытыкавъ зъ свого курина и, навить, не ходывъ на бенкеты товариства....

А доки оттаке діялось у Немириви, загинъ Павлюги высадывъ замкову браму и узявъ замогъ на спыса. У замку поховалысь значни паны, ксёндзи и усяка шляхта. Уси воны тутечки-жъ, заразы, булы выризани

у купи зъ жолнирамы; самого-жъ князя Четвертынського за чуба выволокли зъ палаца и бия рундука одрубалы ёму сокирою голову. Изъ панивъ zostалась жыва одна тилькы княгиня, — бо ин притьмомъ прывравъ у свои руки Павлюга....

У вечери, того-жъ дня, зибралысь козагы у замокъ на бенкетъ. Було тамъ чимъ и прывитаты и частуватысь: княжеськи кухари зварылы вечерю зъ доброй стравы и напеклы усяки прымягы и вытребенькы. Зъ пидваливъ цылымы бочкамы попочувалы венгерське выно, стары меды, наливкы и ренське. Вечерею запорожцы удовольнылысь, бо казалы: «оце не то, що гарбуза найжся, а на вербу подывыся, то й станешъ голонный». — А якъ от-то вже добре пидпылы, та почалы точить теревери, посыпалысь на Крывониса насмишкы и уразлывы глазування; почалы натягаты и на те, що винъ непотрибно злыгався зъ жыдивкою....

Крывонисъ и самъ добре знавъ свою выну и ввочевидкы бачывъ, що такую подією тратывъ виру и сылу у себе помижъ товариствомъ. И отъ винъ, — чого-бъ за для ёго не було, — захотывъ зновъ пидняты себе и свою сылу помижъ козакамы. Звеливъ одягты якъ найлучче жыдивку и прывесты ин у замокъ, де гурбою козачество товклось и пробувало. Прывелы жыдивку, убрану у найкрайщу одѣжу княгини Четверынськой. Довга до колинъ коса була рознущена въ неи,

а голова убрана виночкомъ изъ свижихъ квиточекъ. А щобъ лучше можно було усимъ їи побачыть, Кривонисъ пиднявъ и постановивъ їи на стилъ, по середины зали, та й самъ злизъ на стилъ и ставъ по праву ручъ билия нен.

— Ось вамъ, паны-молодци, и жыдивка! — крыкнувъ винъ, — якъ бачыте не бороню їи и не ховаю; у кого пидіймецця рука, нехай той и збавыть їй выгу!

Козаки зтовпылысь коло столу и роты порозвивлялы, дывлючысь на таку дуже гарну жыдивку. Лютованьямъ и кровью воны насытылысь вже въ доволю, такъ що, якъ-бы у ти поры привелы не то що красыву жыдивку, а й поганого жыда, або ляха, то й на того не пиднялась-бы ни въ кого рука.

— Чого-жь мовчытэ, та зубы скалытэ? — зъ лютостью проговорывъ Кривонисъ, пидбираючы ливою рукою косу жыдивкы: рижте, стреляйте, на тэ и прививъ сюды жыдивку!

— Колы доси не заризалы, — озвалысь де-яки, — дакъ нехай жеве небога....

— Нехай жеве! нехай жеве! — роздався кругомъ гоминъ козакивъ.

— Ну, дакъ не корыть же и мене....

Зъ остатнимъ словомъ шваркнула зъ пихвы шабля, заблыстила, голова жыдивкы на аршынь пидскочыла въ гору, а зъ трупу кровь струменемъ забыла, за-

дзюрчала, — и винъ гепнувся до долу. Товпа козакивъ хутко одскочыла назадъ и зъ жахомъ глядила на Крывониса....

— Товарыші! — гаркнувъ винъ, трясаючі шаблюю: ся шабля перетяла ланцюги коханья, чи вдержаяжъ видъ неи ляхскіи кайданы?!

— Ой отамане, ой отамане! загудили козаки....

Вовхурянци кынулысь до своего отамана, зняли ёго зо столу и довго колыхалы на рукахъ, выхваляючи ёго лыцарске завзяття....

Бенкетъ все йшовъ, та йшовъ, горилка и ренське все бильшь и бильшь розпалялы и мордовалы козакивъ. Ажъ ось посыпалысь кепкуванья и нариканья и на Павлюгу. Не одни тильгы вовхурянци, а й богато зъ загину Павлюгы вымогалы одъ ёго, щобъ вывивъ передъ товариство и свою кохану — княгиню, и розправывся зъ нею, якъ съ жыдивкою Крывонисъ.... Павлюга, ухмыляючысь, выразно одказавъ козакамъ: «на сёгодня буде зъ васъ и одніи жыдивки, а завтра, вранци, выведу на замковый майдень княгиню и परिшу зъ нею такъ, якъ Богъ на сердце мыни погледе».

На другой день, вранци, увесь замковый майданъ вкрывся козакамы и православнымъ людомъ. Биля палаца постановленъ бувъ стиль зъ образами и запалеными восковыми свичкамы; прыйшлы пипъ зъ дякамы, въ усёму облаченню, и зибралысь отаманы и

війскова старшина. И от-то заразъ одправили благодарственный молебниъ за даровану Господомъ побиду надъ ворогами....

Писля молебня метнувся Павлюга и пидійшовъ до налю, ведучи за руку княгиню, и тутечки заразъ почалы ихъ винчати. Княгиня була убрана въ украинску одѣжу: въ шолковій плахти, зъ малынового оксамиту шушуну, обгантованному золотыми поворозками, а на голови бувъ парчевый дорогой очипогъ, та ще обмотанный тонкымъ, якъ павутина, серпанкомъ. Тилькы княгиня була дуже смутна: слѣзы лылыся зъ очей ии и облывали жимчугъ и самоцвиты, що сіялы у неи, на высокихъ грудяхъ. Павлюга пыльно ии розважавъ, а самъ бувъ такый бадѣрыстый. — Козаки, пидморгаючи, казалы промежь себе — *орэль!*...

Такои гарнои красывои пари, розказувавъ панъ-отець Ларивонъ, не прыходылось ему на вигу винчаты, и, писля цієї мовы, обтерся шовковою хусткою, що досталась ёму писля винчання....

Якъ тилькы звинчалыся, Павлюга выхопывъ свою шаблю и обернувся до козакивъ; а ти зъ жахомъ и мовчки дывылыся на свого отамана: у всіхъ похололо на души, — бо у кожного була передъ очыма жыдивга....

— Паны — молодци! крыкнувъ Павлюга, показуючи на свою молоду: се, передъ вами не княгиня, а козачка,

жинка моя; просымо поважати їн, а колы якый необачный скривдыть їн словомъ, а бо поглядомъ, то я ёму отсею шаблею тежъ отчешу голову, якъ учора Крывонисъ одчесавъ голову жидивци!...

— Ой отамане! ой отамане! загулы козаки. — Шапкы полетили у гору — и молодыхъ зъ шанобою ввели у палаць, и весилля справылы, якъ треба по козацькому звичаю: може пидъ сотню сопилокъ отдерали козаки тропака и гопака въ присядку; танцювали и пидъ ту, що музыка грае: *свини въ жьити*.... Булы тамъ и всяки панськи шпундри и вытребенки, и хвигимиги, и дуже добре частування....

Писля винчання бачылы де хто изъ козакивъ, що якыйсь старый чоловикъ, зъ торбою за плечима, пидходывъ до пань-отця Ларивона пидъ благословенне, давъ ёму скилькисъ шагивъ грошей на частычку, прохаючи: помьянуть побытихъ козакивъ, а Павлюзи зъ жинкою переказать: «нехай соби здорови будуть, та шануютця на все добре»; и от-то заразы кудысь почимчикувавъ.... А йдучи бубонивъ соби: «Крывонисъ.... гаспидська у ёго душа.... не здобровать ёму катюзи»....

Писля того, добре згодомъ, була у Сичи и така чутка: Разъ, десь, пры вйни, старый чоловикъ, що носывся зъ торбою, переказувавъ Крывонису пораду, що де, и якъ треба дйати, бо дуже погане дило выходило одъ ляхивъ.... Крывонисъ не послухавъ тыеи порады,

и багацько погубивъ козакивъ. А якъ Марко зустривъ Кривониса, то докорявъ и лаявъ ёго за ёго негодящу пригодність и за ёго завзятість и харцызство. Кривонисъ, ягъ скажена звиряка, кинувся на старого зъ шаблю, дакъ винъ ципкомъ своимъ перебивъ у Кривониса шаблю и такъ ёго отдубасывъ, що винъ після того тыжня черезъ два и дуба давъ.... Умираючы, Кривонисъ, хочъ гирко каявся за своє люте завзяття, а все такы казавъ, що виру и своихъ людей щиро боронивъ одъ трелятыхъ ляхивъ....

XIV.

Що таке діялось и робылось на Подоли и на Воляни, и якъ тамъ люде былысь и грызлысь якъ ти звирыкы, у далеку сторону Украины не доходило ниякои звисткы. У тихъ мистахъ, де тече ричка Самара, и тамъ, де протикають соби и други ричкы: Вовча, Гниздка, Кочерга, Тырса, и по биля ихъ ростуть густы лиса, та розляглысь шыроky лугы, тамъ порозсемылысь и по-посидалы хуторамы и сельбищамы ти запорожци, котри одкозакувавше у Сичи, позагодылысь жингамы, та дитьмы, та й стали соби хазайновать.

Въ однимъ такимъ мисци, коло самой Самари, яке зовеця «Билого кишло», живъ козаць, вже немолодый, — Иванъ Гоцопунь. Заможный бувъ винъ чоловікъ и добренна душа. Мавъ жинку Орышку, пе всыпущу, тоби, хазайку — мычки и веретена зъ рукъ невышускала — та тилькы злющу и запеклу цокотуху на вси хутори. Винъ соби бильшь мовчавъ и потуравъ

ій, бо дуже не любивъ жиночого крыку; а колы вже було не вытерпе еи дорикання за ту горилочку, и на-дае ій бебехивъ, дакъ вона ще гирше розрепетуецця, кинецця до мѣсника и побѣе чаркы и повылыва зъ посудыны горилку. Така!... От-то винъ сердега потимъ розмыслыцца и начне ій доглядать, — бо розумна таки и голова була у ёго: «що якъ ходывъ ще по землѣ Хрыстось зъ Петромъ, то казалы народови, щобъ не було жиночого верху, а то й добра на свити не буде; отъ що знай».... Вона, слухаючи таки речи, зробицца сумною и на яку часыну посмиришиша.... Винъ-же, оце хто-бъ не завернувъ на двиръ, або не зайшовъ въ хату, ё кожному горилкы чарка, а другого и самъ поклыче, щобъ выпыть не въ самоти, на добре здоровье.... Э, вже нема теперь такихъ, нема. Хочъ зъ каганцемъ шукай — нема таки, нема....

На празныкъ святого Мыколы, весняного, зибралысь до ёго зъ позаранку сусиды: Остапъ Завалій, Охримъ Передерій, Терешко Кваша, Панасъ Ганчирка и други, всихъ чоловикъ зъ висимъ, на беседу и пороспытацця: чи нема якои чуткы зъ Польци, и якъ то тамъ наши небораки-запорожци зправляюцця зъ гемонськымы ля-хамы.

Щырый хозяйинъ радъ бувъ гостямъ, бо хотилось такы на святой празныкъ гульнуть, тай на ту пору и стара его десь бабувала.

Посадывъ винъ гостей у двори, пидъ вербамы, вынись изъ комори казанъ, повисывъ ёго на тринишкахъ, наливъ у ёго горилкы видра зъ пивтора, або зодва, и вкынувъ туды-жь меду; а зварывшы такимъ побытомъ горилку, всунувъ у руки кожному гостю по корячку и почалы частуваця и кружать. Оттагъ, сыдячи пидъ вербамы, въ холодку, и торкаючи по троху гарну варенуху, кожный розказувавъ про свое перше життя у Сичи и про клáды, де, у якимъ мисци, ихъ батькы позаконуваы видъ орды, та не якъ ихъ не найдуть. Точилы усяки теревéни-вéни; а дали мирковалы и обьтимъ, що от-то бись, та ёго диты, усе мутять на свити.... Эге!... Якъ чортъ улизевъ очереть, то въ котру схоче дудку грае.... Хочъ пый — умрешъ, и не пый — ноги задерешъ....

— Ни, ни, воно бачете, и отъ якъ буває, — почавъ казаты Гоцопупъ, — та люде не хочуть тилькы того прымичать: доброму чоловигови и добрый кинецъ вика буває, а лыхому лыходию — поганый.... Хочъ зробывъ зле дило твй дидъ, або баба, або батько, або маты, воно оконшыця колы не на тоби, те на твоихъ дитяхъ, унукахъ, и не буде вже имъ не путьтя, не добра, куды не повернутця.... Воно, по пысанію, треба и скотыну жалить, шанувать, а не то що чоловика.... А навижённы, зли, та дурни люде, одъ чого, думаете, родютця?—видтого самого, що не такъ, якъ треба, жы-

вуть чоловікы зъ жынгамы. Винь тоди дотынаецця, якъ бува п'яный, нависный, а часто и писля того, якъ побье жинку, а буває, якъ и вона его п'яного потовче; а оттака и друга непотрибность на урôду людей и духъ дуже дïе.... Воно вирно. Бо якъ и винчають, то у церкви апостола чытають: «тайна оця велика є!»...

Уже наши запорожци булы добре п'яненькы; вже деяки розмовлялы и объ гарнихъ молодыцяхъ, а деяки почалы лаяцця, и може сварка довела-бъ и до кулакивъ, якъ дывлюцця бижыть видь лису прямо до ихъ якась стара жинка.

— О, дывицця, се, здаецця, бижыть наша стара Горпына Гвоздычка, — обизвався хозяйинь.

— Яка-то Горпына? — де яки спыталы.

— А жинка старого холодного коваля, *) що на Свынорояхъ жеве.

И справди, незабаромъ швыдко пидйшла до ихъ гурту старенька жинка зъ добрымъ пучкомъ зилля, и, трясаючи головою и задыхаючи, переказуе: «охъ мыни лышечко! трохы не вмерла въ лиси, зъ переляку!»...

— А що тамъ таке збôилось? — обизвався Васыль

*) Слесаря.

Бваша, — схопившысь на ноги и пропустывъ пидь свои страшени вусы корячокъ тией варенухы.

— Охъ, мій голубе сызый, и згадаты, и розказаты страшно! Скільки жыву на свити, а такого страшеного чоловика не бачыла. Тамъ такой здоровенный, головатый, банькатый, зъ закорюченнымъ нисомъ и зъ торбою за плечыма.... Такъ бито вовкулака, чи-що? И въ той часъ у лиси зозуля кувала, лыхо вищувала....

— Бабо, Горпыно, озався хозяйинъ, та то мабуть Марко зъ пекла?

— А може, серце, и винъ! Може....

Тутъ вси гости зареготалысь.

— Эй, не смійтесь! Баба Горпына не вміе брехаты. Я вамъ такы кажу, що злякалась такъ, що ледве додыбала до вашои господы. «Духъ звятый знамень и свята пречиста», — тай стали хрестытця.

— Годи, бабо, трусытыся, та лякатыся, — обизвявся хозяйинъ, — сидай лышинь небого лучче зъ намы, та выпый чарчыну сіеи жывыци-ледащыци.

— Охъ, мій голубе, та може-бъ воно ще й рано для празныка святого?

— Та нубо пый, колы дають! Знаю, якъ покуштуенъ, то й ще попросышь....

— По цій мови, бувайте козацьство здорови, — видказала баба Горпына, и, скривывшись, неначе той грихъ, пропустила чарку варенои горилки черезъ свои зморщени губы, а потимъ и другу, и третю.

— Ну, що, — зареготалы козаки, питаючи, — добра горилка?

— Добра, голубы мои, добра, тилькы ин и пыты такимъ, якъ вы, запорожцямъ козакамъ....

— Э, голубко, яки вжъ зъ насъ козаки, — озвався Кваша, — мы бачъ, теперычки тилькы жиночи попыхачи.

— Стрывай! — скрыкнувъ Ганчирка, — узявшысь у боки, що ажъ луна покотылась, — що ты казна що мелышь! Спытай лышинь ин: чого вона була въ лиси, и кого вона збираецця отруить, чи що, отимъ зиллямъ?!

Тутъ боба Горпына ажъ пидскочыла, — а козаки зновъ зареготалы.

— Не така я людына, мон соколята, щобъ труиты и згоняты людей зъ свиту, а якъ що и збираю добре зилля, то бильше для любощивъ, та одъ пропасныць и всякои хворобы. Отъ що!

— Добре, бабо, добре, видказалы козаки, — и зновъ пиднеслы баби чарочку.

— Та може воно-бъ и годи? нібы нехотячи промовыла стара Горпына и выпыла горилкы, покряхтивше.

— А, тай солодка-жь! и баба помолодила. Ну нічо́го, гарна я стала? Отто якъ-бы мій старый побачывъ.... Гóсподи! та дежь мое добре зилля?...

И стара почала кряхтитъ и збирать на земли розкидане зилля, приказуюче: оце, бачыте, сонъ.... оце, горіцвить.... и годяча цыбуля.... оце, пытривъ батигъ... оце, тырличъ.... а оце, свырбигузъ и деревій, до грудей и до чоловічого жывота добрый.... оце, буркунъ.... а оце, чорнóбиль.... до головы и до жиначого жывота дуже потрібный.... а оце, молочай, якъ чоловікови вже, знаете, невдачай.... А въ пазуси ще й ремезине гніздо є: хто ёго мае у хати, то буде добре життя жинци зъ чоловігомъ, абы воно було зъ однією диркою, а не зъ двома.... Бачте!

А ну, стара молодыця, заснивай лышинъ намъ що небудь веселе, — загомонили козаки.

Баба Горпына, обизвалась: «отто чого схотилось», и узявшысь у боки, почала прымовлять та прытуповать:

И пидтыкалася,
И пидсмыкалася,
И пидперезалася,
Ёму сподобалася....

— А що козацтво?

— Гарно, бабо, гарно! А ну лыпнишь писяню танцю-
рыху.

Туть уже стара ничего некажуче, пишла трохи легше,
а потимъ и дужче танцювать и додавать словами:

«Боло мене хлопци жвави,
Молоди и чупряви,
А я зилля настарчаю,
Ихъ изъ лыха выручаю.

Якъ покладу, та размажу,
Та про дивчыну розкажу,
То мій хлопець ажъ, ажъ, ажъ!
Каже — бабко, сердце, мажь!

А я перцемъ, зъ лободою,
И зъ усякою бидою,
Мажу крыжи, плечи мну, —
Оттака я, бачте, ну!»...

Козаки регочуть одъ бабенои писни и танцивъ, а
вона усе такы прымовля:

«Ось, яка я, бачте, ну,
И сюда я, бачте, гну,
И оттакъ я, бачте, ну!»...

Де-яги зъ козакивъ плюнуды, дывлячысь на бабыны выкрутасы, а други обизвалысь: «та нехай тоби, бабо, печеный жыдъ, яка-жь ты усуружна».

~~~~~

XV.

Отто вже баба угомонилась и побрела соби, а деяки стари запорожци затыгли було свою пiсню: «Въ Одарочки ночувавъ, та зъ печи ввирвався», — якъ пидхóдыть до Гоцопупового двора старый чоловикъ, зъ торбою за плечыма и, негажучы здоровы-булы, прямо звертаецця до козакивъ понуро и зъ grimною мовою:

— Ачъ! якъ вони тутъ глуздують, та бенкетують.... А тамъ горять села, города.... мучать народъ хрыстіянскій. Хиба забулы гетмана Остряницю, обозного Сурлылу, Чурая, и другихъ, якъ ихъ ляхы колесовалы и прыбывалы живыхъ на паляхъ, облывалы горячою смолою и жарылы пекельнымъ вогнемъ. Забулы!... Хиба не знаете, якъ наши церкви поограблѣвани и виддани жыдамъ на оренду, а саму виру зруйновалы ворогы-гадюкы. Усе забулы!... Подывылысь-бы, що таке дiтця и теперычкы на Подоли та на Волини!...

Онъ городъ Буша зовсимъ зъ людьмы пропавъ!... *) Тамъ люде сами себе предавалы смерти, щобъ тилькы збавыцца одъ ляхивъ; тамъ жинга козацького сотныка Зависного сила на барыло зъ порохомъ, пидцалыла ёго, — та й була така...

— Нащожъ на Божому свити те й козацьство, якъ не на те, щобъ боронить святу православну виру и людей видъ супостативъ? А вы сыдытѣ оттутъ зъ жинкамы, и ничего соби не думаете и не робыте. Вамъ и байдуже людска погибиль... Хиба хочете, щобъ и васъ татарва побрала у неволю, або ляхи новыризалы та потопылы у Самари?...

— А тоби яке дило до того, що мы бенкетуемъ, — обизвалысь въ одынъ голосъ хуторяне, — що ты за отаманъ такий, и видкыля ты у биса прыплентавъ сюды вчыть и корыть насъ, що мы гулякы, пьяныци... Яке тоби дило; иды соби геть, къ нечыстїй матери, видкыля прыйшовъ, а не то, якъ ще начнешъ тутъ бильшь патякать, то мы тебе и по потылицы протуримъ, якъ навиженого.

Бильшь всихъ крычавъ и сплався Ганчирка.

— Ого-го! Ще не народывся той, щобъ бывъ мене, а не то оттаки жиночи налыгачи якъ вы, позалывавше пѣльки.

---

*) Kochowski Clim eter, 1.144.

Пидгулявше козацтво ще бильшь роздрочылось, вси воны повскагувалы зь кулаками.

Чоловикъ (то бувъ Марко), якъ той левъ, ставъ проти ихъ, тай каже:

— Пидходьте-жь, чого зупынылысь, та роты пороз-звлялы бисови пьяныци. Я вамъ того дамъ, чого бильшь не зхочете, — показуючи имъ свій ципокъ.

Запорожци добре вже булы пьяни и почувшы такы речи, кынулысь вси на чоловика, зь непотрибною лайкою и гомономъ: «провчимо, гемона, провчимо!» И, якъ тилькы що якый зь ихъ пидйде до Марка, щобъ ударыть ёго, то винъ, — стоить соби якъ уюпаний, зь мисця не ворухнецца, — того пхне рукою, а другого текне ципкомъ, або вхопыть за чупрыну и стусане, то дакъ къ бису и гепнитця, або покотицца; якый же пиднимытця, то и вдруге, и втрете пхне. Позабывавъ имъ зовсимъ паморокы....

Оттакъ перебравшы всихъ гулякъ и дуже вылаявши ихъ, якъ непотрибнихъ козакивъ, Марко пиднявъ свою торбу на плечи и потягъ зновъ до лису, не оглядаючысь....

Козаки-хуторяне зовсимъ булы збыты зь пантельку, не зналы що й робыть, що й казать, забулы й за горилку.... А якъ от-то трохи прочунылы и прочухалысь, Гоцопупъ обизвався до ихъ:

— А що, хлопци, може отой якыйсь, чудный старый чоловикъ и добре дило намъ казавъ, бо и я першь чувъ, що дуже страшно діетця на Воляни и на Подоли, и якъ тамъ знущаюця надъ нашимъ хрещенымъ людомъ.... Похмылицця хлопци, та йдить до дому, а завтра уранци нехай кожый иде по сусиднимъ оселямъ, та хуторамъ, збирать охотныкивъ, и якъ зберемъ добру ватагу то й пошлемо ии зъ Богомъ на помичь нашимъ запорожцямъ у Волянь.

О пился того незабаромъ позбиралось такы чымало Самарскихъ и Вовчанскихъ лугаривъ, и потягли вони ватажкомъ на пидмогу своимъ....

XVI.

До того урѣмья помы не втыхомырылысь битыця за-
порожци зъ ляхамы, та зъ татарвою, бидолаха Марко
появлявся зъ перегодомъ и здалигидь у тихъ мисцяхъ,
де воювало и былось запорожське вѣйско. Де яки за-
порожци зналы Марка за свого чоловика, и якъ було
забачуть ёго то й кажуть: «онъ сиромашный дидь
прыдыбавъ до насъ на помичъ». Тай такы робывъ
винъ имъ добру помичъ. Збиравъ побытихъ козакивъ,
рывъ ямы и закопувавъ ихъ, прохарамаркавши надъ
погійныкамы молитву. А яки було сердешни козакы
лежать у степу, або въ лиси, увичени та поране-
ни, то винъ доглядавъ ихъ и добувавъ имъ хлеба
и воды; а де-якимъ робывъ и ликы: прыкладавъ
и прывязувавъ до ранъ зилля, подорожника, або зая-
чого вуха и де-чого другого; иншимъ же слабимъ, щобъ
подужчалы, дававъ пыть по маленькому бухмику го-
рилкы, настоянои на деревію, або тернывкы, а кому

було и перцівкы. До тихъ же ранъ, котори зайтры-
лись и дуже пеклы, прыкладувавъ розризанихъ жабъ,
и видъ такихъ лыкъ раны загоювалысь и козаки выж-
дужували. Дуже и щиро винъ трудывся надъ такимъ
диломъ. А от-то було якъ прыходыця запорожцямъ
на вйни сутужно, або складеця недогѳда та необач-
нысть яка, то винъ гукае, та махае имъ, де що ро-
быця и де що не такъ, або куды держать стригача.
Часто ёго слухалы, и часто бувавъ вйнъ у пригоди....

Потимъ, якъ отто перестала на Подоли и Волыни
колотнеча и ризанына, и вже усе утыхомырылось,
Марко потягъ на Капказъ. Тамечкы винъ скрызъ по
Кубани и тому Тереху, що вовчицею реве, шугавъ
кладивъ, щобъ добути казны и построить на черке-
ськихъ горахъ Прычystenъскій манастырь, подобный
якъ на Охвонскій гори, щобъ тамъ поселылысь соби
пустельныкы, та ченци. Думка у ёго, бачъ, була така:
щобъ усе благать, та благать, Господа, трудыця,
тай трудыця до кривавого пѳту, за збавленіе своихъ
безмирнихъ грывивъ; а друге и те, щобъ руськы
люде ходылы сюда Хрысту Богу молыця на спасеніе
души, а не захожувалы въ бусурманську, трекляту
турецьку землю, опричь святыхъ мистъ, де и винъ
бувавъ. Уже було Марко зъ однеи высокои горы, надъ
густымы байракамы, а по билиа ихъ родныкамы доброи
воды и жереламы и тычіямы цилющои воды, — гоми-

номъ та лякамы, порозгонявъ бисовыхъ сынивъ черкесивъ; порозчищавъ на тій гори мисто, склавъ соби каплычку и обставывъ ии хрестамы; позносывъ на тужъ гору здоровецьки кампня, зъ десятокъ, добрихъ копыць, на збудованье монастыря; та скильгы не бывся, не трудывся, кладивъ не знайшовъ, и вся ёго турбація такъ тамъ и осталась. Зъ виттеля пишовъ дальшь. Лазывъ отто винъ и на ту високу, превсякоу гору, де зупынився здорovenный байдакъ праведного Нія, якъ бувъ оттой, колысь давно, велыкый потопъ на земли, за грихы чоловичи, а може бильшь за и жиночи.... Швендявъ винъ и по Персыянскій земли. Тамечкы винъ запримитывъ, що у тій земли люде носятъ каптаны зъ перекинутыми за плечи рукавамы, якъ и въ запорожцивъ, и ця одежа называецця по ихнѣму козакъ. Кумедно тай тилько показалось ёму: *одежа козакъ*.... Що воно означа? Нехай письменни розберуть.... Доходывъ винъ ажъ до Вырія, куды небесни птыци злитаюця на зимивлю; тамъ винъ бачывъ — крїй Боже, яку тьму — темриву всякои, превсякои птыци, а мижъ ными такихъ здорovenнихъ индыкивъ, неначе добри быгы. А идучи туды доводилось ёму побачыть и тихъ навиженихъ людей, що молюця до вогню, и тихъ, що крутяця якъ оглашенни; та якъ от-то побачывъ ти вогни изъ пидъ земли горящи, то задумавъ було спалыть у тихъ вогняхъ свою торбу

зъ головамы, такъ ни, не згорыла гёмоньска торба, тилькы почищала, та набралась нехтяного духу. Писля того вже бувъ винъ въ Русалыми. Дуже молывся и благовъ у Хрыстового гроба за свои претяжкїи грїхы; тилькы козацька ёго натура не вытерпила, тамъ винъ надававъ стусанивъ тимъ туркамъ, що розпихають людей у храми Божому и коло Хрыстового гроба, тай вони ёго таки товкыли и трипалы, та ничего не зробылы, а тилькы казалы соби, по турецькїи: «оце, мабуть, русьска сыла». Булався Марко зъ торбамамы и у ричци Ёрданы. А зъ виттила повертавъ и въ той край, де жывуть усе чорны люде, котори прозываюця орапамамы. Плентався и по тїй земли, де вже от-то край свита, и де люде ходять якъ маты народила. Заносыло его и туды, кудысь, де и литомъ, и въ жнива, усе зима, та морозы, та лядяны горы, а видмеди, ягъ снїгъ били. Богъ его зна, що и робыця у тїй земли, де невыдго й земли. Марко недовго тамъ и бувъ, бо его таки добре пробиравъ страшный морозъ и лиха година. Де вже випъ не бувъ, и чога винъ на свити не бачывъ. Усюды, и по всихъ усюдахъ....

Нашихъ дидивъ диды, а тихъ дидивъ та ще диды, — оце усе розказувалы про *Марка проклятого*. Казалы ще и отъ що: Марко писля того всёго, забравъ у Цесарьску землю, де жывуть таки наши русьскїи люде. Тамъ винъ по одежи ставъ такый кумедный,

що хто ёго зна якъ и розказать, и якъ оповидать. У немецкій, сынній куртци, штаны на ёму безъ очгура и матни, узькї, та ще зъ боку мидными гудзыкамы пообшывани; кожухъ носыть на выворотъ, шерстью поверхъ; биле волосся ажъ плечи накрыва, довги вусы коромысломъ зтырчать, а на голови брыль, якъ та здоревна лупушына. Зовсимъ ставъ чудный, пеначе той пиджареный цесарець, або голодрабый ляхъ зъ Галыцькой земли. Винъ дуже лае и напада на тихъ русьскихъ людей, котри видчахнулысь видъ нашої православної виры и повернули въ гемоньску вуню, та въ кателыцьку виру, и тихъ, що побраталысь зъ ляхамы, а про своихъ русьскихъ людей и забулы. Тамъ вони зовсимъ зашудудивылы, бо набралысь францёватого духу и стали еретычого сына сынамы.

Стародавни люде верзлы ще и таке, неначебъ то, яку нисенїтницу про Марка: що винъ шукае десь за гряницю того виговичнёго жыда, котрый одъ самого роспынання Хрыста ходе по всему свиту, та зъ нечыстою сылою зберае и зносыть жыдамъ гроши. Хоче, бачъ, Марко запонасты ёго и дать ёму доброи прочухангы, щобъ винъ навчывъ своихъ загрянышнихъ жыдивъ, а не нашихъ, по правди на свити жыты, а не все займацця шынгарствомъ, та всякымъ обманствомъ. Бо скыльки Марко не вештався по свиту Божому, а нїде не бачывъ, щобъ жыдь бувъ якымъ-

небудь хлиборобомъ, и щобъ хоть-бы зерно хлиба зъивъ одь своихъ рабочихъ у степену рукъ; або збудувавъ хату, або зробывъ колесо, або полагадывъ его, або бувъ ковалемъ; а то ничогисинько того не роблюче, джиркочуть тилько, та дурять людей хрещенихъ, та обманствомъ добувають грóши и жывуть соби панамы. Уже цыганы лучшій видъ ихъ народъ; хочъ вони и добри брехачі, а жинкы ихъ ворожки, та все тагы де-якою работою займающа: ковалюють, та киньмы мынжуютъ, а въ панство не лизуть, ни....

И ходе Марко по свиту зъ своею преважкою торбою, и зъ своею пекельною нудьгою, и буде оттакъ ходыть до самого страшного суду, покы всимъ жывимъ и мертвимъ не буде сказано по писанію — *аминь!*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

Коммисіонера Императорскаго Новороссійскаго Университета

В. И. БѢЛАГО,

въ Одессѣ.

- Имѣются на складѣ, въ числѣ прочихъ, слѣдующія книги:
- Цабель.** Виноградство. Съ Атласомъ рисунковъ, ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.
- Гибель Виноградниковъ насѣкомое *Phylloxera vastatrix* (виноградная вошь) описаніе насѣкомаго и способъ противодѣйствія съ таблицами, ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.
- Тарданъ.** Виноградство и винодѣліе, съ атласомъ рисунковъ, ц. 3 р., съ пересылкою 3 р. 30 к.
- Льса** — Спасеніе Новороссійскаго края. Практическія замѣтки и совѣты новороссійскимъ хозяевамъ, землевладѣльцамъ и лѣсоводамъ, ц. 1 р. съ пересылкой.
- Полимпсестовъ.** Сборникъ статей о сельскомъ хозяйствѣ извлеченныхъ изъ записокъ общества сельскаго хозяйства Южной Россіи съ 1830 по 1868 г., ц. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.
- Сборникъ руководствъ къ воздѣлыванію табаку, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- Струновъ и Нотбень.** Объ обработкѣ табаку на островѣ Кубѣ, въ Севѣро-Американскихъ штатахъ и въ Турціи, ц. 40 к., съ перес. 60 к.
- Струновъ.** Руководство къ разведенію табаку, ц. 75 к., съ перес. 95 к.
- Насперскій.** Замѣтки изъ практики полицейскаго чиновника, ц. 60 к., съ пересылкою 75 к.
- Нотляревскій.** Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- Подоба.** Нѣчто о паразитахъ, съ 2 таблицами, ц. 45 к., съ перес. 65 к.
- Умиса.** Современное положеніе земледѣлія на югѣ Россіи, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Яронъ.** Ветеринарная полиція или мѣры къ предохраненію отъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ, ц. 1 р. съ пересылкою.
- Путевые записки Эриха Ласоты,** отправленнаго Римскимъ Императоромъ Рудольфомъ II къ запорожцамъ въ 1594 г., ц. 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Марковъ.** Собраніе сочиненій, 2 т. ц. 4 р., съ перес. 4 р. 30 к.
- Даль-Піаць.** Способы пользоваться остатками и отбросками винодѣлія. Съ указаніемъ приготовленія коньяка и виннаго спирта (съ 20 литографированными рисунками) перев. А. Соломона, химика винодѣла при Императорскомъ Никитскомъ садѣ, ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Ночубинскій.** Мы и они, (1711 — 1878) Очеркъ исторіи и политики славянъ, ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.
- Рейхъ.** Причины слабонервности и душевныхъ разстройствъ у женщинъ и предохранительныя, а также лечебныя противъ нихъ средства, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Книга полезная для матерей и вообще для женщинъ.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY
OR BEFORE THE DATE SPECIFIED

